Ю.М. Иванов

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Москва
Издатель Карпов Е.В.
2010

УДК 341.7
ББК 63.3(Рос=Рус)
И39

Ю. М. Иванов.
И39 Социальная история России / Ю. М. Иванов.
– Москва : Е. В. Карпов. 2010. – 160 с.

ISBN 978-5-9598-0133-5

Иванов Юрий Михайлович – выпускник философского факультета МГУ 1952-го года. Кандидат экономических наук, доктор исторических наук. Профессиональная специализация – социальная история в свете трансформации экономических отношений. С 1970 г. работал в Институте международного рабочего движения РАН. В 1994 г. за профнепригодностью был уволен по инициативе директора института Т.Т.Тимофеева.

Оригинал-макет разработан автором.

ISBN 978-5-9598-0133-5

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

Предлагаемая читателю книга посвящена социальной истории России в свете перехода от государственного принуждения к труду к рыночным отношениям. Большинство приводимых фактов уже публиковались разными авторами, о чем свидетельствуют приводимые нами сноски. Их трактовка может не совпадать с той, которая дается в нашей книге. Мы далеки от последовательной полемики по этому поводу, так как она подразумевает проведение самостоятельного исследования. Что касается наших выводов, то они все без исключения лежат на совести автора. Многие из них полемичны, являются предметом ожесточенных споров у нас и за рубежом. Надеюсь, что книга внесет свою лепту в решение обсуждаемых проблем.

03.06.2010 Ю..М. Иванов

РУССКАЯ ВЕРСИЯ МАРКСИЗМА – ВЕРСИЯ ДЕКЛАССИРОВАННОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ БЕДНОТЫ

Особенность исторического развития России - формальное приспособление господствовавшего в Европе марксизма к нуждам движения деклассированных крестьянских масс. В широких масштабах оно обнаружилось во время нечаевского процесса 70-х гг. XIX в. Позднее нечаевские принципы развивались Лениным и его единомышленниками, проверявшими их на практике в годы военного коммунизма.

Хотя с тех пор прошло свыше 100 лет, очищение ведущих положений учения Маркса и Энгельса от бедняцко-крестьянских трактовок до сих пор остается одной из актуальных задач русской философской мысли, ибо незаконченность такого очищения искажает картину социальных изменений в годы военного коммунизма.

В 1951 г. Институт философии Академии наук СССР опубликовал судьбоносный сборник “Вопросы Диалектического материализма”. В те счастливые для руководства Института времена все выводы его публикаций с благословения ЦК партии считались судьбоносными, обязательными к неукоснительному руководству для всех, кто занимался аналогичными проблемами. Среди материалов сборника в качестве ключевой была опубликована статья тогдашнего кандидата философских наук, позднее члена-корреспондента АН СССР А. П. Спиркина “Проблема ощущений в ленинской теории отражения”. В статье доказывалось, что звук, цвет, запах и т. д. существуют per se вне человека, что они не зависят от его органов чувств. На несогласных вешалось клеймо идеалиста.

В ранг последних попал и автор этих строк, написавший диплом, опровергавший выводы спиркинской статьи. В дипломе не было ничего заслуживающего внимания. Обычная школярская работа того времени, каких тогда было великое множество. Выводы А. П. Спиркина опровергались преимущественно ленинскими и сталинскими цитатами, сводившими дискуссию к состязанию в знании высказываний Маркса, Ленина и Сталина. С

этой точки зрения полемика между мной и Спиркиным вполне отвечала жестким требованиям ЦК.

Мое преступление с точки зрения партийного руководства заключалось не в том, как доказывалось, а в том, что доказывалось, ибо мои цитаты опровергали официальную установку сборника. В то время письма в ЦК ВКП(б), попытки опубликовать открытое письмо в журнале "Большевик" в лучшем случае становились предметами сурового осуждения партийных чинуш, в худшем - обвинениями во вражеских происках. Об этом открыто заявлял профессор МГУ Георгиев, отождествлявший меня с заклейменным в Кратком курсе истории ВКП(б) Рюмшиным, который пытался самостоятельно изучать марксизм, не считаясь с официальными партийными указаниями. В итоге всю полемику со Спиркиным пришлось снять. За диплом была поставлена тройка. Неблагонадежность автора не вызывала сомнения. От занятий философией он был отлучен.

Сегодня этот эпизод можно было бы давно забыть наряду с другими, несомненно, заслуживающими большего внимания событиями полувековой давности, если бы не одно но: все высказывания Ленина, а для многих и Сталина по вопросам теории познания и границ использования диалектической логики до сих пор считаются марксистскими, хотя к подлинному марксизму имеют мало отношения. Написанные Лениным теоретические выкладки - всего лишь марксистские задворки, изображенные под углом видения деклассированных масс.

На опасность появления в Интернационале подобных течений указывал Маркс. После суда над С. Г. Нечаевым, которого Ленин вместе с единомышленниками называл "титаном революции" и последовавшей "величественной", по ленинским словам, попыткой его соратника Ткачева захватить власть[1], Маркс вновь указал на враждебность Интернационалу нечаевского движения. В августе 1873 года он писал: "Основатели и представители рабочих организаций Старого и Нового Света, создававшие Общий устав Товарищества Рабочих, упустили из виду, что сама широта его программы позволяет деклассированным элементам проникнуть в него и создать внутри тайные организации, усилия которых будут направляться не против буржуазии и существующих правительств, а против

[1] Цит. Пейн Р. Ленин. Жизнь и смерть. М., 2003. С. 31; Ленин В. И. Что делать? Т. 6. С. 173.

самого Интернационала. Так и произошло с Альянсом социалистической демократии (самопровозглашенной С. Г. Нечаевым организации)".[2]

Марксово предвидение сбылось. В годы Первой мировой войны Ленин делал все от него зависящее, чтобы развалить учрежденный Энгельсом второй Интернационал и создать на его месте третий - Интернационал деклассированных масс, призванный его основателями стать главным рычагом в борьбе за коммунизм во всемирном масштабе.

В роду Ленина не было деклассированных. Напротив, он был сыном генерала, получившего поместье за верную службу царю. Тем не менее, разрабатывая любой вопрос, Ленин постоянно учитывал чаяния деклассированных масс, полагая, как и его любимец Ткачев, что они, "обладая инстинктами коммунистов", "постоянно готовы к революции", что они будут инициаторами свержения самодержавия и физического уничтожения всей царской семьи. Иначе говоря, Ленин теоретически обосновывал коммунистичность установок деклассированных крестьян[3].

В данном случае сказалась закономерность, открытая Марксом. "Не следует думать, - писал он, - что все представители демократии - лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль в состоянии не переступать тех границ, которые не переступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими и литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют".[4]

Почти до самой смерти Ленин постоянно теоретически обосновывал несовместимость с коммунизмом рынка и присущего ему имущественного неравенства частных лиц. К

[2] Маркс К. Т. 17. Заявление Генерального совета по поводу злоупотреблением Нечаевым именем Интернационала. С. 440.

[3] Энгельс Ф. Эмигрантская литература. С. 236.; С. 259. Маркс К. и Энгельс Ф. T.XV. М., 1935.

[4] Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Т. 8. С. 148.

подобному неприятию рынка на собственном опыте приходили и разорявшиеся в условиях товарно-денежных отношений крестьянские массы.

В течение веков методы обработки ими земли и ухода за скотом практически не менялись, оставаясь сферой хозяйственных решений, где не было места для применения диалектики с ее относительностью истины и заблуждения. В своей повседневной жизни они руководствовались формально логическими построениями "да-да", "нет-нет", не сомневаясь в своей абсолютной правоте. Этот присущий деревенской бедноте понятийный аппарат еще до Ленина был освоен С. Г. Нечаевым, манипулировавшим им в своих интересах. Эту же линию продолжал Ленин.

"О том, насколько глубоким было влияние Нечаева на Ленина, - пишет Р. Пейн, - мы можем судить по его поступкам, по образу его мыслей и даже по оборотам его речи. В течение многих лет Ленин изучал нечаевское наследие и так проникся его духом, что порой ощущал себя почти Нечаевым. От своих близких друзей соратников он никогда не скрывал, как многим он обязан его идеям. В беседе с Владимиром Бонч-Бруевичем, тогда управделами Совета Народных комиссаров, другом и спутником его жизни, Ленин часто называл Нечаева "титаном революции", его восхищало, что Нечаев "умел свои мысли облачить в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятны на всю жизнь".[5]

Среди завещанных Нечаевым и Ткачевым принципов видное место занимала ложь. "Все средства годны для борьбы, - пишет о Бакунине и Ткачеве П. Лавров. В эти *годные* средства они включили обман товарищей по делу, обман народа, которому они будто бы служили.... организуя в то же время самую решительную тайную диктатуру, приучая приверженцев к самому овечьему бессмысленному повиновению, как будто социальную революцию могла произвести комбинация эксплуататоров и эксплуатируемых, группа людей, отрицающих на каждом шагу на деле то, что они проповедуют на словах!"[6]

Когда нужно, когда выгодно, полагал Ленин, следует решительно обманывать всех. По словам художника Анненкова,

[5] Пейн Р. Ленин, Жизнь и смерть. М., 2002. С. 31.

[6] Цит. П Лавров Русская социально-революционная молодежь... Эмигрантская литература. Т. XV. С.238-239.

Ленин утверждал: "Говорить правду - это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью".[7] В этой же связи многие декреты ленинского совнаркома не публиковались. Их скрывали от народа. Для Ленина диктатура пролетариата была властью, опирающейся не на демократические законы, а непосредственно на насилие против подавляющего большинства российского народа.

27 января 1918 г. Ленин подписал основной закон о социализации земли, отвечавший ожиданиям деклассированных крестьянских масс. В законе указывалось, что право пользоваться землей принадлежит лишь тем, кто ее обрабатывает собственным трудом", то есть лишал права тех, кто сдавал либо приобретал землю в аренду или привлекал к ее обработке сторонних лиц; торговля хлебом объявлялась государственной монополией, запрещавшей его куплю-продажу частными лицами; наконец, объявлялось, что земля первоочередно предоставляется тем, кто желает на ней работать не для извлечения личных выгод, а для общественной пользы, подразумевая совместный труд в крупных общественных хозяйствах. Тем самым контуры аграрного строя периода военного коммунизма обрели четкий законодательный характер.[8] Его неотъемлемой частью стал официальный отказ российских коммунистов от сотрудничества с социал-демократами, политика которых строилась с учетом рыночных отношений. Отныне официально признанная партия стала называться Российской коммунистической партией большевиков - РКП(б).[9]

Труд Ленина "Материализм и эмпириокритицизм"- единственная его крупная работа, посвященная философским проблемам - появилась в связи с дискуссией среди ленинских единомышленников по поводу книг Маха и Авенариуса, в которых в противовес метафизическому материализму с его формальной логикой доказывалась необходимость сознательного использования диалектических решений в познании окружающего нас мира. Сам Ленин лишь формально признавал диалектику, оставаясь сторонником метафизического

[7] Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 56.

[8] См. Хроника России. XX век . Слово/slovo М., 2002. С. 232.

[9] См. там же. С. 233.

материализма, пропагандировавшегося Людвигом Фейербахом.[10]

Наиболее тщательно место последнего в истории немецкой философии было изучено Ф. Энгельсом в работе “Л. Фейербах и конец классической немецкой философии с приложением: К. Маркс тезисы о Фейербахе”. Данная работа для нас представляет двоякий интерес. С одной стороны, она раскрывает роль Л. Фейербаха в крушении немецкого идеализма; с другой, - показывает особенности философских взглядов Л. Фейрбаха и его влияние, которое он был способен оказывать на крестьянских революционеров.

В работе отмечается, что Л. Фейербах с его книгой “Сущность христианства” был посредствующим звеном между философией Гегеля и позднее возникшим марксизмом. Во времена Ленина марксизм уже давно оформился в качестве признанного международного движения, тем не менее, для Ленина было удобнее, не борясь в открытую с принципами марксизма, пропагандировать нечаевские представления свержения самодержавия. Этому способствовало и то, что Фейербах все больше окрестьянивался, проживая в деревенском захолустье.[11]

И у Фейрбаха, и у Ленина процесс познания окружающего мира одинаково сведен к деятельности абстрактного индивида. Говоря словами Ленина, “наши ощущения, наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира”;[12] что они копии, снимки, “зеркальные отображения вещей”.[13] Но “зеркальное отображение вещей” означает, что вне наших ощущений существует нечто им подобное, являющееся истиной в последней инстанции. При таком подходе не остается места для диалектики чередования абсолютных и ложных представлений, обусловленных существованием бесчисленных конечных форм материи, развивающихся по восходящим и нисходящим линиям.

Кстати о “зеркальности” наших ощущений: потребовалось триста лет неустанных поисков выдающихся

---

[10] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах... М., 1951.

[11] Там же. С. 20.

[12] Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Изд. второе. Т. XIII С. 56.

[13] См. там же. С. 190.

умов мировой науки прежде, чем данная в наших ощущениях геоцентрическая система могла смениться гелиоцентрической.

Познание общественный процесс. Сведение его к деятельности абстрактного индивида, ограничивающегося поисками абсолютных истин, неизбежно ведет к ложным выводам, в частности, к утверждениям о том, что неорганическая материя обладает “ясно выраженной способностью ощущения”[14]; что пространство и время ограничены только тремя измерениями. Не вписываются в ленинские схемы и такие выводы, что весной сумма “ночь + день” длиннее суммы “день + ночь”. При таких подходах материализм вообще утрачивал способность что-либо познавать, сводясь к перечню тривиальных истин.

“Кто здесь погонится за окончательными истинами в последней инстанции, - пишет по аналогичному поводу Энгельс, - за подлинным вообще неизменным, тот немногим поживится... И тогда быть вполне уверенным, этот друг человечества заявит нам при первом удобном случае, что все прежние фабриканты вечных истин были в большей или меньшей степени ослами и шарлатанами, что все они находились во власти заблуждений, что все они ошибались и что их заблуждения и их ошибки вполне естественны и служат доказательством, что все истинное и правильное имеется только *у него;* у этого новоявленного пророка, имеется в руках в совершенно готовом виде окончательная истина в последней инстанции, вечная мораль, вечная справедливость”.[15] Именно такого признания борцами с самодержавием добивался для себя Ленин.

Утверждая, что истинное знание зеркально отражается его органами чувств, Ленин обосновывал неоспоримость своих суждений, рассчитанных на преследование всех инакомыслящих, включая духовенство. Что касается упоминания им таких категорий, как диалектическая логика, общественная практика как критерий истины и т. д. то это были не более чем показные рассуждения, обусловленные данью абстрактного признания бесконечного существования конечных форм материи.

---

[14] Там же С. 37.

[15] Энгельс Ф. Антидюринг. Т. 20. С. 90. 91.

Самого же Ленина интересовали, прежде всего, земные предметы, порожденные существованием "первичных" форм материи: электроника, атомы, молекулы и т.д. – в цепи их восхождения либо упадка. Такой предметный подход Энгельс называл метафизическим материализмом, не требовавшим диалектического анализа череды истины и заблуждения. Последний поменялся отделением в ходе практики абсолютно истинного от явно ошибочных заблуждений. Зато тот, кто этим занимался, становился обладателем истины в последней инстанции, которой обязаны были следовать все не хотевшие оставаться ослами и шарлатанами.

"А у половины, - пишет Ленин, - конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания".[16] Эти утверждения неверны. Философский идеализм отнюдь не пустоцвет. Его сторонники внесли и продолжают вносить весомый вклад в развитие науки. Выделение абсолютного для них - лишь побочный момент человеческого познания, где истинное постоянно становится заблуждением и наоборот.

Ярким примером этого может служить Кант, опиравшийся на диалектические методы исследования. "Итак, - пишет Энгельс, - точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть приобретено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. И в этом именно духе выступила сразу же новейшая немецкая философия. Кант начал свою научную деятельность с того, что он превратил Ньютонову солнечную систему... в исторический процесс: в процесс возникновения солнца и всех планет из вращающейся туманной массы. При этом он уже пришел к тому выводу, что возникновение солнечной системы предполагает и ее будущую неизбежную гибель".[17] Кант, используя диалектику, искал счастье познания на небе, Ленин со своими единомышленниками, пользовавшимися формально-

[16] Лебнин В. И. К вопросу о диалектике. Т. XIII. С. 304.

[17] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. М., 1952. С. 51-52.

логическими выкладками, искали счастье познания на земле, воплощавшееся в политике военного коммунизма. Возникавшими на этой почве дискуссиями руководил Ленин, никогда не выпускавший, по выражению Валентинова, "дирижерской палочки из своих рук".[18]

Как известно, массовое деклассирование крестьян под воздействием рынка началось в России еще в период существования крепостного права, суть которого сводилась к тому, что производитель, будучи прикрепленным к земле, отдавал ее владельцу прибавочный продукт.

В этой связи особый интерес представляет описанная Пушкиным обстановка складывавшаяся в русской деревне в начале XIX века. «По поручению помещика, - пишет Пушкин, - управляющий, растопыря ноги наподобие буквы хера, разделил "крестьян на богачей и бедняков. 1) Недоимки были разложены меж зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможной строгостью. 2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню, если же по его расчету труд их оказывался недостаточным, то он отдавал в батраки другим крестьянам, за что сии платили ему добровольную дань, а отдаваемые в холопство имели полное право откупаться, заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк. Всякая общественная повинность падала на зажиточных мужиков. Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю, пока, наконец, выбор не падал на негодяя или разоренного... Сверх того завел нечаянные сборы».[19] В итоге в три года Горюхино совершенно обнищало.

Тенденция изъятия прибавочного продукта с зажиточных на одном полюсе и раскрестьянивания на другом с разной степенью интенсивности продолжалась вплоть до падения самодержавия. С приходом к власти большевиков во главе с Лениным и Троцким дышавшие на ладан старые крепостные порядки превратились в большую силу. По закону отрицания в изменившейся социальной обстановке они обрели новое качество. Частные нормы изъятия прибавочного продукта у имущих крестьян были ликвидированы. Их место заняли государственные поборы, взимавшиеся военизированными

[18] Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1991. С. 50.

[19] Пушкин А. С. История села Горюхина // Пушкин А.С. Романы. Повести. Драматические произведения. Фрунзе, 1975. С. 121

отрядами, чему еще до прихода к власти большевиков способствовало "распространение принципов военной организации на трудовые классы общества".[20] Помещика либо его заместителя теперь сменила захватившая государственную власть большевистская клика. Это понимали крестьяне, утверждавшие, по данным сводок ГПУ, что "советская власть грабит и угнетает крестьянина".

В отличие от него наемный рабочий - продавец своей рабочей силы. В связи с этим, - писал Маркс, - он должен был быть свободным двояко. С одной стороны, свободным от средств производства, с другой, свободным распоряжаться своей личностью, продавая себя там, где имеется спрос. Созданный же по замыслу Ленина и Троцкого социальный строй лишил и личной свободы производителя и изъял у него средства производства. Прежние отношения найма наполнились новым крепостническим содержанием. Их основой стало грубейшее насилие. Производителю запрещалось покидать место жительства, чтобы заставить его трудиться, безоговорочно следуя требованиям властей. В наиболее законченном виде эти отношения воплощались в концентрационных лагерях.

Когда все отношения зиждутся на насилии, для свободы и равенства нет места. Они могут существовать лишь в условиях рынка. "Обмен меновыми стоимостями, - пишет Маркс, - представляет собой производительный, реальный базис *всякого равенства* и *всякой свободы*. Как чистые идеи равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями".[21]

Социальной опорой правящей верхушки был не пролетариат, условием существования которого был "обмен меновыми стоимостями", а деклассированная деревенская беднота, существовавшая преимущественно за счет продовольственных излишков, изымавшихся подчистую у имущих крестьян. За счет этих излишков она могла удовлетворять лишь самые примитивные потребности. "Бедняцкая часть деревни, - писал Ю. Ларин, - освобождена была от тяжести продразверстки. Бедняцкая часть деревни при

---

[20] Богданов А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 78.

[21] Маркс К. Т. 46. Ч. 1. С. 191.

недостатке лошадей и орудий бесплатно пользовалась рабочим скотом и инвентарем более зажиточных крестьян. Бедняцкая часть деревенских хозяйства, не отчуждая ничего от продуктов своего хозяйства (ибо не было избытков - на то она и бедняцкая), все же в порядке снабжения, хоть и немного получала от наркомпрода: мануфактуру, соль и еще кое-что".[22] Как правильно отмечает Л. Крицман, "государственный продуктообмен был не столько обменом между промышленностью и сельским хозяйством, сколько обменом продуктов промышленности на услуги бедноты в деле извлечения продуктов имущих слоев деревни".[23]

Чего не могли добиться большевики, так это заставить бедноту за скудную продовольственную пайку систематически трудиться в создаваемых ими общественных хозяйствах. Бедняки по-прежнему руководствовались лишь нуждами сиюминутного потребления. Заботиться о завтрашнем дне у них не было ни возможности, ни желания. Поэтому все, что поступало в их распоряжение, либо немедленно потреблялось и пропивалось, либо бесхозяйственно расходовалось.

Установка работать как можно больше, потребляя продовольствия как можно меньше, для Ленина и Троцкого была особенно дорога. Она сводила жизнь производителя к примитивному животному состоянию, определяемому насыщенностью желудка. Подобное состояние противоречило, азам, отстаиваемым марксизмом. Изучая рынок, Маркс писал: "В качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы, обусловленные природой потребностей рабочего, и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве и в своем потреблении".[24] Таким образом, по Марксу, не *животные*, а порожденные рынком *социальные потребности* служили предпосылкой для создания в будущем коммунистического изобилия материальных и культурных благ.

Забирая все без остатка, большевики имели в своем распоряжении меньше зерна, чем Временное правительство, оставлявшее крестьянам часть хлеба для продажи. В 1917 г.

---

[22] Ларин Ю. Вопросы крестьянского хозяйства. М., 1923. С. 13.

[23] Крицман Л. Пролетарская революция и деревня М.-Л., 1929. С. 104.

[24] Маркс К. Экономические рукописи 1957-1959 гг. Т. 46. Ч. 1. С. 282.

Временное правительство заготовило 517 млн. пудов хлеба, в то время как большевики с октября по август 1918 года несмотря на жесточайшие репрессии, включавшие расстрелы, сумели заготовить лишь 30 млн. пудов, посадив подвластное городское население на голодный продовольственный паек.[25]

При том продовольственном пайке, который получали рабочие, они были обречены на вымирание. По оценке врачей того времени, труд ткача, прядильщика, токаря и т. д. требовал 3400 калорий в день, труд землекопа, кузнеца и т. п. еще больше.[26] Калорийность же получаемого ими продовольственного пайка равнялась всего 1170 калорий, а для членов семьи на половину меньше. Лишь в одном Петрограде за 1919 год. "только от голода умерли не менее 7385 чел.. В это число не вошли умершие от желудочных и прочих заболеваний, вызванных голодом. Скончалось почти половина детей в возрасте до года".[27]

Рабочие отказывались умирать во имя провозглашенных большевиками квазикоммунистических идеалов. В ответ им была объявлена настоящая война. В сентябре 1918 года Ленин гневно заявил, что горстки, группы, слои рабочих "упорно держатся традиций (привычек капитализма) и продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать "ему" работы поменьше и похуже - содрать с него денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, сормовских и путиловских рабочих и т. д?".[28] Борьбу наемных рабочих за улучшение своего положения большевики поставили вне закона.

Пользуясь мизерностью расходов на продовольствие, власти целенаправленно снижали зарплату рабочих фабрик и заводов. Во вторых полугодиях в товарных рублях она равнялась в 1917 году 13,8, в 1918 году - 4,4, в 1919 году - 0,99, в 1920 году - 0,51. Заметим, что в 1913 году среднемесячный реальный заработок текстильщика, который целиком состоял из

[25] См. Ракетов А. Очерк экономического и финансового положения современной России по офиц. данным. Ревель, 1921. С. 35.; Революция и народное хозяйство России (1917-1921) Лейпциг, 1922. С. 124.

[26] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 215.

[27] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата", октябрь 1917- 1929. Экономические конфликты и политический протест. Спб., 2000. С. 14.

[28] Ленин В. И. О характере наших газет. Т. 37. С. 90-91.

"товарных рублей", по данным ЦСУ был 17 руб., у металлиста - 35,9 руб.[29]

В то время как гигантское большинство жителей России было обречено на вымирание, у "строившей коммунизм" правящей верхушки корзина личного потребления была изобильной. "Излишки" изымались не только в виде пшеницы и ржи, из которых лишь толика доставалась населению. В 1918/19 хозяйственном году разверстка была установлена на хлеб и мясо, в заготовительную кампанию 1919/20 года на картофель, масло, яйца, скот и домашнюю птицу. На стол рабочих масло, яйца, домашняя птица и т. п., естественно, не попадали. Зато они входили в регулярный рацион большевистского управленческого аппарата. У его высшего звена икра была повседневным продуктом питания. По свидетельству жены Троцкого Натальи Ивановны Седовой, "Красной кетовой икры было в изобилии... Этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции".[30] Как здесь не вспомнить замечание М. Е. Салтыкова Щедрина, писавшего: "Ныне доказано, что тела всех вообще начальников подчиняются тем же физиологическим законам, как и всякое другое человеческое тело, но не следует забывать, что в 1762 году наука была в младенчестве"[31].

Но не икрой единой наслаждался "заслуженный" человек. Ему предоставляли реквизированные у населения квартиры и дачи, персональный транспорт, в том числе автомобили, которым можно было бесконтрольно пользоваться для своих личных нужд[32], лучшую одежду и обувь, сытные продовольственные пайки, в том числе совнаркомовские (их получали 10 тыс. ответственных работников). В его распоряжении были закрытые столовые, буфеты и т. д.

По заявлению Ленина, руководитель должен был быть "диктатором во время работы".[33] Возникшая сверху донизу

[29] Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913-1922. М., 1923. С. 9, 18.

[30] Цит. по: Арутюнов Аким Досье Ленина без ретуши. М., 1999. С. 312.

[31] Салтыков - Щедрин М. Е. Я люблю Россию до боли сердечной. М., 1975. С. 19.

[32] См. Тезисы ЦК РКП(б) о мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 556.

[33] Ленин В. И. Т. 36. С.201.

иерархия властных должностей с максимальными привилегиями ее высших звеньев способствовала росту ориентации партийцев не на обсуждение предлагавшихся политических задач, а "на того или иного Сидора Петровича, власть имущего" со своими верхами и низами. "Верхи - те, кто "у власти", "низы" - те, кто к ней стремится".[34] На вершине иерархии такой Сидор Петрович, раздавая властные должности, обладал неограниченной властью, которой мог позавидовать любой самодержец.

Диктаторские полномочия открывали их обладателям широкий простор для беспробудного пьянства и насильственного принуждения к сожительству, чему способствовала страшная бесхозяйственность, позволявшая безнаказанно присваивать государственное имущество. Как известно, рынок, строгий учет и контроль неотделимы. Там же, где основу составляет административное распределение потребительных стоимостей, и то, и другое невозможно. "Данными ревизии военно-обмундировочных мастерских в Москве, - заявил, например, Крыленко, - обнаружено полное отсутствие учета материалов на сотни миллионов аршин, неправильность расчетов с контрагентами, отсутствие наблюдений за фабриками, умышленная порча тканей, неправильное шитье вещей в целях вызвать браковку, чтобы иметь возможность продать вещи на стороне по спекулятивным ценам, присвоение материалов и полное расстройство всего аппарата снабжения".[35]

Подобные расхищения происходили не только на виду Кремля, но и в самых отдаленных уголках страны, куда устремлялось недремлющее око представителя партийно-государственного аппарата. Вот что писал по этому поводу видный деятель прокрестьянской партии революционных коммунистов А. М. Устинов: "В комбеды входит голытьба, деклассированные элементы деревни, всякие перекати поле... Эта теплая компания, ничего за душой не имеющая, кроме сознания полноты власти, отправляется походом на хозяйственные элементы деревни, на всех тех, у кого хоть что-нибудь есть. При этом не щадятся и трудовые хозяйства:

[34] Юрьев И. Наши настроения (вопросу о преодолении элементов упадка в РКП) Курск, 1920. С. 13.

[35] См. Иванов Ю. М. Очерки теории и практики тоталитарного социализма. М., 1997. С. 60.

расхищаются скот и мертвый инвентарь, всех видов самые ничтожные запасы продуктов; растаскивается и проматывается все и вся, идет не создание ценностей а их уничтожение".[36]

"Калинин, выступая на митинге 10 августа 1920 года заявил: большинство товаров на спекулятивный рынок поступает из государственных продовольственных органов"[37], т. е. разбазаривается властями в целях своего личного обогащения.

Появлявшиеся на рынке товары как промышленного, так и продовольственного назначения, будучи предметами разбазаривания и незаконного обогащения властей, способствовали глубокому упадку промышленного производства и сельского хозяйства. В 1920 году выплавка чугуна составила 1,5% мирного времени, выпуск продукции текстильной промышленности 4%, металлической 2,5%. Одновременно имущие крестьяне, чтобы уменьшить поборы, сокращали посевы. По сравнению с довоенным временем они сократились почти наполовину (на 44%)[38], что создало дополнительные трудности в снабжении городов продовольствием.

Опираясь на деклассированные слои, большевики не могли достичь тех вершин форсированного производства, о котором они постоянно твердили на каждом шагу. Еще меньше у них оказалось возможностей присваивать в возраставших размерах прибавочную стоимость для дальнейшего увеличения ее производства. Ее хватало только для бесхозяйственного личного потребления. В это время Бухарин писал: "Мы *создадим* такую цивилизацию, пред которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит "собачий вальс" перед героическими симфониями Бетховена".[39] На деле цивилизация деклассированных так и не вышла за рамки "собачьего вальса".

Изобилие потребления на одном полюсе, голод, нищета, вымирание на другом могли соседствовать только в обстановке

[36] Цит по Павлюченков С. Я.Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 72

[37] Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986. С. 167.

[38] Народное хозяйство в 1920 г. и первую половину 1921 г. М., 1921. С. 6.

[39] Цит по : Павлова И. В. Механизм власти... С. 123.,

жесточайшего террора. Чтобы заставить голодных трудиться в течение непомерно длинного рабочего дня, большевики применяли наиболее репрессивное трудовое законодательство, которого до них человечество еще не знало. Так в декабре 1918 года был введен в действие "Кодекс законов о труде", установив в стране трудовую повинность вместе с ликвидацией свободы предложения труда. Согласно положению СНК о рабочих дисциплинарных судах от 14 ноября 1919 года "в случае упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине "виновные" как нетрудовой элемент подлежат увольнению из предприятий с передачей в концентрационный лагерь".[40] Дела о лицах, нарушавших трудовую дисциплину или "саботировавших" хозяйственную жизнь республики, передавались в ЧК. Таких лиц заключали в концентрационные лагеря на срок до 5 лет.[41]

В резолюции IX съезда РКП(б) 1920 г. указывалось: "Ввиду того, что значительная часть рабочих в поисках лучших условий продовольствия, а нередко в целях спекуляции, самовольно покидает предприятия, переезжает с места на место, чем наносит удары по производству", съезд видит одну из насущных задач "в планомерной, систематической, настойчивой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем опубликования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь".[42]

Штрафные рабочие команды, концентрационные лагеря и другие меры подобного порядка большевики считали непременным условием *осуществления своих коммунистических идеалов.* Неслучайно Ленин полностью солидаризировался с Бухариным, утверждавшим, что "пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как не парадоксально это звучит, методом выработки

[40] Документы трудового энтузиазма. М., 1960. С. 11, 12.

[41] Голинков Л. Д. Крах вражеского подполья. М., 1971. С. 215.

[42] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1. 1898-1925. М., 1936. С. 344.

коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи".[43]

Спасаясь от голода и преследований, громадные массы городского населения хлынули в деревню, пополняя ряды деклассированной бедноты. "К 1919 году - пишет Л. Крицман, - численность промышленных рабочих сократилась на миллион человек, а города потребляющей полосы опустели наполовину, столицы еще больше. Этот отлив из города выявился в деревне в виде возвращения "отсутствующих" в хозяйства, в которые между 1917 и 1919 годах вернулось по разным губерниям от 60% всего их числа до 80% и выше".[44]

К августу 1920 года численность населения Петрограда сократилась до уровня 60-х годов XIX века.[45] Сокращение численности городского населения, а то и уничтожение городов - характерная черта прихода к власти деклассированных крестьянских масс, обладавших по заверениям Нечаева и Ткачева инстинктивными склонностями к коммунизму.

У Маркса и Энгельса не было сомнений в том, что судьба коммунизма решается *в городах*; у Ленина и его последователей - *в деревне.*

Кроме насилия у большевиков не было иных средств воздействия на деклассированную молодежь. Его ведущей формой была мобилизация в армию, откуда та постоянно дезертировала. "По данным высшей военной инспекции, - пишет С. А. Павлюченков, летом 1919 года насчитывалось около одного миллиона дезертиров, уклонившихся от военного призыва".[46] Проев и пропив все, что им доставалось после сбора осеннего урожая, они начинали грабить ссыпные пункты, куда свозился конфискованный хлеб. Такой грабеж был своеобразной формой аграрного бандитизма, возникшего на почве порожденной большевиками продразверстки. Весной они

[43] Бухарин Н. Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920. С. 146; Ленинский сборник XL. М., 1985. С. 424.

[44] Крицман Л. Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н. "военного коммунизма"). м., 1924. С. 215.

[45] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата", октябрь 1917-1929. Экономические конфликты и политический протест СПБ., 2000. С. 15.

[46] Павлюченков С. А. Власть и массы. М., 1997. С. 81.

возвращались домой, чтобы хоть что-то вырастить на своих участках, откуда их вновь призывали в армию.

В течение зимы на них в лесах шла настоящая охота. Хорошо вооруженные отряды чекистов расстреливали пулеметами сотни дезертиров, у которых обычно было лишь несколько берданок и гранат, остальных тысячами принуждали сдаваться с тем, чтобы направить в запасные полки, где их почти не кормили, спать оставляли в продуваемых помещениях на холодном полу, а в качестве обуви нередко выдавали лапти. В казарме их приучали к военной дисциплине, вооружив несколькими винтовками при полном отсутствии патронов.

Если же такие полки направлялись на фронт, то многие из бывших дезертиров, экипировавшись и вооружившись в боях за счет противника, оставались преданно служить. Армия давала возможность усваивать зачатки грамоты, не задумываясь, исполнять и отдавать приказы, усваивать революционные лозунги, с тем, чтобы вступать в компартию, получая доступ к командным должностям. В итоге многие служившие в Красной Армии становились проводниками политики коммунистов.

Наиболее решительными и последовательными борцами против большевистского режима были рабочие фабрик и заводов. Примером для них был Петроград, на долю которого по данным Истпрофа в 1919 году приходилось 63% зарегистрированных в РСФСР забастовщиков.[47] Как указывал Калинин, выступая на заседании ВЦИК 23 октября 1919 г., "самое контрреволюционное настроение в Советской республике господствует в ее столицах и тех местностях, куда массами бежали столичные рабочие, спасаясь от голода".[48]

Так, 10 марта 1919 года путиловцы единогласно приняли резолюцию, в которой выдвигались требования передачи всей власти свободно избранным, уничтожения чрезвычаек, отмены казней и пыток, восстановления свободы слова, печати, собраний, всеобщего вооружения народа и т. п.[49] Эти требования были не только требованиями рабочих Петрограда, но и требованиями рабочих масс других городов.

---

[47] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата... С. 14.

[48] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России... С. 147.

[49] Там же. С. 148.

Чтобы усмирить протестовавших на территорию фабрик и заводов вводились подразделения чекистов и курсантов, сформированные, прежде всего, из латышей и китайцев, которые производили расстрелы и массовые аресты. Подавляя выступления рабочих масс, большевики опирались в основном на аппарат насилия, не имевший связей с протестовавшим населением. Доносительство о его настроениях было прямой обязанностью всех коммунистов. Ленин учил, - писал его ближайший соратник Г. С. Гусев, - что "каждый член партии должен быть агентом ЧК, т. е, смотреть и доносить. Если мы от чего страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства".[50]

Расстрелы и аресты были не в состоянии погасить волну протестов рабочих фабрик и заводов. Об этом свидетельствует, в частности, циркуляр ВЧК № 5 от 1 июля 1920 г. "О борьбе с антисоветскими партиями". В госциркуляре подчеркивалось, что рабочие и крестьяне высказывали свое недовольство[51]. Только по официальным данным, за этот год в Петроградской, Московской и 16 других губерниях было 146 забастовок.

С прекращением гражданской войны и исчезновением угрозы реставрации царизма поднялась новая волна публичных протестов и восстаний против режима военного коммунизма. Их застрельщиками были рабочие. Известное кронштадтское восстание в значительной степени было инициировано также рабочими, с которыми матросы не только постоянно общались в Кронштадте и Питере, но имели жен фабричных работниц. Рабочие требовали созыва Учредительного собрания, изгнания из советов коммунистов, свободы торговли, отмены привилегированных пайков партактива. На протяжении всех лет военного коммунизма их требования оставались неизменными. В выступления вовлекались армия и флот.

По воспоминаниям Е. Преображенского, Ленин, собрав на X съезде старых большевиков, говорил: "Мое мнение, что у нас только один шанс спасти Советскую власть из ста, и это возможно только тогда, когда мы будем абсолютно едины во

---

[50] Яковлев А. Н. Вступление//Куруа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Ж. Черная коммунизма книга. Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С. 30.

[51] Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 151.

взглядах".[52] При этом Ленин наверняка помнил, как в марте 1918 г. ему вместе с правительством пришлось тайно бежать из Петрограда в Москву, так как рабочие вместе с моряками балтфлота пытались захватить Смольный - штаб квартиру большевиков.

На подавление восстания были брошены участники съезда и курсанты. Как известно, 18 марта оно было подавлено. Начались аресты и расстрелы. За свои страхи утратить власть Ленин мстил разоруженным морякам. "Когда мятеж был подавлен, матросов-мятежников выстроили на молу в Кронштадте. Была команда рассчитаться на первый-второй. Нечетные сделали шаг вперед и были расстреляны тут же на молу, а четные получили по десять лет".[53]

Требования рабочих выражали глубинные национальные нужды. Они совпадали с требованиями измученного крестьянства. Крестьяне поднимали восстания в Тамбовской, Саратовской, Самарской и других губерниях европейской России, уничтожая с не меньшей, чем у большевиков жестокостью коммунистов и их приспешников. Но как все крестьянские восстания, они, так или иначе, были разрозненны. Их участники тяготели к своим деревням и волостям. Это давало возможность большевистским карательным отрядам поочередно подавлять очаги восстания, используя по указанию Ленина помимо пушек и пулеметов огнеметы и отравляющие газы. С лица земли сметались деревни вместе со стариками, женщинами и детьми.

Тем не менее, лишенный рынка и демократических институтов строй военного коммунизма, несмотря на беспрецедентный разгул кровавого террора, оказался нежизнеспособным. Нежизнеспособными оказались и прошлые попытки приспосабливать марксизм в прежнем виде к нуждам деклассированных верхов. Политика партии переживала острейший кризис, выразившейся в появлении двух основных течений. Одно полагало, что трудности временны и все снова вернется на круги своя, для чего требуется упрочить положения клики Сталина. Другое во главе с Лениным и Троцким пыталось преобразовать жизнь в России, следуя в известной мере западноевропейским образцам.

---

[52] Цит. Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 38.

[53] Шаламов В. Вишера. Антироман. М., 1989. С. 18.

В 1922 году Ленин был болен. Написанные им заметки лапидарны. В них нет призывов разрушить все созданное в годы военного коммунизма. Вместе с тем ответы на поставленные вопросы ломали привычные военно-коммунистические трафареты. В частности Ленин доказывал, что путь немецкой демократии может считаться образцовым, с "некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории)"[54], подчеркивая тем самым, что диктатура пролетариата должна как-то использовать западноевропейский демократический потенциал.

Важными были и другие заявления Ленина. Так в статье "О кооперации" он на основе проклинавшихся им же в прошлом рыночных связей предлагал, превратить частные хозяйства крестьянских товаропроизводителей в составную часть общественного производства, организованного на кооперативных началах. Его оппоненты, группировавшиеся вокруг Сталина, в качестве ведущей аграрной ячейки видели колхозы, призванные существовать в условиях, не выходивших за рамки эмбриональных рыночных отношений.

Наконец, Ленин предпринял попытки реформировать ЦК с тем, чтобы в нем было больше его собственных сторонников. На его стороне был непререкаемый авторитет, на стороне Сталина - реальная власть, обладавшая властными полномочиями. В развернувшейся борьбе сталинская тактика строилась на политической изоляции Ленина. Ссылками на врачебные предписания ему запрещалось писать, общаться со своими единомышленниками, обсуждать с ними политические проблемы и. т. д. По указанию Сталина Ленина систематически доводили до беспомощного физического состояния до тех пор, пока он не умер. Для этого не обязательно требовались специальные яды. Достаточно было, например, изменять дозы предписанных врачами лекарств. Об отравлении Ленина Сталиным писал и Троцкий в статье опубликованной за 10 дней до его смерти.[55]

Смерть Ленина прервала зарождавшийся пересмотр военно-коммунистических трафаретов в свете наработок Маркса и Энгельса. Достигнутые ими результаты осмысления исторического материализма, диалектической теории познания

---

[54] Ленин В. И. О нашей революции. По поводу записок Н. Суханова.Т. 45 С. 379.

[55] См. Иванов Ю. М. Чужой среди своих (Последние годы жизни Ленин М., 2000.

в противовес метафизическому материализму и т. д. сохраняют значимость и в наши дни особенно в связи с незавершенной борьбой с марксистской версией деклассированных крестьянских масс. В этой связи особый интерес представляет работа Ф. Энгельса "Развитие социализма от утопии к науке", где впервые была раскрыта подлинная связь русского самодержавия с дворянским землевладением и ростом разорения крестьян, обусловленного развитием "капиталистического паразитизма".

"В Европейской России, - пишет Ф. Энгельс, - крестьяне владеют 105 миллионами земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) - 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15000 дворян, имеющих, таким образом, в среднем по 33000 десятин каждый... Крестьяне - в массе своей -благодаря выкупу оказались в чрезвычайно бедственном, совершенно невыносимом положении. У них не только отняли большую и лучшую часть их земель, так что даже в самых плодородных областях империи крестьянской земли - по русским земледельческим условиям - оказалось слишком мало, чтобы на ней можно было прокормиться. Они не только должны были уплатить за эту землю непомерно высокую цену, которую авансировало им государство и они вынуждены теперь постепенно выплачивать государству вместе с процентами".[56]На этой почве, - подчеркивает Энгельс,- в сельское хозяйство устремляется ростовщик, усугубляя и без того бедственное положение крестьян.

Размышления Энгельса были первичным анализом, заслуживающим продолжения изучения аграрных отношений в России конца XIX века. Они писались в 1874-1875 гг. Через 30 лет в 1908 году была опубликована брошюра Ленина "Аграрный вопрос в России к концу XIX века". В ней рассматривались те же вопросы, приводились те же цифры без упоминания того, что их первооткрывателем был Энгельс. Вместе с тем предстоящее крушение пережитков крепостничества и самодержавия трактовались авторами по- разному. Ленин считал, что начало положит революция низов в деревне, где все уже якобы созрело для свержения царизма, Энгельс же утверждал, что началом будет мирный переворот верхов. "Эту революцию, - писал он, -

[56] Энгельс Ф. Эмигрантская литература. T.XV. С. 254-255.

начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса".[57] Такая точность прогноза, сбывшегося более, чем через 30 лет, дорого стоит.

Она неразрывно связана с полным отказом от прежнего отождествления свержения самодержавия с немедленным переходом к коммунизму. На эти утверждения со своими поправками постоянно ссылались российские коммунисты. В ходе изучения исторических судеб пережитков крепостничества Маркс и Энгельс пришли к неопровержимому выводу о том, что дальнейший прогресс заключается не в ликвидации рыночных отношений, а в их всемерном развитии.

[57] Энгельс Ф. Эмигрантская литература... С. 264.

ДЕКЛАССИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕШЕНИЯ (Ленинский период)

Как оправданно указывал Маркс, революция философских идей обычно предшествует поэтическому перевороту.[58] Под влиянием западноевропейских событий ее идеи свободы, равенства и братства проникали в самодержавную Россию, порождая *одновременно* политические движения и поэтический переворот. Декабристы и Пушкин оставили неизгладимый след в истории борьбы с абсолютизмом. Позднее демократические традиции этой борьбы были продолжены Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым, но остались отвергнутыми Лениным, добивавшимся прихода к власти деклассированных масс.

Деклассирование - разорение населения, лишенного возможности иметь стабильный легальный доход - в разных странах происходило по-разному. В России, претерпевая множество метаморфоз, оно протекало столетиями вплоть до середины прошлого века. Однако при всех различиях метаморфозы объединяет одно: ожесточенная борьба между теми, кто отстаивает не исчезнувшие пока традиции бесконтрольной власти чиновников, и теми, кто апеллирует к массам, призывая их на всех уровнях активно участвовать во всех демократических начинаниях.

В международном плане отмеченное противоречие проявляется в призывах вернуться к военному противостоянию времен холодной войны, задержать процессы демократизации, связанные с ростом рынка и широким привлечением частных инвестиций, ускоряющих экономический подъем. За примерами отсталости, порождающей отказ от действенного рынка, не стоит далеко ходить. Достаточно сравнить экономические

[58] См. Маркс К. Письмо Г. Гейне 12 января 1845 г. Т. 27. С. 386-387.

достижения Тайваня и континентального Китая, возглавлявшегося в прошлом "великим кормчим".[59]

В широких масштабах проникновение капитала в отсталые страны началось в период территориального раздела мира. В отличие от современности оно сопровождалось разорением крестьянских масс: колонии и полуколонии становились подразделениями "мировой деревни", где господствующее положение занимал иностранный капитал. Традиционные формы лично-зависимого труда вроде рабства запрещались, сферы его приложения ликвидировались. Население обязывалось выполнять работы, ввергавшие его в долги, обеспечивавшие присвоение иностранным капиталом львиной доли прибавочной стоимости. Наиболее интенсивно эти процессы протекали в колониях. В полуколониях, где сохранялся традиционный государственный аппарат, последний продолжал присваивать прибавочную стоимость, делясь ею с закордонными пришельцами.

Подобные отношения складывались и на Востоке нашей страны, где российский купеческий капитал создавал свою сеть финансовой зависимости. В самой же самодержавной России пропагандировались преимущества крепостнического труда по сравнению с наймом. "В хозяйстве с наемником ты ничего путного не сделаешь, - наставляли в церквах помещиков. - Русский мужик должен тебя видеть и знать, что он для тебя работает, и что ты видишь его, и тогда он будет работать весело, охотно, успешно. После-де бога и великого государя закон велит служить барину. На чужих работать обидно, да и не приходится вовсе, а на барина сам бог велит, он для тебя, ты для них. Вот самый русский обычай и лучшее хозяйство".[60] В том же ключе типично рассуждение литературного героя В. А. Соллогуба: "Немцы да французы жалеют об нашем мужике: мученик - де - говорят, а глядишь, мученик-то здоровее, и сытнее, и довольнее многих других. А у них, слыхал я, мужик-то уж точно труженик; за все плати: и за воду, и за землю, и за дом, и за пруд, за воздух, за что только можно содрать".[61]

[59] Подробнее см.: Иванов Ю. М. Восток - социально-экономические этюды. Часть 1. Аграрные проблемы XX века. М., 2001.

[60] граф Соллогуб В. А. Воспоминания. М.-Л., МСМ XXXI. С. 68.

[61] Там же.

Главным пропагандистом крепостных порядков была содержавшаяся царем церковь. Приравненный к Сенату синод назначался императором из высших духовных лиц. В ведение синода помимо назначения церковных должностных лиц с соответствующими окладами входило преследование еретиков и раскольников, заведование тюрьмами, цензурой и т. д. Надзор за всеми осуществлял докладывавший царю обер-прокурор синода. По мере разложения крепостнических порядков власть последнего возрастала, достигнув вершины при К. П. Победоносцеве (1880-1905 гг.).

Сами синодальные иерархи регулярно бывали за границей, знали иностранные языки и господствовавшие в Европе демократические воззрения. Их главная задача заключалась в сокрытии этих воззрений от паствы. Основной лейтмотив их публичных выступлений - "кто богу не грешен, царю не виноват". Отстаивая самодержавие, церковь, сеяла власть тьмы, скрывая от масс достижения цивилизации.

Многочисленные крестные ходы и проповеди с амвонов и в классах церковноприходских школ (созданных в противовес народническим) были призваны удерживать отношения крестьян с помещиками в патриархальных рамках, свойственных эпохе крепостного права, когда судьба прикрепленного к земле крестьянина зависела только от воли помещика, присваивавшего прибавочный продукт. Однако, как только в их отношения вклинились деньги, и тот и другой оказались в долгах. "Поддалась цепь, распалася одним концом по барину, другим по мужику".

К моменту ликвидации крепостного права Россия была отсталой страной. За полтора столетия с начала 18 века доля ее городских жителей возросла всего лишь с 3 до 4.4 %[62]. Большинство из них так или иначе были связаны с деревней, где в личной зависимости у помещиков находилось 22 млн. крестьян. Около 1,5 млн. крестьян были удельными (дворцовыми), содержавшими царскую семью. Остальные 23,8 млн. или 49% считались государственными. Чтобы спасти помещиков от разорения государственный банк взял на себя большую часть выплат с процентами (75-80%) за освобождение крестьян. Последние обязаны были их погашать в течение 49

[62] См. Троцкий Л.Д. Движущие силы русской революции//ГРАСПИ. С. 325, опись1, ед.хр.125. Л.17.

лет по 6% ежегодно. Остаток выплачивался разорявшимися помещиками, закладывавшими земли в банк из расчета получения ими пятипроцентных госбанковских билетов и выкупных свидетельств. Лишь первая русская революция окончательно покончила с выкупными платежами. С 1 января 1907 года они прекратились.[63]

Производство ради денег было первым свидетельством вступления России на капиталистическую стезю. Начало ее вступления положил Петр Первый еще до того, как в России сложился внутренний рынок. После его смерти осталось 233 казенных и частных предприятия: горные и оружейные заводы, суконная, полотняная, парусиновые фабрики и т.д.[64]. В них трудились прикрепленные к земле крестьяне, которых император раздавал всем, кто готов был торговать с заморскими странами, обогащая его казну, что потребовало, в конце концов, железнодорожного строительства для перемещения товаров и людей. За короткий срок – в течение второй половины 19 столетия - в Европейской России было сооружено более двадцати тысяч верст железных дорог, а по всей империи 31800 тысяч верст, в том числе 17 тысяч казенных.

На периферии капитализма, где, как в России не было развитого внутреннего рынка, капитализм развивался весьма своеобразно. На это одним из первых обратил внимание еще К. Маркс.

На это своеобразие капиталистической стези на периферии капитализма одним из первых обратил внимание К. Маркс. "А если владельцев плантаций (рабовладельческих - Ю. И.) в Америке, - писал он, - мы теперь не только называем капиталистами, но они и на самом деле *являются* таковыми, то это происходит потому, что они существуют как аномалии в условиях мирового рынка, покоящегося на свободном труде".[65] Но то, что в середине XIX в. представлялось аномалией, впоследствии оказалось закономерностью. В Африке, Азии и

[63] См. Реформы 60-70-х гг. XIX в. //Российская академия управления. Гуманитарный центр. Реформы в России. М., 1993

[64] См. Троцкий Л.Д. Русский капитализм// ГРАСПИ. С. 325, опись 1, ед.хр.123. Л.3.

[65] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант "Капитала"). Часть первая. Т. 46. Ч. 1. С. 505.

Латинской Америке производившие на экспорт хозяйства покоились на рабском либо феодально-принудительном труде.

Как известно, К. Маркс рассматривал отработки в качестве "самой простой формы ренты, которую первоначально сменяет превращенная ее форма в виде ренты продуктами, а затем денежная рента, представляющая, в свою очередь, превращенную форму ренты продуктовой". Подобная смена рентных отношений характерна для поступательного развития феодализма. Здесь же налицо обратный характер эволюции - отработочная рента становится превращенной формой продуктовой и денежной ренты.

В России с появлением рынка росла потребность в деньгах не только у экспортировавших продукцию владельцев хозяйств, но и у трудившихся на них крестьян. Занимая у хозяев деньги, они попадали в долговую кабалу в условиях сохранения привычных форм связей между владельцем денег и крестьянином.

Подобная совместимость была возможна, прежде всего, потому что, кредитуя крестьян, владелец капитала вынуждал их, в конечном счете, отрабатывать тот долг, который он предоставил им, будь то в виде денег или предметов потребления. При этом сами отработки приобретали многообразные формы, начиная от работ в хозяйстве того, кто предоставил ссуду, и кончая работами в крестьянском хозяйстве, связанными с выплатой доли урожая натурой либо деньгами.[66]

Там, где займы предоставлял владелец хозяйства, в котором трудились крестьяне, процессы деклассирования протекали замедленнее, чем там, где кредиторами непосредственно выступали банки и связанные с ними кредитные организации. Владельцы хозяйств были больше заинтересованы в постоянных работниках с круглогодичными источниками существования.

Другое дело, когда кредиторами были банки и связанные с ними организации, через своих агентов обиравшие до нитки крестьян. В таких случаях процессы деклассирования,

[66] Иванов Ю. М. Урбанизация и особенности формирования городского пролетариата в развивающихся странах. М., 1985. С. 19.

разорения крестьян ускорялись, порождая лишенных хозяйств голодающих, терявших привычки к систематическому труду.

Важным следствием раскрестьянивания было распространение идей равенства, обусловленных вовлечением деклассированных в рыночные отношения. В условиях отработок эти идеи причудливо переплетались с признанием личной зависимости от кредитора и пестуемой церковью верой в заботящегося о бедных императора. Разрешить подобные противоречия могли лишь репрессии, совершенные по его явному распоряжению. Впервые они обрушились на апеллирующие к нему мирные массы 9 января 1905 г., положив начало первой русской революции. До этого в глазах бедноты зачинщиками репрессий были местные власти - ослушники доброй воли государя.

Помимо деревни город имел своих многоликих деклассированных. Их положение хорошо описал А. Ф. Кони: "Город в последние полвека все больше и больше втягивает в себя сельское население своими отхожими ремеслами, фабриками и заводами. Именно это население подвергается особому соблазну пьянства в дни субботних расчетов, когда у ворот заводов и фабрик, тревожась за участь полуголодных и полуодетых детей, матери ждут выхода мужей, чтобы спасти хоть часть выручки от пропивания ее целиком"... Существуют целые своеобразные классы общества, известные у нас под названием "золоторотцев", "хитровцев", "босяков" и всякого рода хулиганов, грозящих общественному порядку и безопасности в своем непрерывном росте. Для этих "Katilinarishe Existzen (деклассированных слоев населения), как их называл Бисмарк, венец заработка и цель дня состоят в выпивке, их невозможно приучить к систематическому труду и оторвать от кабака, для которого добывались деньги милостыней, а иногда и насилием".[67]

Следует отметить, что в Западной Европе не деревня была сосредоточением деклассированных масс. Здесь не было преград, удерживавших разорившихся крестьян в деревне. Лишенные источников существования устремлялись в города, либо мигрировали за рубеж, прежде всего в США и Канаду. В результате города становились основным местом

[67] Кони А. Ф. К истории нашей борьбы с пьянством // Избранное. М., 1989. С. 83-84.

сосредоточения деклассированных. Другое дело страны Востока, где возможности осесть в городах были крайне ограничены. Лишавшиеся средств существования крестьяне были вынуждены прозябать в деревне. Отсталый Восток представлял мировую деревню, обеспечивавшую дешевым сырьем мировой город.

В самодержавной России основная масса населения проживала в деревне. Наибольшую его часть составляли деклассированные крестьяне. Поэтому любые устремления покончить с бедственным состоянием русского народа, в конечном счете, упирались в решение вопроса о судьбах разоренных крестьянских масс. Если отвлечься от различий предлагавшихся решений, отражавших разные грани жизни деревни, то окажется, что ведущих течений было три: Ленина; Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского; а также русских марксистов.

Ленинское течение отражало настроение тех крестьян, разорение которых дошло до той степени, при которой самостоятельно крестьянствовать уже стало невозможно. Они постоянно находились в долгах у имущих односельчан, выступавших в конечном счете в роли посредников связанных с банками кредитных фирм. Свои беды разорившиеся видели в рынке, порождавшем долговую кабалу. Его полное уничтожение, проводившееся после прихода Ленина к власти, отвечало глубинным чаяниям деклассированных крестьян, принимавших активное участие в создании административно-распределительного механизма вместо рыночного. Предварительной предпосылкой его возникновения было существование сообщества нечаевского типа, распределявшего по указанию Ленина властные полномочия своих сподвижников.

При этом он полагал, что хозяйства бедняков не в состоянии обеспечить заметный подъем производства вообще и производства прибавочной стоимости в особенности. Решение проблемы он видел в принудительном труде и резком сокращении потребления тех, кого принуждали с показным энтузиазмом работать в общественных хозяйствах. Такие хозяйства объявлялись коммунистическими.

В действительности они как небо от земли были далеки от коммунизма. Так же, как и небо от земли, были далеки и претензии возглавлявшей их верхушки быть диктатурой пролетариата. Еще задолго до революции Ленин в работе “Что делать?” доказывал, что рабочие сами не в состоянии управлять

производством, где создавалась прибавочная стоимость, что этим должны заниматься их руководители, директора, которые теперь после прихода к власти большевиков объявляли себя рабочей властью.

Порожденная Октябрем властная верхушка широко открывала двери для роста своих рядов за счет деклассированных крестьян, заявляя, что контроль над производством и распределением, учет продуктов труда якобы “упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок”.[68]

На деле подобные заявления, отрицавшие сложности процессов управления, достойны лишь насмешек. Их появление было рассчитано на привлечение к управлению деклассированных бедняков, у которых, как правило, за плечами в лучшем случае было окончание четырехклассной церковноприходской школы, где главным предметом был “закон божий”.

В отличие от Ленина, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский выражали чаяния тех крестьян, которые могли самостоятельно хозяйствовать в условиях патриархального быта, разрушавшегося под воздействием рынка. В известном письме Николаю II Толстой писал: “Мерами насилия можно угнетать народ, но нельзя управлять им. Единственное средство в наше время, чтоб действительно управлять народом, только в том, чтобы, став во главе движения народа от зла к добру, от мрака к свету, вести его к достижению ближайших к этому движению целей. Для того чтобы быть в состоянии сделать это, нужно, прежде всего, дать народу высказать желания, исполнять те из них, которые будут отвечать требованиям не одного класса или сословия, а большинству его, массе рабочего народа... Для русского народа освобождение может быть достигнуто только уничтожением земельной собственности и признанием земли общим достоянием”.[69]

В этом же письме Толстой смело утверждал, что самодержавие - уже “отжившая форма власти”, что опору ее

---

[68] Ленин В. И. Государство и революция. Т. 33. С. 101.

[69] Толстой Л. Н. Николаю II. 1902 г. Январь 16. Гаспра.//Полн. собр. соч. Т. 73-74. С. 188-189.

составляет насилие.[70] Он не только гениальный художник и выдающийся мыслитель, но и смелый, последовательный борец с самодержавием. Его мечта - превращение России по примеру европейских стран в конституционную монархию, где каждый имел бы возможность вести хозяйство на общественной земле.

Читатель по достоинству может оценить трактовку коммунистами роли Толстого и Ленина в годы Первой русской революции. "Толстой дал, пишет, например, И. М. Нусинов, - критику зла, не указав путей его претворения, и потому его учение знаменовало покорность злу. Ленин указал путь к добру, организовал волю к действенному торжеству добра".[71]

Известная статья Ленина "Лев Толстой, как зеркало русской революции" ни с крестьянской революцией, ни с ее "злодеем" Толстым не имеет ничего общего. Толстой изображается им в виде жалкого "помещика, юродствующего во Христе", хлюпика интеллигента, способного есть лишь "рисовые котлетки" и юродиво проповедовать "непротивление злу насилием". Можно подумать, что великая революция делалась не крестьянами, а юродивыми помещиками, воплощавшими ее идеалы в "рисовые котлетки"!

Ленинские рассуждения о том, что "совокупность взглядов Толстого, вредных как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции", не имеют ничего общего с действительностью. В старорусских губерниях, где разворачивались основные события, еще не было почвы для появления использующей наемный труд крестьянской буржуазии.

В России испокон веков вообще не было крестьянских движений, которые отстаивали бы буржуазное развитие. Владельцы патриархальных крестьянских хозяйств и без революции практиковали полностью удовлетворявший их "капиталистический паразитизм", о котором писал еще Энгельс. Однако на почве этих отношений возникали не буржуазия и пролетариат, т. е. классы буржуазного общества, а долговая кабала, порождавшая на одном полюсе имущих крестьян, присваивающих прибавочную стоимость, на другом - деклассированных, отрабатывающих долги.

[70] См. Там же. С. 187.

[71] Нусинов И. М. Толстой и Ленин. Вступительная статья// Ленин и Толстой. Коммунистическая академия. М., 1928. С. 39.

Рынок со своим предложением товаров, порождавшим все новые и новые потребности, разрушал эти отношения, сужая возможности кредиторов предоставлять ссуды с одной стороны, и лишая хозяйства получателя ссуд с другой. В связи с этим Толстой, призывал сокращать порожденные рынком потребности. Его рассуждения подробно описал А. Ф. Кони, много раз доверительно беседовавший с ним на эти темы. Толстой ему говорил: "Человек *обязан* быть счастлив, как обязан быть чистоплотным. Несчастье же состоит, прежде всего, в невозможности удовлетворять своим потребностям. Поэтому чем меньше потребностей у человека, тем меньше поводов быть несчастным. Только когда человек сведет свои потребности к минимуму необходимого, он вырвет жало у несчастья и обезвредит последнее, и тогда в самом сознании, что им устранены условия несчастья, он почерпает сознание счастья... Толстой с резкой откровенностью объяснял, *чего* ему не достает, чтобы достигнуть буддистского презрения к телесным удобствам и сострадания даже к паразитным насекомым".[72] Сокращая потребности и умело делая немудреную работу крестьянского хозяйства, он стремился уподобиться крестьянам, которые о нем с уважением говорили "Это мужик умственный, хотя и барин".[73]

Вопрос о сокращении потребностей в конечном счете сводился к вопросу об отношении к порождавшему их рынку. О необходимости сокращения рыночных потребностей писали ведущие идеологи крестьянской революции. Но цели у них были разные. "Злодеи" Толстой и Достоевский добивались того, чтобы у крестьянина оставалось больше жизненных средств; " добрый" Ленин, - чтобы изъять у него максимум возможного для присвоения возросшей прибавочной стоимости. Естественно, что способы сокращения потребностей при этом предлагались разные: у Толстого и Достоевского - добровольные, у Ленина - методами жесточайшего насилия.

Что касается отношения к капитализму, то, по словам Л. Троцкого, Л. Толстой отбросил веру в "суеверие прогресса". "Я не нахожу, - писал Л. Толстой, чтобы отношения фабриканта к работнику были человечнее отношений помещика к

[72] Кони А. Ф. Л. Н. Толстой//А. Ф. Кони Избранное... С. 186, 187.

[73] Там же, С. 183.

крепостному".[74] В отличие от приведенных выше рассуждений А. Соллогуба в защиту крепостнических порядков Л. Толстой в данном случае отмечал лишь то, что и при крепостничестве и при капитализме к крестьянину относятся одинаково жестоко, стремясь как можно больше нажиться за его счет.

К наемным рабочим "поборник капитализма" Толстой относился резко отрицательно. В деревенской обстановке единственным рабочим, которого видел Толстой, был конкурент патриархального крестьянина - предоставлявший ссуды глава артели. Глава артели договаривался об условиях труда и заработной плате артельщиков, за счет отчислений от которой он сам существовал. Артельщики же находились у него в беспросветной долговой кабале. Еще до начала сезона работы, он раздавал артельщикам денежные ссуды, которые они обязаны были отработать.

Вот, что писал, например, 28 июля 1910 г. профсоюзный журнал "Рабочее эхо": "С котомками за плечами, где лежит их немудреный скарб и инструмент, идут и едут в города печники, каменщики, плотники, маляры, штукатуры - искать работы. В деревне им нечего делать, клочок земли ими давно продан или сдан в аренду, да, если он и есть, с ним справится жена с полуголодными малыми ребятами. У земляка - подрядчика давно, еще зимой, вперед под работу деньги взяты. На все лето до поздней осени закабалил себя "землячку "строительный рабочий".[75] Будучи заинтересованными в росте отчислений от заработной платы, такие "землячки" добивались увеличения последней, объединяясь порой в профсоюзы, в которые зачисляли артельщиков.

Подобные артели во главе с подрядчиками существовали и в Западной Европе на стадии становления фабричного производства (они подробно описаны Марксом в "Капитале"), а также в странах Востока. В Египте руководителей таких артелей называли "раисами", в Индии - "сардарами", "мистри", в Китае - "старшинками" и т. д. В английской научной литературе их нередко называют джобберами. Все эти лица

[74] Цит. по: Толстой Лев//Л. Троцкий соч. Т. XX. Культура старого мира. М.-Л. 1926. С. 251.

[75] Цит. по Иванов Ю. М., Пронин С. В. На пути свержения царизма. //Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 1. Профсоюзы в борьбе за свержение самодержавия и установление диктатуры пролетариата (1905-1917). М., 1963. С. 197.

выступали в роли субподрядчиков рабочей силы и в качестве таковых получали известную долю прибавочной стоимости из зарплаты артельщиков. Они вербовали, опутывая долгами крестьян, прежде всего в тех сельских округах, уроженцами которых они были сами, т. е. там, где они имели особо прочные экономические и социальные связи с вербованными.[76]

Чтобы доказать развитие капитализма в деревне, Ленин сводил все аграрные проблемы к вопросу о судьбах помещичьего землевладения, сознательно умалчивая о том, что крестьянам приходилось выкупать не только землю, но и свою личность. В своем известном письме от 16 декабря 1909 г. он писал: "Что доказывал и доказал Ильин, имея в виду свою работу "Развитие капитализма", что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве, *и* в крестьянском, *и* вне, *и* внутри общины".[77] А это подразумевало, что в общине и вне ее формируются классы буржуазного общества - капиталистов и пролетариев.

На самом деле это был чистейший бред, не имевший с действительностью ничего общего. Еще в 1904 г. неопровержимо было доказано, что крестьянское население коренной России выкупало не только землю, но и стоимость собственной личности, "стоимость крепостных душ".[78] Иначе говоря, земельный вопрос, к которому все сводил Ленин, не мог решить всех проблем капитализма. Личная зависимость, препятствовавшая появлению свободного найма, продолжала сохраняться в течение многих десятилетий после падения крепостного права в 1861 г.

"В черноземной полосе, - пишет А. Е. Лосицкий, - доход помещика получался главным образом от сельского хозяйства; труд имел значение только в связи с землей; крепостная душа, если б она могла продаваться без земли, ценилась бы очень дешево. В нечерноземной полосе, наоборот, значительная часть помещичьих доходов получалась, - благодаря промышленному развитию этой полосы, - от промыслового труда крестьян; барщинная эксплуатация заменялась эксплуатацией оброчной; мужик ушедший с земли для промыслового заработка, ценился

[76] См. Иванов Ю. М. Пронин С. В. На пути свержения царизма. М., 2004. С. 12-13.

[77] Ленин В. И. Соч. Т. III. Развитие капитализма в России. М., 1935. С. VIII.

[78] Лосицкий А. Е. Выкупная операция. СПБ 1904. С. 3.

дороже, чем оставленная земля".[79] Согласно тщательным подсчетам А. Е. Лосицкого, доля освобождения крестьян от личной зависимости в выкупных платежах составляла в черноземной полосе 56%, в нечерноземной - 121%. По его расчетам, крестьяне, уплатив 1,2 миллиарда рублей, полностью покрыли все расходы казны по выкупной операции.[80]

В условиях низкой производительности труда использование найма в зажиточных крестьянских хозяйствах было невыгодным. Из всех европейских стран урожайность зерновых в России была самой низкой. В частности, в течение 1901-1906 гг. сбор пшеницы с десятины посева составлял всего 42,6 пудов.[81] Согласно данным Соковнина, валовой доход с десятины крестьянского посева в черноземной полосе за вычетом семян составлял 20 руб. 76 коп. минус арендная плата 9 руб. 20 коп. Итого крестьянину оставалось 11 руб. 56 коп. Однако, если бы он использовал труд наемного рабочего, то при зарплате 15 руб. 10 коп. убыток арендатора составил бы 3 руб. 54 коп.[82]

О невыгодности найма в зажиточных крестьянских хозяйствах писал и Троцкий: "Капиталистический фермер бессилен здесь конкурировать с арендатором – паупером, и паровой плуг терпит поражение в борьбе с физиологической упругостью мужика, который, уплатив в виде аренды не только всю прибыль на свой «капитал», но и большую часть своей заработной платы, питается хлебом из муки, смешанной с древесными опилками или молотой корой".[83]

На почве невыгодности наемного труда в деревне множились различного рода отработки, расчеты по которым, в конечном счете, сводились к хлебу, бывшему мерилом всех затрат труда.

Подобная невыгодность использования наемного труда в хозяйствах, производивших товарную продукцию, была

[79] Там же.

[80] Там же. С. 3, 17.

[81] Прокопович С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912. С. 16.

[82] Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах... С. 42.

[83] См. Троцкий Л.Д. Крестьянство и аграрный вопрос // ГРАСПИ. С. 325, опись 1, ед.хр.124. Л.17.

характерна и для стран Востока[84], где отработки, возникавшие на почве торгово-ростовщического капитала, камуфлировали традиционные аграрные отношения, свойственные сплошь да рядом натуральному хозяйству.

Ленин полагал, что для уничтожения помещичьего землевладения необходимо насильственное свержение царя.[85]. В связи с этим он считал, что судьба революции решается в деревне. "Проповедуя отобрание земли, - писал он в 1906 г., - мы зовем крестьян на восстание. А разве мы вправе были бы, не впадая в революционную фразу, делать это, если бы не рассчитывали на восстание рабочих в городах, на поддержку рабочими крестьян?".[86] Иначе говоря, не крестьяне должны были поддерживать выступления рабочих, а рабочие - крестьян.

Однако чтобы уничтожить помещичье землевладение, крестьянам не нужно было насильственно свергать царя. Не считаясь с бессильными властями, они сами по своему усмотрению добивались того, что хотели. В Черноземье, организуя погромы помещичьих имений, они стремились к тому, чтобы вынудить бежавших в город помещиков снижать арендную плату за землю, переходившую в "уравнительное" пользование общин во главе с имущей частью деревни. "Крестьяне толпами подступали к помещичьим экономиям, разбирали хлеб и прочее, а постройки нередко сжигали. Вреда личностям почти никогда не приносили, ибо не столько питали вражду к отдельным лицам, сколько стремились во что бы то ни стало выжить помещиков... За короткое время было сожжено и "разобрано" и вообще уничтожено свыше 2000 усадеб".[87]

По иному развивалось крестьянское движение в нечерноземных губерниях, где главным занятием населения были отхожие и кустарные промыслы. Разнообразные государственные и общинные поборы, натуральные повинности в пользу земства (дорожная, квартирная, подводная и др.,

[84] См. Иванов Ю. М. Развитие капитализма в африканской деревне Родезии и Замбии. М., 1970; Иванов Ю. Старые решения вечно "новых" проблем//Проблемы дальнего Востока. 1993. № 6.

[85] См. Ленин В. И. Л. Толстой как зеркало русской революции//Ленин и Толстой. М., 1928. С. 53.

[86] Ленин В. И. Современное положение России и тактика рабочей партии. Соч. Т. IX. С. 25.

[87] Общественное движение в России в начале XX века под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. 2. СПБ, 1909. С. 118.

позднее возрожденные большевиками), громадные косвенные налоги на товары повсеместного спроса (керосин, соль, спички и т. д.), а также поборы винной монополии были подлинным бедствием особенно для имущих, выращивавших коноплю, лен, картофель, разводивших скот и изготавливавших высококачественные сыры. Главным здесь были отказы платить подати и бойкот сельской администрации. Именно к этому призывал крестьян Л. Н. Толстой, указывая на ненужность насилия в делах "войны" с помещиками.

Потравы и порубки были повсеместны, поджоги помещичьих усадеб редки. На основании общественных приговоров население смещало волостные и сельские власти. "Почти повсеместно в губернии, - жаловался новгородский губернатор, - оклады содержания волостных старшин, судей, писарей были до таких ничтожных размеров уменьшены, что те из должностных лиц, которые сколько-нибудь удовлетворяли своему назначению, должны покинуть свои места".[88] Революция 1905 г. сделала свое дело. Помещичье землевладение окончательно превратилось в стихийно отживающий анахронизм. В губерниях Черноземья помещики торопились распродать свои земли банку и непосредственно зажиточным крестьянам. В Симбирской губернии доля таких земель составила 33,2%, в Саратовской - 32,6%, в Пензенской - 28,8%, Самарской - 26,5% и т. д.[89]

На повестке дня действительно четко вырисовывалась предугаданная Л. Н. Толстым картина добровольного отказа помещиков от владения землей. "Да, - думает Левин, полурешая, - да, если по-настоящему, то за что мы, как сказал давеча Весловский, "едим, пьем, охотимся, ничего не делаем, а бедный вечно в труде"? Да Стива прав, я *должен* разделить свое имение бедным и пойти работать на них".[90]

Подобный раздел имений, Достоевский, перекликаясь с Толстым, называл русским решением вопроса. "Если вы почувствовали, - пишет он, - что вам тяжело "есть, пить, ничего

[88] Цит. по: Крестьянское движение в России. (Июнь 1907-июль 1914). Сборник документов. М.-Л., 1966. С. 22.

[89] Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912. С. 140.

[90] Достоевский Ф. М. "Злоба Дня"//Дневник писателя. Избранные страницы. М., 1989. Дневник писателя. 1877. С. 412.

не делать и ездить на охоту", если вы действительно это почувствовали и действительно так вам жаль "бедных", которых так много, то отдайте им свое имение, если хотите, пожертвуйте на общую пользу и идите работать на всех".[91]

Каким бы ни было "русское решение вопроса", в наибольшем выигрыше оказывались имущие, расширявшие свои возможности становится кредиторами. Число же деклассированных продолжало расти, чему особенно способствовала война.

Беднота массами продавала свои наделы, становившиеся собственностью имущих крестьян. С 1907 г. по 1915 г. (в 1915 г. в связи с массовыми протестами семей мобилизованных в армию проводившийся по мужским душам передел общинных земель был приостановлен) 1,2 млн. крестьян продали 3 млн. десятин,[92] т. е. в среднем у них оставалось всего 2,6 десятины на двор. Такие хозяйства могли лишь частично удовлетворять голодные нужды своих владельцев. По оценке С. Прокоповича поставщиками сельскохозяйственных продуктов на рынок могли быть хозяйства, имевшие не менее 4-х десятин посева.[93] Одним из признаков их достатка было существование тараканов в их избах. У почти 10% крестьян из-за постоянного голода и холода тараканы не выживали.

Разорение крестьянских масс возрастало не только из-за сокращения наделов, но и роста цен на покупаемое ими продовольствие. Уже осенью 1915 г. города, бывшие местом приработков бедняков, сидели на голодном пайке. К осени 1916 г. предметы первой необходимости по сравнению с началом войны здесь вздорожали в среднем втрое, дрова и яйца - вчетверо, масло и мыло - впятеро.[94]

В то же время переориентация промышленности на военные нужды породила острейший дефицит таких товаров как ситец, нитки, керосин, спички, сахар и т. д. Цены на эти товары настолько выросли, что продавать что-нибудь на рынке стало

[91] Достоевский Ф. М. Русское решение вопроса//Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы, 1989.... С. 415.

[92] Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 г.-февраль 1917 г. М.-Л., 1965. С. 7.

[93] Порокопович С.. Что дал России нэп//Нэп. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 28.

[94] Хроника России. XX век. М., 2002. С. 206.

невыгодно. Жены мобилизованных все чаще громили лавки, силой забирая товары и избивая их владельцев.

Мобилизации в насчитывавшую 15 млн. чел. армию (ее численность превысила городское население) форсировали рост деклассированных не только в связи с разорением покинутых хозяйств. Их владельцев заставляли привыкать к полуголодному, полураздетому солдатскому существованию в обстановке, когда в армии всякий труд лишал замордованного бессмысленной муштрой солдата возможности забыться даже во сне.

Рукоприкладство к нижним чинам росло. За годы войны отношения между солдатами и офицерами все более накалялись. "Офицер был, - пишет А. С. Серафимович, в чистоте, солдат во вшах. Офицер вкусно и чисто ел, солдат - с червями. Для офицера - книга, клуб, театр, для солдата - постоянная казарма. Офицер оберегал свое достоинство, если не по отношению к своему начальству, так по отношению к штатским; для солдата - унижения, подлые собачьи; для офицера - безнаказанность, для солдата - бесчеловечные - наказания".[95] Неповиновение человека с ружьем росло. Случаи убийства офицеров из-за угла либо панического бегства из частей встречали открытое одобрение солдатских масс. После победы Февральской революции власть солдат в военных подразделениях стала юридически признанной нормой, оформленной приказом номер один.

Для Ленина и его единомышленников, замышлявших уничтожить частную собственность, проигранная война была большой удачей. Их главными соперниками была часть эсеров, провозгласивших позднее создание собственной левой партии. Подобно ленинским сторонникам, они пропагандировали идеи опережающего прорастания социализма в деревне. Основное их отличие от большевиков с непререкаемыми на всех уровнях руководителями, заключалось в свободном обсуждении любых подсказанных жизнью вопросов.

Среди знатоков настроений и чаяний деклассированных особое место занимает Ф. М. Достоевский. Предмет его изучения это деклассированные Петербурга - ведущего центра политической и экономической жизни громадной России, где связи его жителей с деревней, так или иначе, определяли их

[95] Серафимович А. С. Только уснуть//Серафимович А. С. Собр. соч. Т. 3. М., 1987. С. 89.

жизненные судьбы. "Кто в стране владеет землей, - пишет он, - те и хозяева той страны, во всех отношениях" (вспомним в этой связи Л. Толстого - Ю. И.).[96]

В отличие от Ленина идеал Достоевского - не утративший способность систематически трудиться, лишенный всего крестьянин, а тот, кто имеет в деревне семью, ведущую свое хозяйство. У него нет сомнений в желательности существования частного землевладения. "А разрешен ли у нас до сих пор вопрос, - риторически спрашивает он, - о единичном, частном землевладении? Уживется ли оно впредь рядом с мужичьим, с определенной рабочей силой, но здоровой и твердой, а не на пролетариате и кабаке основанной".[97] Для Достоевского рабочая сила могла быть "здоровой и твердой" только в том случае, если ее обладатель имел в деревне хозяйство, где трудилась его семья. Главные же несчастья, по его мнению, происходили из-за мироедов и кулаков, наживавшихся на кабале спившихся крестьян.

Неслучайна поэтому его ремарка в "Дневнике писателя" за 1876. "По-моему, работай на фабрике: фабрика тоже дело законное и родится всегда подле возделанной уже земли: в том ее закон. Но пусть каждый фабричный работник знает, что у него где-то там есть Сад, под золотым солнцем и виноградниками, собственный или вернее, общинный, и что в этом Саду живет и его жена, славная баба, не с мостовой, которая любит его и ждет, а с женой - его дети, которые играют в лошадки и все знают своего отца".[98] Разумеется, это был несбыточный идеал, навеянный итальянскими впечатлениями. Но важно другое: Достоевский защищает интересы отходника в посткрепостническую эпоху, когда крестьянская семья не в состоянии была вести хозяйство, не залезая в долги. "Порвалась цепь великая, порвалась - расскочилася одним концом по барину, другим по мужику!..."

В связи с "распадом великой цепи" воссоединять ее вновь можно было с разных концов: с одного - мужиками, с другого - баричами. Чтобы сохранить устои самодержавия, у

[96] Достоевский Ф. М. Прежние земледельцы - будущие дипломаты//Достоевский Ф. М. Дневник писателя... С. 435.

[97] Достоевский Ф. М. Возможно ли у нас спрашивать европейских финансов? //Достоевский Ф. М. Пол. собр. соч. Л., 1984. Т. 27. С. 10.

[98] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы. М., 1989. С. 303.

царизма не было иного выбора кроме второго пути. "Есть земство, но оно "начальство", пишет Достоевский. Есть суд, но и то "начальство"; есть община, наконец, мир, но и то, как будто бы уж теперь тянет к чему-то похожему на начальство. Газеты полны описаниями, как народ выбирает своих выборных, в присутствии "начальства"... Посмотрит иной простак вокруг себя и вдруг выведет, что одному кулаку и мироеду житье, что как будто для них все делается, так стану-де и я кулаком, - и станет. Другой, посмирнее, просто сопьется, не потому что бедность одолела, а оттого, что от бесправицы тошно... Вон высчитали, что у народа теперь в этот миг чуть ли не два десятка начальствующих чинов, специально к нему определенных, над ним стоящих, его оберегающих и опекающих".[99]

Сам Достоевский считал, что восстановление "великой разорванной цепи должно быть отдано мужикам, избиравшим Земское собрание. Подобно Толстому он, следуя формуле "царь отец - народ его дети", полагал, что император может быть конституционным монархом, возглавившим прогрессивные начинания в стране. "Народу не нужны, подчеркивал он, презирающие его советники. Это "остаток крепостного права".

"Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского, - пишет Достоевский, - он верит, что спасется лишь, в конце концов, *всесветным единением во имя Христова*. Вот наш русский социализм".[100] Достоевский обоснованно полагал, что русские мужики - верующие, но они не признают официальную церковь, в чем опять-таки перекликался с аналогичными заявлениями Л. Толстого.

"Духовенство наше не отвечает на вопросы народа давно уже, - писал он в "Дневнике". Кроме иных, горящих огнем ревности о Христе священников, часто незаметных, никому не известных, именно потому, что ничего не ищут для себя, а живут для паствы... Остальные, если уж очень потребуются от них ответы - ответят на вопросы, пожалуй, еще доносом на них. Другие до того отдаляют от себя паству несоразмерными ни с

---

[99] Достоевский Ф. М. Первый корень. Вместо твердого финансового тона впадаю в старые слова. Море-океан. Жажда правды и необходимость спокойствия, столь полезного для финансов.//Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 27. Дневник писателя 1881... С. 17.

[100] Там же. С. 17.

чем поборами, что к ним не придет никто спрашивать".[101] Для верующих бедняков стоявшая на страже самодержавия церковь во главе с синодом выступала в роли враждебной силы, что впоследствии сказалось на их готовности по призыву большевиков разрушать церковные здания и преследовать представителей духовенства.

"Полюби сперва святыню мою, - пишет Ф. Достоевский, перекликаясь с Л. Толстым, - почти то, что я жду и тогда ты точно таков, как я, мой брат, несмотря на то, что ты одет не так, что ты барин, что ты начальство... Как сделать, чтоб дух народа, тоскующий и обеспокоенный, повсеместно ободрился и успокоился. Ведь даже самые капиталы и движение их *нравственного* спокойствия ищут, а без нравственного спокойствия или прячутся, или непроизводительны".[102]

И Ф. Достоевский и Л. Толстой выражали настроения и чаяния патриархального крестьянина, хозяйствующего на своей земле. Их взгляды по многим вопросам неизбежно совпадали. Но угол зрения у них разный: у Л. Толстого - крестьянин, выращивающий продукцию для продажи, в том числе и кулак, мироед; у Достоевского - крестьянин-отходник.

Царю же был нужен восхищавшийся им народ, послушно выполняющий распоряжения чиновников. Ослушников ждала кара явных и тайных агентов полиции. По свидетельству бывшего "красным" при царе и объявленного "либералом" при большевиках А. Ф. Кони, только в Сибирь без суда и следствия ежегодно пересылались 8-10 тыс. чел. (со слов начальника пересыльной части генерал-лейтенанта Беленченко).[103]

В самодержавной России полицейско-чиновничий произвол был безнаказанным - легальных средств борьбы с ним не было. С приходом к власти большевиков он стал безграничным, проникнув во все сферы жизни громадной страны. Традиции этого произвола сказываются до сих пор, несмотря на предпринимаемые со времен Ельцина решительные меры. Безнаказанность берущих взятки

---

[101] Достоевский Ф. М. Разговор мой с одним московским знакомым по поводу новой книжки//Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы. С. 444

[102] Достоевский Ф. М. Первый корень... С. 19, 20.

[103] Кони А. Ф. Избранное... С. 355.

чиновников еще не преодолена. Привычки граждан обращаться в суд для защиты своих интересов пока только складываются.

Многое из того, о чем писалось во времена Достоевского, напоминают проблемы нынешнего дня. "Мы довольно часто сокращаем штаты, - пишет он в "Дневнике", - а между тем в результате выходит, что и штаты и персонал увеличиваются ... Все управления кишат проектами, нет мало-мальски заметного чиновника, который не был бы членом десяти комиссий; все, кажется, изучается, взвешивается и здесь и во всех странах мира... а колесница стоит на месте. Так и останется, ибо весь этот парад есть только внешнее подобие дела, а не само дело".[104] Зато, какое при этом открывается широкое поле для процветания коррупции!

Заслуживают внимания и размышления Достоевского об употреблении матерных слов. "Если, - пишет он, - запрещены физические отправления на улицах, раздетый донага человек, то как не запретить и этого: это тоже физическое отправление, вредное и жалкое. Без жалобы, прокуратура должна бы возбуждать и посылать к мировому судить за нетрезвость слова... Пресса, между прочим, обеспечивает слово всякому подлецу, умеющему на бумаге ругаться, которому ни за что бы не дали говорить в порядочном обществе... А в печати приют: приходи, сколько хочешь, ругайся, даже с почтением примут".

Бескомпромиссно выступал Достоевский и против тех, кто оправдывал пьянство.[105] "В согласованном хоре устных и письменных официальных заявлений в защиту личной свободы пьяницы, - писал по этому поводу А. Ф. Кони, - в одном из них, авторитетно сделанном в Государственной Думе, даже говорилось, что водка составляет предмет первой необходимости для народа, в забвении того, что она грозит обратиться в предмет его конечной гибели (ныне потребление водки возросло вдвое: свыше 15 л. против 7,32 л. при том же, что и при Кони оправдании пьянства - Ю. И.)... Город в последние полвека все больше и больше втягивает в себя сельское население своими отхожими ремеслами, фабриками и заводами и что именно это население подвергается особому

[104] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. Источники текста //Полн. собр. соч. Т. 27. С. 288.

[105] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. С. 28, 51, 47, 48.//Полн. собр. соч. Т. 27...

соблазну пьянства в дни субботних расчетов, когда у ворот заводов и фабрик, тревожась за участь полуголодных и полуодетых детей матери ждут выхода мужей, чтобы спасти хоть часть выручки от пропивания ее целиком".[106]

Городская жизнь этих людей - основная тема творчества Достоевского. Подавляющее большинство из них полностью разорившиеся крестьяне и их потомки. Многие лишены документов и, вступая на путь преступлений, вынуждены постоянно скрываться от полиции. Другой аспект проблемы - оседавшие в городах разорившиеся дворяне. Ведь распавшаяся крепостная цепь ударила не только по мужику, но и по барину, вступавшему на путь уголовных преступлений.

"Что такое в Москве червонные валеты? - пишет Достоевский, - мне кажется это всего лишь та часть той фракции русского дворянства, которая не вынесла крестьянской реформы. Пусть они сами и не помещики, но они дети помещиков".[107]

И ниже добавляет: "Остатками состояния и связями он (Стива) избавлен от судьбы червонного валета; но если б состояние его рушилось, и нельзя бы было получать даром жалованья, то, может быть, он и стал бы валетом... В старину, конечно, для уплаты карточного долга или любовницы ему случалось отдавать людей в солдаты".[108]

За счет потомков таких помещиков уголовный мир пополнялся обладателями дворянских титулов князей, графов и т. д. В отличие от оседавших в городах грубых безграмотных крестьян они могли обольщать светскими манерами на иностранных языках, хвалиться знаниями, полученными в лицеях и университетах. Некоторые из них оставили заметный след в истории уголовного мира. Например, "Адмирал Нельсон", он же Ястржембский, прославившийся как медвежатник - специалист по вскрытию стальных сейфов с международной известностью.[109]

[106] Кони А. Ф. К истории нашей борьбы с пьянством. //Кони А. Ф. Избранное... С. 77, 82.

[107] Достоевский Ф. М. О сдирании коле вообще, разные аберрации в частности ненависть к авторитету при лакействе мысли//Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы. М, 1989... С. 399.

[108] Там же. С. 407.

[109] См. Шейнин Л. Динары с дырками. //Путь к истине. Документальные рассказы о работе следователей советской прокуратуры. М., 1983.

Восторгавшие Ленина Нечаев и Ткачев объявляли уголовников главными участниками революции. В частности, в одном из изданий Нечаева, к "миру русской революции" причислялись "разбойники в лесах, городах и деревнях; разбросанные по целой России разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи". "Яд, нож, петля и т. п. - провозглашали авторы манифестов, - революция все равно освящает в этой борьбе".[110]

Против таких заявлений решительно выступили Маркс и Энгельс, заложив основы марксистского понимания русского освободительного движения против абсолютизма. "Экономическая и политическая борьба рабочих за свое освобождение, - писали они, - заменяется всеразрушительными актами героев уголовного мира - этого последнего воплощения революции. Одним словом, предлагают выпустить бослиа, которого сами рабочие устраняли во время "революции по западному классическому образцу" и тем самым предоставить безвозмездно в распоряжение реакционеров хорошо вышколенную банду агентов-провокаторов".[111]

И Нечаев, и Ткачев исходили из того, что Россия раньше Европы созрела для коммунистической революции, поскольку в ней нет классов буржуазного общества. В открытом письме Энгельсу Ткачев утверждал: "У нас нет городского пролетариата, это, конечно, верно; но зато мы не имеем буржуазии... Нашим рабочим предстоит борьба лишь с *политической властью, - власть капитала* у нас еще только в зародыше".[112]

Эти претензии силами героев уголовного мира совершить коммунистическую революцию были немедленно развенчаны Энгельсом и Лафаргом при участии Маркса, которые писали: "Россия с каждым днем становится все более и более западноевропейской страной; развитие крупной промышленности, железных дорог, превращение всех

[110] Цит по: Володин А. И., Карякин Ю. Ф. Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев. М., 1976. С. 252.

[111] Маркс К. и Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих. Доклад и документы, опубликованные по постановлению Гаагского конгресса Интернационала. Август 1873. Т. 18. С. 426.

[112] Ткачев П. Н. Открытое письмо Фридриху Энгельсу. // Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. Т. 3. М., 1933. Т. 3 С. 90.

натуральных повинностей в денежные платежи и разложение вследствие этого старых устоев общества - все происходит в России с возрастающей быстротой".[113]

Основным вопросом в то время был вопрос о судьбах "разлагавшего старые устои" рынка. Его отсутствие подразумевало административное распределение материальных благ, для чего было достаточно прихода к власти разбойников, иерархия которых определялась сверху. Издававшаяся Нечаевым "Народная расправа" писала: "Организация основывается на *доверии* к личности. - Ни один член не знает, к какой степени он принадлежит, то есть насколько он далек и близок от центра - *Беспрекословное повиновение распоряжениям комитета.* Отрешение от собственности, которая передается в ведение комитета. - Член, приобретший известное количество прозелитов дела, заявивший фактами о своих силах и способностях, знакомится с этими предложениями, а потом более или менее и с уставом общества. Мера сил и способностей определяется комитетом".[114]

Спустя четверть века эти же идеи своим единомышленникам настойчиво вдалбливал Ленин. Ратуя за полное товарищеское доверие между революционерами, он утверждал: "им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою *ответственность* чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами. Да и есть у нас довольно развитое, имеющее за собой целую историю, общественное мнение русской (и международной) революционной среды, карающее с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества...".[115] "Мы должны, - добавлял он, переходя на библейский язык, - готовить жнецов, которые сумели бы и косить сегодняшние плевелы, и жать завтрашнюю пшеницу".[116] Решать

[113] Энгельс Ф. О социальном вопросе в России

[114] Цит по: Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 18. С. 402.

[115] Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Т. IV. С. 469.

[116] Там же. С. 450.

же, кого "косить" и кого "жать" должен был тот, кто возглавлял организацию либо ее подразделение.

На подобных устоях изначально строились и уголовные организации. Возглавляющие их паханы, руководствуясь "товарищеским доверием" распределяли обязанности и доходы, решали вопросы "косьбы и жатвы". От них зависела значимость каждого в уголовном мире.

Другое дело порожденные рынком идеи свободы, равенства и братства, предполагающие существование гласных демократических преобразований, в которых принимает участие все население.

Не подлежит сомнению, что сегодняшние социальные проблемы невозможно решить вне рыночных связей, о чем убедительно свидетельствуют заметные на каждом шагу сдвиги, происшедшие по инициативе В. Путина и Д. Медведева. В то же время мы до сих пор окончательно не избавились от многих стереотипов прошлого. В частности, у нас приветствуется изучение мигрантами русского языка, но когда такое же изучение национального языка предъявляется в других государствах, мы сплошь да рядом глубокомысленно полагаем, что это одна из форм дискриминации русскоязычного населения. Чем скорее мы избавимся от подобных двойных стандартов, тем скорее преодолеем намеченные планки решения собственных социальных задач. Без тесной интеграции с мировым сообществом добиться этого невозможно.

В рассматриваемый период марксистская оценка русской действительности еще только набирала дорогу. Над ней довлело решение вопроса о судьбах деклассированного населения. Расхождения Ленина и Троцкого тогда фактически сводились только к вопросу о демократии. «Развернутая формула аграрного вопроса гласит: - писал Троцкий- экспроприация дворянства, упразднение царизма и демократия».[117]

Отсталость России не позволяла понять прописной марксисткой истины о революционной роли в условиях развитого рынка акционерных обществ. Она стала понятна

[117] См. Троцкий Л.Д. Крестьянство и аграрный вопрос//ГРАСПИ. Ф. 325, опись1, ед.хр.124. Л.23..

Троцкому лишь с началом его борьбы против Сталина и созданного им гласного аппарата деклассированных масс.

СТАЛИНСКИЕ РЕШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Сохранявшийся после смерти Ленина нэп строился преимущественно на натуральных отношениях города с деревней. Стоило его преемникам допустить начало товарных отношений, как через каких-то два-три года начался развал основных устоев большевистской аграрной политики – давать деревне как можно меньше, брать у нее как можно больше. Крестьяне отказывались продавать хлеб по заниженным ценам. Посевы пшеницы и ржи, определявшие уровень зарплаты рабочих, сокращались. Зато расширялось производство технических культур и продукции животноводства, росли промыслы, компенсировавшие сокращение поступлений от продажи зерновых.

Причиной сокращений были чрезвычайно низкие цены. Как указывал замнаркома земледелия Свидерский, «большую часть своей продукции крестьянству приходится продавать по цене меньшей сравнительно с довоенной ценой и меньше, чем та цена, которая стоит на сельских рынках при продаже в розницу».[118] В связи с этим товарность зернового производства резко упала. В 1909-1913 гг. она ровнялась 25,6%. В 1923-1926 гг. – 13,2%, в 1926-1927 гг. – 13,3%.[119]

Стремясь избежать продажи ржи и пшеницы по официальным скупочным ценам, крестьяне сбывали ее частным перекупщикам, платившим им намного больше. Об этом свидетельствуют индексы розничных цен по секторам торговли с октября 1927 г. по январь 1931 г. (1931 г.= 100): в 1927 г. в государственной торговле индекс ровнялся 183, в 1930 г. – 206; в частной и базарной торговле в 1927 г. он был равен 226, в 1930 г. – 1263.[120] При таком разрыве цен государственная торговля в деревне не могла конкурировать с частной.

[118] Всероссийский съезд советов. Стенографический отчет. М., 1925. С. 180.

[119] Иванов Ю. М. Капитализм на Востоке во второй половине XX века М., 1995 г. С. 375.

[120] Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 119.

Кризис внеэкономического изъятия властями крестьянской продукции усугубил промышленный кризис. Тяжелая промышленность ориентировалась на производство оружия, снабжение армии и обслуживание железных дорог, оставаясь вне сферы рыночных отношений. Что касается легкой промышленности, то она не в состоянии была обеспечить рынок своими товарами. По сравнению с довоенным уровнем ее выпуск резко сократился. «Продукция, приходящаяся в 1925/1926 г. на душу населения, в процентах к довоенным показателям составляла: по хлопчатобумажным тканям 63,1%, по кожизделиям – 57,6%., по сахару – 82,9%, по соли 93,3%, по стеклу – 57,5%, по керосину – 73,2%, по спичкам – 100%.[121]

Важно и то, что большая часть дефицитных товаров оседала в городе. «Нажим города, - говорил А. И. Рыков, - на товарный рынок очень силен: можно оставить без ситца уезд, губернию или даже две губернии в Сибири, но оставить без ситца Ленинград, как каждому известно, невозможно.[122].

В итоге деревне доставались жалкие крохи. Об этом свидетельствует, например, выступление представителя Курской губернии Сизова на сессии ВЦИК. «В сентябре 1925 года, - говорил он, - у нас было такое удовлетворение потребностей: по ситцу и хлопчатобумажным товарам всего на 3%, по железоскобяным - на 20%, по стеклу - на 10% и т. д.»[123] Аналогичная ситуация сложилась и в других губерниях большевистской России.

Нараставшие противоречия между промышленностью и сельским хозяйством еще больше усугубил финансовый кризис. В стране стихийно возникло два вида денег: одни для города, другие для деревни. Производство в городах субсидировалось за счет госбюджета золотыми червонцами. Деревня после сбора урожая, когда уплачивались налоги и другие поборы, расплачивалась бумажными деньгами, которые потом уничтожались.

Под напором рынка рушилась система неограниченной власти большевиков, возглавляемая политбюро. Чтобы

[121] Милютин В. О болезнях нашего хозяйственного роста//Вопросы хозяйственной политики (диспропорции в народном хозяйстве СССР, товарный голод, проблемы цен и товарооборота) Курск, 1926. С. 55.

[122] Там же. С. 16-17.

[123] Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 466.

удержаться у власти, им необходимо было окончательно ликвидировать рыночные отношения. Другой альтернативы не было. Инициатором ликвидации явился Сталин, лично поехавший в Сибирь в 1928 г.[124] По его указанию чекисты и милиционеры реквизировали не только хлеб, но и домашний скот, сельскохозяйственный инвентарь, самовары и другие предметы крестьянского обихода. Проводившиеся реквизиции должны были стать образцовым примером для всех. Как «скромно» записано в «Кратком курсе истории всесоюзной коммунистической партии большевиков», у кулаков и спекулянтов изымались лишь «излишки» зерна. Из них 25% передавались бедноте.

На деле «образцовые» деяния Сталина были ужасны. Ниже приводятся сведения, собранные Е. Осокиной – одной их немногих, сумевших разобраться в этом вопросе. Те, кто отказывался продавать хлеб по государственным ценам, объявлялись врагами советской власти. Их жизнь была подвержена бесчисленным иезуитским запретам, усугубленным лютыми сибирскими морозами. Так запрет на воду означал посты у колодцев, которые определяли, кому давать воду, а кому нет. Бойкот на здравствование означал запрет здороваться с бойкотируемыми. Бойкот на курение запрещал давать закурить или прикуривать. Бойкот на огонь запрещал затапливать печь, а если хозяин ослушивался, то приходили и заливали ее. Бойкот на свет – забивали окна, чтобы в избе было темно. Запрещалось ходить к бойкотируемым в гости, а если нужно по делу, брали понятых. О бойкоте предупреждал плакат на воротах: «Не ходи ко мне – я враг советской власти». В случае исчезновения плаката бойкотируемого штрафовали, и поэтому его семья беспрерывно дежурила у ворот, чтобы плакат не стащили. Был также запрет на посещение общественных мест: гнали из больницы, из сельсовета, детей бойкотируемых исключали из школы. А то и вообще семье бойкотируемых запрещали выходить за ограду дома. Мазали ворота и окна дегтем.

Вот еще один из применявшихся методов нажима. Сами создатели называли его «заготовка с оркестром и фотографом». «Зажимщика» хлеба сначала водили по деревням для показа, затем собирали собрание сельчан. Всех зажимщиков сажали на высокую скамью и вызывали по одиночке в президиум, где

---

[124] XI Всероссийский съезд советов. Стенографический отчет. М., 1924. С. 71.

задавали только один вопрос «Везешь хлеб или нет?». Если «да», то ему играли туш, фотографировали и записывали на Красную доску. Если «нет», то били в барабаны, не фотографировали и записывали на Черную доску.

Одной из разновидностей массовых наказаний являлись так называемые «ударники». Крестьян, отказавшихся продавать хлеб, держали в закрытом помещении по несколько дней (от 2-х до 6-ти суток), не давая при этом есть и спать. На время «ударника» запрещалось кому-либо уезжать из села. Массовые многодневные без сна и пищи дни, дополнялись карнавалами. Вот описание одного из них: «Держателей хлеба (46 человек), из которых большинство было середняками, вызывали в школу и вели обработку. Затем им вручали черное знамя, на котором было написано: «Мы друзья Чемберлена». Когда учитель вручил черное знамя одному из кулаков, тот ударил его ногой, после чего кулака пришлось скрутить, связать ему руки назад, остальные добровольно, без всякого нажима взяли после этого знамя. Выстроившись в ряд, они с черным знаменем пошли по улице. Сзади шли деревенские активисты и беднота с красным знаменем. Кругом бегали детишки и улюлюкали».[125]

Это были лишь цветочки, ягодки были впереди. Пользуясь безнаказанностью, сталинский террор вступил в новую фазу: объявленных врагами народа и подозреваемых в связях с ними по разнарядкам, спускавшимся сверху, с мест отправляли в концентрационные лагеря и спецпоселения. Там их заставляли валить лес, трудиться в рудниках и в сельском хозяйстве. Всего за короткий срок было сослано не менее 10 млн. чел.[126]. Деревенские жители истреблялись невиданными в мире темпами. Уже в 1933 г. смертность намного превысила рождаемость[127].

Наряду с сельским принудительно сокращалось и городское население. Рабочих подобно станкам закрепляли за предприятиями. С начала 30-х гг. за один лишь прогул либо опоздание рабочий увольнялся, лишался продовольственной карточки и прописки. Причисленный к тунеядцам, он подлежал принудительной высылке для работы в концентрационных лагерях и спецпоселениях. Указание Сталина об усилении классовой

---

[125] Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1998. С. 63.

[126] Неизвестная Россия . Т. 1. М., 1992. С. 58.

[127] Жиромская В. Б. Демографическая история России... С. 218.

борьбы на путях к “социализму” было неотделимой частью системы государственного принуждения, постоянно требовавшей все новых и новых актов террора против населения своей страны.

Но Сталину этого было мало. Ему нужно было, чтобы ближайшие подвижники признавали его непререкаемую власть. В прошлом, будучи членами аппарата Реввоенсовета Республики и Совета труда и обороны, они демонстрировали свою преданность Троцкому. Лишь немногие из них сразу же признали безоговорочный авторитет Сталина. Остальные какое-то время не проявляли открыто свою преданность ни тому, ни другому. Их объявляли контрреволюционными троцкистами - врагами народа, подлежащими немедленному расстрелу либо отправке для уничтожения в концлагеря.

Наибольшее число троцкистов было исключено из ВКП(б) по плановым разнарядкам и информации с мест в 1937-1938 г.г. Для этого достаточно было оказаться в одной из рубрик списка, разработанного по указанию Сталина.[128] Этот список включал в себя следующие пункты:

- Враги народа;
- Имевшие связь с врагами народа;
- Скрывавшие участие в оппозиции;
- Имевшие антипартийные поступки;
- Потерявшие бдительность;
- Выходцы из чужой и враждебной среды;
- Осужденные за уголовные и другие преступления;
- Нарушители партийной и государственной дисциплины;
- Обвиненные в национализме и антисемитизме.

Коварный перечень позволял Сталину уничтожать всех, кого заблагорассудится.

В 1937 г. из партии было исключено 108495 человек, в 1938 г. – 80847, в 1939 г. – 23585.[129] Освободившиеся вакансии пополнялись малограмотными сталинскими выдвиженцами, четко усвоившими, что сторонники Троцкого и Зиновьева являются

---

[128] Граспи. Ф. 17. Опись 7. Дело 309. Л. 10-11.

[129] Там же. Л. 16.

врагами народа. 56,6% из них имели неполное среднее и начальное образование, 24,1% были грамотными самоучками, а 0,5% были азбучно неграмотными.[130] Подобный же низкий уровень грамотности позднее требовали гитлеровцы для ненемецкого населения на Востоке: знания не выше 4-х классов, уметь считать до пятисот, знать закон божий и расписываться.[131]

Слово Сталина стало обязательным законом для всех. Он на деле доказал, что «властвуют не те, кто выбирают и голосует, а те, кто правят».[132] В детских садах ребята хором декламировали «Наши первые слова - Сталин, Родина, Москва»![133] На собраниях при упоминании имени Сталина было принято всем вставать и участвовать в дружных овациях. Уклонявшиеся (коли не были провокаторами КГБ) считались контрреволюционерами.

Труд из-под палки непроизводителен. Жесточайшие меры не могли заставить людей производительнее работать. Начался страшный голод - неотделимый спутник сталинской политики изъятия хлеба у крестьян. 1929 год страна встречала огромными очередями за хлебом, разгромом хлебных будок, драками и давками в очередях. По сводкам ОГПУ, «хлеб получали с боем». В стране возродилась карточная система. 6 декабря 1928 г. политбюро разрешило советам крупных промышленных центров ввести карточки на хлеб. 14 февраля 1929 г. эта система стала всесоюзной. Хлеб выдавался только тем, кто имел работу. Остальные обрекались на голодную смерть.

С краткими перерывами карточная система просуществовала вплоть до 1941 г. Как обоснованно пишет Е. А. Осокина, «карточки, официально признанные руководством страны или «решениями местной власти», сопровождали все предвоенные пятилетки».[134] Кроме хлебной пайки рабочий практически ничего не мог приобрести, так как его заработок постоянно уменьшался из-за постоянного увеличения норм выработки. Из употребления исчезло слово продавец. Его стали

---

[130] Граспи. Ф. 17. Опись 7. Дело 234. Л. 8.

[131] Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 83.

[132] Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 37.

[133] Шаламов В. Новая книга… С. 518.

[134] Осокина Е. А. Союз плана и рынка в социалистической торговле//Социальная история. Ежегодник 1998\99. С. 343.

называть «резчиком», так как его главной обязанностью стало нарезать хлебные пайки. По-видимому, с «воли» это слово перекочевало в гулаг.

Вслед за страшным 1933 г. наступил 1937 г., когда в «пищу пошли суррогаты: в муку добавляли головки от льносемян, жмых, дуранду, толченую лебеду, желуди, траву. Ели кошек, собак, трупы павших больных животных. Люди нищенствовали, пухли от голода, умирали». Как говорили рабочие: «Мы сидим без хлеба голодные, а управители наши сыты. Этих управителей теперь развелось, как вшей на загашнике – все они сидят на наших шеях и пьют рабочую кровь».[135]

В декабре 1939 г. вновь наступил голод. В магазинах исчезли хлеб и мука. Нагнетая военную напряженность, Сталин из-за отказа публично признать мизерность хлебных норм избегал вводить карточную систему. Между тем снабжение хлебом становилось все хуже и хуже. В декабре 1940 г. политбюро запретило продажу муки, а затем печеного хлеба в сельских районах. «В канун 1941 г. нарком внутторга Любимов поставил перед СНК вопрос о введении карточной системы на хлеб. Он просил узаконить то, что фактически уже существовало в стране».[136]

Многочисленные письма, поступавшие во внутторг, свидетельствовали о свирепствовавшем голоде. Например, январь 1949 г., Орджоникидзеград Орловской области. Нет вермишели, сахара, сыра и колбасы, а масла и мяса уже год нет. Нет и черного хлеба. Сталинград. Зима 39\40 г. Люди в 2 часа ночи занимают очереди за хлебом. В 5-6 часов утра в очереди 600-1000 чел. Всю зиму в магазинах Сталинграда не было мяса, капусты, картофеля, моркови, свеклы, лука и др. овощей, а также молока по госцене. Те семьи, где заработок 150-200 руб. при 5 едоках, не доедают, пухнут от голода.[137]

В бедственном положении находилась и деревня с ее примитивной технической базой. «В 1928 г., - пишет А. А. Барсов. – свыше 70% площадей под яровыми культурами засеивались вручную, около 45% всех зерновых убиралось

[135] Осокина Е. А. Иерархия потребления... С. 204.

[136] Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»... С. 215.

[137] Там же.

серпами и косами, более 40% всего урожая обмолачивалось цепами и валками. В деревне имелось 5 млн. деревянных сох».[138] Даже тем районам, где проводилась сплошная коллективизация, один трактор выделялся на 10-15 колхозов.[139]

В начале 30-х годов Сталин ограничивал потребление колхозников только тем, что они выращивали на приусадебных участках. У крестьян изымалась вся продукция, выращенная на общественных полях. В 1932 г. был издан закон о «5-ти колосках», согласно которому нарушители считались расхитителями общественной собственности. «Парикмахеров» (термин судивших их юристов) присуждали к лишению свободы на срок до 10 лет либо к смертной казни. Как писал журнал «Советская юстиция», только за неполных 5 месяцев по этому закону за присвоение нескольких огурцов, килограмма хлеба, пары яиц, кочана капусты было осуждено около 55 тыс. голодных колхозников и их детей. Из них свыше 2-х тыс. были приговорены к расстрелу.[140]

Полное изъятие продукции с общественных полей в конце концов привело к страшному голоду. В 1932-1933 гг. отмечены были случаи людоедства и трупоедства. Последовавшая отмена обязательных поставок мало что изменила. Приусадебный участок продолжал оставаться основным источником существования семьи колхозника, обеспечивая ему две трети дохода. Зерно выдавалось на трудодни из расчета в среднем 116 трудодней в год, на которые он получал в виде аванса лишь 10% зерна, установленных районным планом. Обычно на один трудодень начислялось 100-200 г. зерна и 3-4 коп.[141]

Нередки были случаи, когда колхозы не выплачивали колхозникам даже эти жалкие копейки. В 1940-м г. в целом по стране 12% колхозов не начисляли на трудодни никаких денег. По отдельным областям этот показатель был значительно

[138] Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 19.

[139] Иваницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 75.

[140] «Советская юстиция» 1934. № 2.

[141] Гвоздкова Л И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса. Кемерово, 1994. С. 93.

выше. Например, в Тамбовской области он составил 26%, в Рязанской – 41%.[142]

Получая мизерное вознаграждение за труд на общественных полях, колхозник не был заинтересован в результатах своего труда. Чтобы заставить трудиться, требовалось прикрепить колхозника к земле. Для этого его лишали паспорта, которого он не мог получить без разрешения колхозного правления. Таким образом, подобно городскому рабочему, он был пожизненно приписан к месту, где ему приходилось трудиться.

Не полежит сомнению, что труд на «воле» был подневольным трудом. Единственно чем он отличался от труда за колючей проволокой, было то, что в концлагерях был иной отсчет результатов проделанной работы. «Продуктивность» концентрационных лагерей, исчислялась показателем смертности от непосильного труда ускоренно сменявшегося контингента. Лозунг «Труд делает свободных» цинично украшал ворота сталинских концлагерей. Позднее его переняли гитлеровцы.

Официальная доктрина, озвученная Кагановичем, утверждала, что «социалистическое соревнование закладывает основы отмирания принудительного труда».[143] В концентрационных лагерях создавались «ударные бригады». Журнал «Советская юстиция» по этому поводу писал: «Лишенные свободы несут, распространяют, развивают социалистическое соревнование и ударничество».[144]

В «ударных» бригадах заключенных вынуждали в пятидесяти градусные морозы трудиться по 15 часов в день. Избиения и телесные пытки были нормой. Для уборки замученных присылались сани, на которых громоздились горы трупов. Казенной одежды не было: работали в своей, многие полуголыми. Сзади саней шли окровавленные, избитые заключенные. Некоторые из них, доведенные до отчаяния, отрубали себе кисти либо ступни ног, за что полагался расстрел.[145] Отсутствие элементарного жилья ускоряло их

[142] Там же. С. 147.

[143] Цит. по: Davies P. The Soviet Economy in Turmoil, 1929-1930. Cambridge, 1989.

[144] Советская юстиция. 1934. № 2. С. 20.

[145] Зайцев И. М. Соловки (коммунистическая каторга, или место пыток и смерти). Шанхай, 1931 С. 21-22. См. также Шаламов В. Новая книга ...

массовое убийство. «Спали, - пишет А. Солженицын, - в набитых до отказа временных бараках, а то в палатках, либо на снегу.»[146]

С 1929 г. лагерь стал называться не концентрационным, а исправительно-трудовым (ИТЛ). Его узников заставляли подолгу, через каждые 10 минут ложиться в снег, не поднимая головы. Заключенных регулярно принуждали подписываться на займы. Лишь тачки, кайла, лопаты и метла были орудиями труда. Землю носили в подолах рубах. Скудная еда вываливалась в шапки.[147]

Многочисленная охрана стоила дорого. Как говорили тогда колымчане, «двое с лопатами, пятеро с автоматами». Вместе с охраной заключенных беспощадно обирали блатные – так называемые «друзья народа». Комсомолка в то время писала: «выкорчевывание и истребление всех врагов народа и всего прогрессивного человечества является важнейшим принципом пролетарской морали и социалистического гуманизма»[148]

Принципы Гулага настойчиво внедрялись в запроволочную жизнь. Гулаговские нормативы на жилье, питание и одежду здесь стали правилом.[149] В 1932 г. основные издержки производства - зарплата, сырье и амортизация в себестоимости тяжелой промышленности составляли 43,5%, 37,4% и 6%. 43,5% составляло сырье, производившееся в концлагерях, 37,4% - потребительские расходы, 6% - амортизация.[150] К 1948 г. цены на средства производства выросли всего в 2 раза, тогда как на предметы личного потребления - в 30 раз.[151]

В надругательстве над личностью сталинские выкормыши соревновались с гитлеровскими, заимствуя опыт друг у друга. Пальма первенства, несомненно, принадлежала Сталину, который раньше Гитлера установил режим неограниченной власти. Гитлер охотно перенимал сталинский опыт. В 1934 г. в СССР прошел XVII съезд ВКП(б) – съезд победителей, уничтоживший большинство

[146] Гулаг в Карелии. Сборник документов и материалов. 1930-1941. Петрозаводск, 1992. С. 38.

[147] См. Шаламов В. Новая книга...

[148] Цит. по: Лебина Н. Б. Подневольная жизнь Советского города: нормы и аномалии. СПБ, 1996. С. 148.

[149] История сталинского Гулага. Конец 20-х – первая половина 1950-х годов. Массовые репрессии в СССР. Т. 1. М., 2004. С. 39.

[150] Prybyla J. S. Market and Plan Stanfor, 1987. P. 22.

[151] Там же.

его участников. В 1935 г. Гитлер провел свой съезд победителей, утвердивший расистские законы.

Крематорий в конце 20-х гг. впервые появился в Одессе для захоронения умерших естественной смертью. Во время войны немецкие фашисты использовали крематории для уничтожения миллионов. Но еще до войны в «Сухановке» появился свой крематорий для уничтожения приговоренных к смерти политических заключенных. Вне «Сухановки» сталинским палачам не нужно было сжигать бесчисленные трупы. Концлагеря находились на Севере, где убитые становились частью вечной мерзлоты.

«Танго смерти», так понравившееся Гиммлеру в Освенциме, имело своего предшественника в Колымских лагерях. Во время чтения списков приговоренных к расстрелу заключенные-музыканты при свете факелов играли туш до и после прочтения списка о расстреле очередной партии «врагов народа». Каждый список кончался одинаково: «Приговор приведен в исполнение. Начальник УСВИТЛ полковник Гаранин».[152]

Душегубки тоже наше отечественное изобретение. Для убийства заключенных душегубку применял И. Д. Берг – начальник оперативной группы по приведению в исполнение решений «тройки» УНКВД МО. В страшный 1937 г. в Москве за день приговаривали к казни до «2-х тыс. чел. Палачи не успевали по установленному порядку немедленно исполнять приговоры. Чтобы его не нарушать, многих смертников приканчивали в душегубках. На Лубянке их тела выгружали пьяные чекисты, присваивая в награду вещи убитых. Позднее в годы войны, оберштурмбанфюрер СС. Г. Раудер сконструировал свою душегубку – «газон-вагон», из которой тоже выгружались умерщвленные. Их вещи присваивали фашистские палачи.

Александр Долгун – бывший узник «Сухановки» - насчитал здесь 52 вида пыток. В их числе «подтравливание газом, горячие карцеры, «сухановская ласточка», когда длинное полотенце через рот со стороны спины привязывают к пяткам, и в таком мучительном положении оставляют суток на двое».[153] Перечислять все виды, подвиды и разновидности пыток, вплоть до посадки заключенного на морозе в бочку, наполненную

[152] Шаламов В. Преодоление зла. Избранное. М., 2003. С. 445.

[153] Воля. Журнал узников тоталитарных систем. М., 1994. № 2-3. С. 101,

водой, - неблагодарное занятие. В каждом концлагере были свои излюбленные истязания. Все они позднее широко практиковались немецкими фашистами.

Испытание ядов и бактериологического оружия на людях – тоже изобретение сталинских палачей. По свидетельству Фриновского, он имел указание Ежова испытывать яды на приговоренных к смертной казни.[154] Ему же была поставлена задача «выработать в лаборатории такие яды, которые были бы без привкуса, чтобы их можно было применять в вине, напитках и пище, не изменяя вкуса и цвета».[155]

Гитлеровские палачи многое переняли у своих сталинских коллег. В частности, Р. Флейсер, которого сослуживцы называли «коричневым Вышинским», хвастал, что во время суда над участниками антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. он применял те же методы, какие использовались в Москве на процессах 1937-1938 годов.

Обмен опытом был двусторонний. Принудительная стерилизация советских мужчин и женщин, по-видимому, была заимствована у фашистов, практиковавших ее в своих концлагерях. Отступавших с немцами женщин арестовывали, навешивали через грудь и спину черные ленты с белой надписью «За измену Родине и мужу». Для стерилизации их загоняли в концлагеря. Так же поступали с «власовками и теми, кто отбывал срок в лагерях.[156]

Уничтожать врагов народа была призвана многочисленная Красная Армия, создававшаяся Сталиным в обстановке военной истерии. Ее основу составляла безграмотная колхозная молодежь. Главной ударной силой считалась кавалерия. Постоянная смена комсостава облегчала Сталину выдвижение только ему угодных командиров. Главный военный совет представляли сослуживцы 1-й конной: Сталин, Ворошилов, Буденный, Кулик, Мехлис, Шапошников и Щаденко. В качестве политработников они были глазами и ушами Сталина, следившими за поведением армейских военноначальников.

[154] Там же. С. 97.

[155] Там же. С. 99.

[156] См. Бердянских В. История одного лагеря… С. 68.

В обстановке господствовавшего принудительного труда наша армия все больше отставала от ускоренно механизировавшихся армий ведущих мировых держав. Ведущим был лозунг: «Конь – не мотор, он требует ухода».[157] Накануне второй мировой войны Красная Армия практически не имела автоматов. На вооружении были модернизированные «трехлинейки» образца 1891 г., да и тех не хватало. Их дополняли пулеметы «Максим» с изобретенной еще батькой Махно тачанкой. Вместо радиосвязи - проводная связь времен гражданской войны. «В 1941 г. – пишет М. И. Семиряга, - на тысячу человек личного состава действующей армии приходилось винтовок – всего 463, орудий и минометов – 7,8, танков – 0,4 и самолетов – 0,7. Зато «в сухопутных войсках один политработник приходился на 213 чел., а в танковых – даже на 74 чел».[158]

Это не мешало Ворошилову заявлять в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), что Красная Армия «лучше, чем какая-либо другая армия, является «технически вооруженной и прекрасно обученной армией». По его словам, весь минутный залп советской артиллерии равнялся – 78932 кг. (Франция - 60981 кг., Германия – 59509 кг.). Однако, несомненно, одно: после такого минутного залпа армия осталась бы без снарядов. Что касается численности, то советская армия была действительно самой крупной в Европе. СССР имел свыше 2-х млн. личного состава, Германия и Италия – 1,515 млн., Англия и Франция – 1,289 млн.

Подневольный труд всегда порождает отвращение, желание работать как можно меньше. По оценке В. М. Курдова, прирост производительности труда в народном хозяйстве СССР в 1928-1950 гг. равнялся всего 34,4% или 1,4% в год[159]. В конце 20-х гг. затраты на военное производство составляли 9-10% годового дохода, к концу 30-х гг. около 30%.[160] Однако результат был плачевный.

---

[157] Емельянов В. В военном воздухе суровом. М., 1976. С. 102.

[158] Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны М., 2000. С. 454-455. Семиряга Михаил Иванович последние годы работал в Институте сравнительной политологии РАН. Его работы до сих пор и, по-видимому, еще долго будут представлять большую научную ценность.

[159] Кудров В. М. Об альтернативных оценках производительности труда в СССР// Экономическая история. Ежегодник 2003. М., 2004. С. 63.

[160] Мухин М. Ю. Реформы управления военной промышленностью СССР и темпы роста производства в 1936-1941 гг. //Экономическая история... С. 144.

“К 1938 г., - пишет Н. Симонов, - образцы бронетанковой техники, серийно выпускавшейся в СССР в 1928-1935 гг., практически выработали свой ресурс... Запчасти отсутствовали, ремонт производился путем разукомплектования одних танков для восстановления других... Танки просто валялись на территориях воинских частей с неисправными двигателями и трансмиссией »[161] Наши самолеты уступали немецким. Подавляющее большинство их были полотняными, либо фанерными, лишенными брони. За исключением несерийных, экспериментальных образцов они уступали европейским.

В 1937-1940 гг., когда в Европе уже бушевала вторая мировая война, - пишет Дж. Боффа, - «в СССР выпуск металлургической продукции сохранялся почти на одном и том же уровне, а в 1939 г. даже уменьшился... Производство цемента, необходимого для возведения намеченных оборонительных сооружений на границе, претерпело сокращение».[162] Зато развал оборонной промышленности давал возможность выявлять врагов народа, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже, связях с фашистскими разведками.

Пропагандистские заявления, осуждавшие фашизм, камуфлировали связи СССР с фашистскими режимами в Германии и Италии. Завещанный Лениным Раппальский договор открыл дорогу к военному сотрудничеству с этими государствами. По письму Л. Красина от 27 мая 1922 г. была создана «особая группа», изучавшая возможности сотрудничества рейхсвера с РККА. О том, как в 20-х гг. развивались отношения между ними, свидетельствует докладная записка начальника IV управления Я. Берзина (Кьюзиса).

Если по договорам 1923 г. немецкие военные безуспешно пытались поставлять в Россию авиацию и иприт (им препятствовали социал-демократы), то, начиная с 1925 г., комсостав обеих стран добивался создания единых оперативных планов. С этой целью проводились совместные маневры, осуществлялись полевые поездки, читались академические курсы. С этой же целью по инициативе Сталина

---

[161] Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1966. С. 102.

[162] Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. ... С. 563.

в России ставились совместные опыты по созданию отравляющих веществ (предприятие «Томка»); была организована общая танковая школа в Казани («Кама») и такая же авиационная школа в Липецке («Липецк»). Против Польши велась совместная разведка. Комсостав Красной Армии изучал польский язык.[163]

Итогом совместного сотрудничества стала подготовка к грядущей войне ведущих военноначальников фашистской Германии Моделя, Горна, Крузе, Браухича, Кейтля, Манштейна, Кремера, Гудериана и других. Здесь же боевую подготовку прошли 120-130 военных пилотов, ставших позднее асами фашистского военного флота.

Препятствовавших советско-германскому военному сотрудничеству социал-демократов с подачи Сталина стали называть социал-фашистами, объявив их главными врагами всемирного перехода к большевистскому коммунизму. Наиболее злобные пассажи в адрес социал-демократов по указанию Сталина формулировал Д. Мануильский в июле 1929 г. В его докладе под названием «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. К X Пленуму Исполкома Коминтерна» подчеркивалось, что грядущая борьба будет кровавыми боями не только с буржуазией, но и социал-демократией... Для этого необходимо переходить в самое бешеное наступление против нее».[164]

Дальше больше. 1-го апреля 1933 г. демократия, парламентаризм, существование политических партий объявлялись «устаревшими институтами буржуазной демократии». В связи с этим указывалось, что приход Гитлера к власти ускорит в Германии совершение большевистского переворота.[165] Под большевистским переворотом понималось возникновение в Германии коммунистического режима, призванного уничтожить рынок.

Мы не располагаем сведениями о сотрудничестве коммунистов с фашистами в период упадка гитлеровского движения. Однако, несомненно, что по указанию Коминтерна руководство компартии продолжало форсировать это

[163] Цит по: Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 62-63, 251.

[164] См. Доклад Мануильского Д. Граспи. Ф. 495. Оп. 168. Д. 19. Л. 8, 16, 23.

[165] Коминтерн против фашизма и войны. Документы. М., 1999. С. 118.

сотрудничество. В частности, первого мая 1929 г. красные фронтовики вместе с коричневыми штурмовиками пытались совершить кровавый путч в Берлине, чтобы свергнуть прусское правительство, возглавлявшееся социал-демократами. Социал-демократы действовали решительно. 32 путчиста были убиты и умерли от ран. 150 ранены. Остальные путчисты – коммунисты и фашисты – в панике разбежались. Союзы красных фронтовиков и коричневых штурмовиков были запрещены. Комментируя происшедшее, социал-демократы заявили: «Коммунисты заставляют своих членов присягать Советской России и тешат обещаниями будущих благ, в то время как они, социал-демократы, стоят за строительство германской республики, за германское отечество».[166] Обещания будущих благ сулили как коммунисты, так и фашисты.

В августе 1931 г. по настоянию ИККИ (вопреки постановлению тельмановского руководства) немецкая компартия поддержала затеянный фашистами референдум с целью отстранения от власти прусского правительства, которое возглавлял лидер социал-демократической партии Германии О. Бауер. Как известно, этот референдум, стал одним из ключевых этапов прихода Гитлера к власти.

В совместных выступлениях коммунистов и фашистов не было ничего противоестественного. И те и другие были выразителями интересов деклассированных масс. Фашисты представляли преимущественно город, коммунисты главным образом деревню. Примитивные требования большевиков ничего не могли дать Европе, где уже давно сложились развитые рыночные отношения. Их установки как и в годы военного коммунизма продолжали зиждиться на ликвидации этих отношений. Они требовали «конфискации земли и инвентаря; передачи их безземельному пролетариату и малоимущему крестьянству».[167]

Сталин спал и видел себя во главе международного союза советских республик. На заседании X пленума ИККИ Д. Мануильский по его указанию говорил: «Противоречия класса

[166] Цит. по: VI Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Международное положение и задачи Коминтерна. Выпуск 1. М.-Л., 1929. С. 158.

[167] Важнейшие решения 4-го Конгресса Коммунистического интернационала. (Материалы для докладов на партсобраниях в войсках ПВО в декабре и январе 1922-23 года. Пг., 1922. С. 13, 16, 21.

доведены до небывалой в прошлом остроты, но они пока накапливаются, чтобы вылиться в такие бурные формы, перед которыми побледнеет гражданская война в СССР».[168] Эту же мысль подтвердил в 1935 г и VII конгресс Коминтерна. В его документах было, в частности, записано, что «интересы укрепления СССР, усиления его могущества... обуславливают и способствуют торжеству мировой пролетарской революции, победе социализма во всем мире».[169]

Вся предвоенная политика была подчинена реализации этих сталинских идей. Первым объектом сталинской агрессии стала многострадальная Польша. На ее разделе одновременно настаивали Сталин и Гитлер. 30-го мая 1939 г. немцы предложили заключить советско-германский договор. Предложение с готовностью было принято. Его итогом стал тайный пакт 23-го августа1939 г. о разделе Польши. Взаимным условием было невмешательство в государственные дела друг друга. 31-го августа 1939 г. тайное стало явным. Пакт одновременно ратифицировали Верховный Совет СССР и Рейхстаг Германии.

Сегодня мы осуждаем тех, кто в свое время сотрудничал с фашистами. Но при этом нельзя забывать, что такое сотрудничество было доведено Сталиным до правительственного уровня в ходе подготовки соглашения с Гитлером о совместной агрессии против народов Восточной Европы. Поэтому те, кто добивался возрождения своих государств, зачастую не могли не учитывать привнесенные оккупантами реалии, вынуждавшие лавировать между фашистами и коммунистами.

Первого сентября 1939 г. гитлеровская моторизованная армада без объявления войны вторглась на территорию Польши. Помощь фашистам негласно оказывала радиостанция в Минске, помогая фашистским самолетам разрушать польские города. Через неделю польское государство перестало существовать. 18 сентября 1939 г. была опубликована нота правительства СССР. В ней сообщалось, что "Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать

[168] Стенограмма 2-го заседания X Пленума Исполкома Коминтерна. Доклад Мануильского... Граспи Ф. 495. Оп. 168. Д. 79. Л. 13.

[169] Резолюция по докладу т. Мануильского, принятая VII конгрессом Коминтерна 20 августа 1935 г. //ВКП(б) в резолюциях... Ч. II. С. 685.

приказ перейти границу и взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии".[170] Еще до капитуляции Варшавы в Гродно, Бресте, Пинске и в ряде других городов состоялись совместные парады фашистских и советских войск, демонстрировавшие миру единство сталинского и гитлеровского правительств. В частности, в Бресте парад принимали генерал Гудериан и комбриг С. М. Кривошеин.

На основе распоряжения советского правительства в соответствие с договоренностью с германскими фашистами началась оккупация Красной Армией Восточной Польши и Прибалтики, а так же Бессарабии и Северной Буковины. Германия присвоила себе Западную Польшу вместе с Варшавой. Согласно замыслам Гитлера Западная Польша должна была быть заселенной немцами. Выступая 22 августа 1939 г, он заявил: «Я приказал им – отрядам Мертвая голова – убивать без милосердия и жалости мужчин, женщин и детей польского происхождения.[171] Польша обезлюдеет и будет колонизована немцами».

Аналогичную задачу решал Сталин в отношении Восточной Польши, подвергая ее население принудительному обрусению. С оккупацией Красной Армией владельцы хозяйственных заведений Восточной Польши объявлялись врагами народа. Во имя «пролетарской морали и социалистического гуманизма» врагов народа расстреливали, выселяли в концентрационные лагеря либо в спецпоселения необжитых районов СССР.

«В Восточной Польше, - пишет Р. Такер, - казни начались в первые дни оккупации и продолжались в 1939-1940 гг. В Сибирь было депортировано примерно 1200 тыс. чел. Подсчитано, что к концу лета 1941 г. около четверти депортированных умерли в ссылке и концентрационных лагерях. Подсчитано также, что в июне-июле 1941 г. при эвакуации заключенных из Западной Украины и Западной Белоруссии (названия советских оккупантов территории Восточной Польши) НКВД расстреляло до 100 тыс. чел.»[172]. Хотя репрессии проводились тайно, о них знала вся Польша.

[170] Нота правительства СССР//Известия 18 сентября 1939 г.

[171] Великие . ТРЕТИЙ РЕЙХ. Тайны, загадки, секреты. М., 2005. С. 280.

[172] Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928-1941. М., 1997. С. 556.

В борьбе за национальную независимость польские патриоты боролись с теми, кто оккупировал их прекрасную родину – фашистами и коммунистами. В ходе этой борьбы погибло 6028 тыс. поляков, или, иначе говоря, на польской земле в годы оккупации ежедневно погибало 2900 чел. [173]

После изгнания фашистов национально-освободительная борьба продолжалась. Сталинские оккупанты стремились увековечить свое господство на территории всей Польши. Конфискованные у поляков и немцев хозяйства национализировались. «На всех территориях, - пишет Р. Такер, - была проведена насильственная революция «сверху», сопровождавшаяся национализацией банков и заводов, конфискацией помещичьих земель, коллективизацией сельского хозяйства». [174] В ходе «революции» множилось число тех, кто, выступая против оккупантов, объявлялся врагами народа.

Политика принудительной русификации не имела успеха. Поляки отказывались учить русский язык не из-за предубежденности против него, а потому, что его изучение навязывали оккупанты. Типичным примером может служить положение в школах. Школьники отказывались распевать навязанные им официальные советские песни. Зато дружно пели песню Высоцкого со словами: «Варшавское восстание кровило, захлебываясь в собственной крови».

Аналогичная ситуация сложилась и в государствах Прибалтики. Население Эстонии составляло тогда 1,1 млн. чел., Латвии - 2 млн., Литвы - 2, 4 млн. До оккупации население республик не знало дефицита потребительских товаров, в изобилии производившихся на их предприятиях. Не знали они и массовых политических репрессий. В 1940 г. в Латвии было всего 200 политических заключенных, в Эстонии - 100. Печать пользовалась абсолютной свободой.

С вводом советских войск в Прибалтику началась ее унификация с порядками, существовавшими в СССР. Выборочные расстрелы и аресты в армии, полиции и в аппарате государственной власти с присоединением к Советскому Союзу стали массовыми. Экономическое положение населения резко ухудшилось.

---

[173] Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000. С. 583.

[174] Там же.

Осенью 1940 г. денежные знаки республик сменил советский рубль с низкими советскими заработками и высокими потребительскими ценами. Одновременно национализировались все частные заведения. Начались забастовки с последовавшими репрессиями против "врагов народа". Чуть позже, в начале 1941 г. оккупанты обязали сельское население сдавать продукцию по ценам ниже стоимости продукции крестьянского двора.

Между тем сопротивление населения оккупационным порядкам нарастало. Прибалты отказывались добровольно идти на заклание сталинским палачам. В июне 1940г. были осуждены политические лидеры, правительственные чиновники, армейские офицеры. Многих из них казнили, остальных в вагонах для скота угоняли в концлагеря и спецпоселения за пределы республики.

Спасаясь от репрессий, мужчины с женщинами и детьми бежали в леса, где их выискивали отряды чекистов, получавшие премии и ордена. Задержанные подлежали расстрелам и работам в российских концлагерях. В июне 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановления о выселении "контрреволюционных элементов". По указанию Берии, по всем прибалтийским республикам 14 июня прокатилась волна арестов и депортаций. Все, кто мог, спасаясь от арестов, скрывались в лесах. "В справке органов госбезопасности утверждалось, пишет М. И. Семиряга, - что всего было переселено 49331 литовец (так на чекистском жаргоне тех лет именовались все народы Прибалтики). Из них прошли переучет в 1948-1949 гг. 44814 чел. Остальные умерли". [175] Только в Эстонии в ночь на 14 июня 1941 г. НКВД депортировало в Сибирь более 10 тыс. чел. 80% из них были старики, женщины и дети.

Скрывавшиеся в лесах эстонцы, латыши, литовцы оказали поддержку гитлеровцам, избавлявших их от козней сталинистов. На пути отхода советских войск совершались убийства сторонников советской власти и диверсии. В первой половине октября на сторону фашистов перешло 2 тыс. эстонцев, более 5 тыс. латышей и свыше 10 тыс. литовцев. На базе созданных ими батальонов возникли легионы СС, проводившие карательные акции против евреев и коммунистов.

---

[175] Семиряга М. И.Тайны сталинской дипломатии... С. 226.

В поддержке гитлеровцев они видели залог грядущей независимости своих стран. Иллюзии подпитывались признанием фашистами законности партий, запрещенных советскими оккупантами в 1940 г. Но гитлеровские оккупанты, как и советские, выступали против независимости балтийских республик. Чтобы сломить сопротивление патриотов, фашисты запретили все антигитлеровские организации, в связи с чем борцы за национальную независимость, надеясь на помощь Англии, вновь ушли в леса.

Началась, по точному определению М. И. Семаги, гражданская война между теми, кто добивался национального освобождения своей родины и теми, кто так или иначе поддерживал оккупантов. По данным комиссии 1989 г., созданной при академии наук ЭССР, за время советской оккупации Эстония при населении 1,1 млн. чел. утратила более 200 тыс. чел. Они были казнены, погибли в ходе депортации, а также мигрировали в другие страны.

Еще более сложно протекал процесс возрождения украинской государственности в период деления ее территории на Восточную и Западную. В Советском Союзе украинский народ страдал от террора, порожденного государственным принуждением и насильственным обрусением. В Восточной Украине в 1929-1933 г., - пишет М. И. Семиряга, - "развернулось невиданное даже при царизме гонение на украинскую церковь, культуру и ее представителей, подавлялся родной язык".[176] В свою очередь в Польше украинское население также подвергалось террору и насильственному ополячиванию.

После включения Западной Украины в состав Украинской ССР (8 млн. жителей: из них украинцев 4651 тыс., поляков 2430 тыс., евреев 572 тыс.) началась ликвидация частных заведений, в деревне создавались колхозы с сопутствующим подневольным трудом и насильственным обрусением.

В отличие от Восточной Украины, где не было организованного сопротивления сталинским палачам (оно в зародыше жестоко подавлялось), на территории Западной Украины при поддержке гитлеровцев существовала обширная организация украинских националистов (ОУН). Пресекая

[176] Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000. С. 104.

ополячивание, организация стремилась создать независимое украинское государство.

В 1933 г. ее возглавил Бендера, организовавший убийство министра внутренних дел Польши Перецкого – создателя для украинцев концлагерей. В апреле 1941 г. в Кракове нелегально прошел II-й Большой конгресс ОУН. Помимо решений о демократическом устройстве будущего украинского государства, конгресс постановил считать "идеологии фашизма и московского большевизма" чуждыми украинской духовности. Целью своей борьбы ОУН объявил процветание украинского народа и освобождение "порабощенных Москвой народов".

Как только гитлеровцы 21 июня 1941 г. вступили на территорию Западной Украины, ОУН оказал активную помощь вермахту в расчете на создание собственного государства. Но Гитлер был против. Как и в Прибалтике, борьба против оккупантов начиналась с поддержки гитлеровских орд, перераставшей в одновременную борьбу против фашистов и коммунистов.

В начале июля 1941 г. за попытки без согласия фашистов сформировать украинское правительство Бендера и его соратники были арестованы. 15 из них были расстреляны. Самому Бендере удалось бежать из тюрьмы. В 1941 – 1944 гг. он был схвачен фашистами и заключен в немецкий концлагерь. Еще до этого советскими палачами был убит отец Бендеры, а две его сестры высланы в Сибирь. В свою очередь немцы в 1941 г. расстреляли двух его братьев.

К 1942 г. закончился подготовительный период создания нелегальной повстанческой армии (УПА) для вооруженной борьбы с фашистами. Начало года ознаменовалось первыми вооруженными столкновениями с гитлеровцами. Осенью они стали повсеместными. Как и в Прибалтике, украинцы раскололись на два непримиримых лагеря: на тех, кто сражался в рядах СС, уничтожая евреев, и тех, кто поддерживал армию ОУН. По всей Украине полыхала гражданская война. По некоторым оценкам, в борьбе с фашистами и коммунистами в течение 12 лет участвовали не менее 700 тыс. чел.[177] Если учитывать, что каждого повстанца и подпольщика кормили и содержали как минимум 4-5 чел. то "общая численность борцов против оккупантов исчислялась более трех млн. чел. Борьба с

[177] Ткаченко С. Повстанческая армия: тактика борьбы. Минск Москва. 2000. С. 18.

фашистами и коммунистами была подлинно всенародной ".[178] В ней участвовали не только жители Западной, но и Восточной Украины. Наряду с ними украинцы имели поддержку узбеков, грузин и армян, кубанских казаков, азербайджанцев и др. Выходцы с Востока были не только рядовыми, но и руководителями. В 1944 г. насчитывалось 15 национальных формирований. Австрийцы, бельгийцы французы, немцы, югославы и русские своих формирований не создавали. Они входили в отряды поодиночке.[179]

Лишь с конца 1942 г. в Западной Украине появились засланные Москвой партизаны. Как справедливо подчеркивал А. Кузнецов, "Священная" война против Гитлера была всего лишь душераздирающей борьбой за право сидеть в своем собственном концлагере, питая надежды расширить его на весь мир".[180] В условиях чудовищного неравенства вооруженных сил УПА лавировала между отрядами гитлеровцев и сталинскими партизанами, тактически блокируясь то с теми, то с другими.

После изгнания фашистов УПА возглавила вооруженную борьбу с целью создания независимого украинского государства. В воззвании по поводу капитуляции гитлеровской Германии были четко сформулированы основные задачи повстанческого движения, под которыми готов был подписаться любой украинский патриот. В воззвании говорилось, что украинское освободительное движение направлено как против сталинского режима, так и против гитлеровской новой Европы; движение «выступало за образование Украинского государства без помещиков и капиталистов, без большевистских комиссаров, энкаведистов и партийных паразитов, за ликвидацию большевистских колхозов и немецких общественных хозяйств, за передачу всей земли крестьянам без выкупа, за свободу печати, мысли, веры и мировоззрения, против официальных догм и доктрин». В заключении указывалось, что «УПА борется за равенство всех граждан Украины и равноправие всех национальных меньшинств, за их собственную по форме и содержанию национальную культуру».

---

[178] Там же.

[179] Там же. С. 43.

[180] См. Кузнецов А. Бабий яр. М., 2005. С. 135.

Эти требования выражали сокровенные чаяния подавляющего большинства украинцев. На территории Западной Украины борьба носила вооруженный характер. Возглавлял ее Бендера. В течение многих лет после изгнания фашистов земля горела под ногами сталинистов, устанавливавших режим жесточайшего террора. За период с 1944 г. по 1951 г. было депортировано 700 тыс. чел. В 1959 г. Бендера был подло убит советским чекистом Б. Сташинским.

В Союзе Сталина с Гитлером Германии отводилась основная роль в уничтожении армии подлежавшей оккупации страны. После падения польского государства Сталин добивался от Гитлера согласия на продолжение совместной агрессивной политики. В связи с этим начались переговоры о вступлении СССР в антикоминтерновский пакт с целью раздела мира между Советским Союзом и фашистскими странами.

Громадная историческая заслуга в розыске подлинных документов, обусловленных переговорами Сталина с Гитлером, принадлежит Л. Безыменскому. Результаты его поисков были опубликованы еще в 2000 г.[181], но до сих пор у нас стараются их не замечать, хотя за пределами СССР об этих переговорах уже давно знали.

Как известно, по распоряжению Сталина, Молотов10 ноября 1940 г. прибыл в Берлин в сопровождении 65 ведущих сотрудников министерства иностранных дел СССР и руководителей чекистских служб. При себе он имел сталинскую записку по поводу реализации плана создания "Великого Восточно-Азиатского пространства", его границ с новой Европой; характера государственной структуры и отношений отдельных европейских государств в Новой Европе и в "Великом Азиатском пространстве". В записке намечались этапы и сроки осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к пакту; место СССР в этих планах в будущем и в данный момент. В записке указывалось, что в переговорах следует добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены а) Финляндия; б) Дунай. По расчетам Сталина Красная Армия должна была вступить на территорию Балканских государств.

Относительно Турции Сталин писал Димитрову 25 ноября 1940 г.: «Мы турок выгоним в Азию. Какая это Турция? Там два

---

[181] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой

миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т. д. Турок только 6-7 миллионов». Для Японии у Сталина был приготовлен «подарок» - согласие на включение Индонезии в японскую сферу влияния и сохранение за Японией Маньчжоу-го.[182]

13 ноября Риббентроп вручил Молотову "черновые наброски" будущего соглашения о присоединении СССР к антикоминтерновскому тройственному пакту. Дальнейшие переговоры должны были быть продолжены в Москве. Тщательно скрывая свои подлинные планы, Гитлер заверял Сталина в том, что его первоочередной задачей является нападение на Англию.

К этому времени Сталин с его намерениями установить свое господство в Европе и на Ближнем Востоке уже давно превратился из союзника в конкурента Гитлера. 30 июня 1940 г., спустя неделю после капитуляции Франции, в недрах немецкого генштаба началась разработка плана "Барбаросса", ставившего целью истребление русского народа и превращение оставшихся в живых в рабов немецких поселенцев.

[182] См. Безыменский Л. Гитлер И Сталин перед схваткой... С. 355.

КРИЗИС СТАЛИНСКИХ МЕТОДОВ ПРИНУЖДЕНИЯ К ТРУДУ

К концу войны система государственного принуждения к труду окончательно исчерпала себя: деревня не могла обеспечить голодающий город дешевым хлебом, численность работоспособных сократилась настолько, что их дальнейшее хищническое истребление при таком принуждении стало невозможным. Отмиравшую систему принудительного труда на какое-то время спасала лишь возможность эксплуатировать государства Центральной и Юго-Восточной Европы, оккупированные Красной Армией. Сталинисты называли их странами народной демократии, объявляя их частью мировой социалистической системы, возглавляемой СССР.[183]

После войны число жителей оккупированных Красной Армией европейских стран составляло 117,818 тыс. чел.[184] Задачей Сталина было украсить это население смертным одром намеченных им мертвецов. Однако при этом не учитывалось, что указанные страны имели развитые рыночные отношения, подразумевавшие существование добровольного труда и высокого уровня личного потребления. Их население отличалось от того, с которым ему приходилось иметь дело в Советском Союзе. Сопротивление здесь внедрению принудительного труда, в конечном счете, было непреодолимым.

Наиболее развитыми были страны Центральной Европы - Польша, ГДР, Венгрия и Чехословакия. Здесь практически не было деклассированного населения. Господствовал добровольный труд. Население поголовно умело читать и писать, имея за плечами всеобщее 8-10-летнее среднее образование, дополненное обучением в сельскохозяйственных либо профессиональных школах. Оно легко ориентировалось в

[183] См. Мировая социалистическая система хозяйства Т. 1. Становление мировой социалистической системы хозяйства. М., 1966.

[184] Сигма подсчитана по данным, опубликованным во втором издании Большой советской энциклопедии и в Советской исторической энциклопедии.

партийном многоголосье. Демократические решения проблем были издавна привычными. На почве неприятия установленных оккупантами властных структур (национальных по форме, советских по содержанию) здесь периодически возникали национальные кризисы, усиленные протестами против беспардонного изъятия материальных благ.

Другое дело отсталые страны Юго-Восточной Европы - Румыния, Болгария, Югославия и Албания, где немалая часть крестьян была задавлена торгово-ростовщической кабалой, как это было в России в конце XIX века. Однако в отличие от России большинство населения было грамотным, принимало участие в многопартийных выборах. Хотя нации возглавляли короли, они были конституционными монархами, не имевшими самодержавных прав.

Приход к власти коммунистов здесь во многом происходил по сценарию, предсказанному еще Энгельсом в работе "Социальный вопрос в России". Вторжение Красной Армией побуждало правительства рассматриваемых стран в спешном порядке лишать власти королей и их потомков, распускать старую армию, чтобы на ее месте могла возникнуть новая, подчиненная ставленникам коммунистов, до этого занимавшихся аграрным бандитизмом. Последние, опираясь на поддержку Красной Армии и ее карательных органов, приходили к власти, проводя репрессии против участвовавших в борьбе с фашистами социал-демократов - приверженцев принципов 2-го Интернационала. Малейшие отступления от требований СССР жестоко пресекались. Народные выступления против коммунистических властей здесь возникали только в годы падения сталинского режима в СССР

Первой в борьбу с советскими оккупантами вступила многострадальная Польша. Агрессивные поползновения СССР против нее проявились еще до второй мировой войны. В 1925 г. в составе Украины был выделен польский автономный район имени Юлиана Мархлевского. Другой автономный район имени Феликса Дзержинского появился в 1932 г. Оба района представляли в составе СССР советскую Польшу с перспективой расширения ее границ.[185]

[185] Пачковский А., Бартошек К. Восточная Европа - жертва коммунизма//Черная книга коммунизма... С. 350.

Ближайшим этапом ее расширения стала оккупация Красной Армией польского государства совместно с войсками фашистской Германией. Чтобы сломить сопротивление поляков Москвой были использованы армейские части численностью свыше 466 тыс. чел.

Взращенные Коминтерном коммунисты подвергались многочисленным репрессиям. Наибольшие потери понесли компартии Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии и Югославии,[186] т.е. тех государств, над которыми нависла угроза утраты национальной независимости. Еще в 1938 г. решением исполкома Коминтерна польская компартия была распущена, а большинство ее руководителей тайно убито.

После оккупации Польши советскими и гитлеровскими войсками "на ее территории сохранились лишь разрозненные группы коммунистов и комсомольцев, не связанных между собой ни общей программой, ни единством действий".[187] Попытки объединить эти группы в целях возрождения польского государства жестоко преследовались сталинскими и фашистскими службами безопасности.[188] Для Сталина все боровшиеся с фашистами были врагами, добивавшимися возрождения польского государства. По его указанию с конца 1939 г. по июнь 1940 г. было передано гестапо примерно 500 немецких и австрийских коммунистов, эмигрировавших в свое время в СССР по призыву Коминтерна.[189]

На территории, оккупированной Красной Армией, свирепствовал жесточайший террор. На основе решений политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома арестовывались "представители бывшей польской администрации, военные и политические деятели, фабриканты и помещики, офицеры

[186] Линдер И., Чуркин С. Красная паутина. Тайны Разведки Коминтерна. 1919-1943. М., 2005. С.619.

[187] Алексеев В. М. Варшавское восстание. Варшава в борьбе против гитлеровских захватчиков. 1939-1945. СПБ, 1999. С. 29.

[188] Яжборовская И. С. Советско-польские партийно-государственные отношения в 40-е годы XX века.//Польша - СССР 1945-1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005. С. 190.

[189] Линдер И. Чуркин С. Красная паутина...С. 629.

Войска Польского, сотрудники спецслужб, полицейские, жандармы, пограничная и лесная стража и т. н. "осадники".[190]

Целью террора было запугать поляков, чтобы они из-под палки трудились на советскую власть. Для этого поляков лишали собственности, опираясь на насилие, создавали колхозы, преследовали католическое духовенство. Сходную систему принудительного труда вводили и немецкие фашисты. Они конфисковали у поляков и евреев лучшие заведения, обложили крестьянские хозяйства "контингентами" (обязательными поставками), ввели принудительную трудовую повинность. Уклонение от нее в виде невыхода на работу, занятий нелегальным предпринимательством карались ссылкой в Освенцим.

Не менее жестоким был и советский террор. По данным ЦА ФСБ РФ, на август 1941 г. "числилось 391575 арестованных, осужденных и заключенных в лагерях, высланных, военнопленных и интернированных польских граждан".[191] В местах пребывания их принуждали к изнурительному труду в условиях невыносимого мороза и иссушающей жары. Трудовой повинности подвергались все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины до 55 лет. А ведь высылались еще дети и старики, обреченные на смерть от голода и болезней.

С нападением фашистской Германии на Советский Союз вооруженная борьба осевшего в Лондоне польского правительства разделилась на два фронта. На территории Польши ее возглавила Армия Крайова во главе с генералом Сикорским, на Севере Африки - армия генерала Андерса. И тому и другому пришлось противостоять не только гитлеровцам, но и Красной Армии. Ее борьба с фашистами была подчинена задаче уничтожения Армии Крайовой (АК) и обеспечению прихода к власти послушных Кремлю коммунистов. В 1944 г. по указанию Сталина подразделения Красной Армии разоружали части АК, а затем на Волыни, в Вильнюсе, Львове арестовывали служивших в них поляков. Многие тысячи арестованных помещали в тюрьмы вместе с немецкими военнопленными.

В августе 1944 г., когда АК подняла восстание в Варшаве, Сталин приостановил наступление на Висле,

[190] Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г. Варшава-Москва, 2003. С. 24.

[191] Там же С. 372.

предоставив возможность немцам уничтожать польскую столицу. Пока в течение 63-х дней (с первого августа по 5 октября 1944 г.) гитлеровцы сравнивали Варшаву с землей, Красная Армия и созданное ею Объединение Войска польского бездействовали. Более того, командование Объединения Войска польского потребовало роспуска всех остальных вооруженных сил на территории страны и, прежде всего, роспуска АК. Из фондов Красной Армии Объединение получило 700 тыс. винтовок и автоматов, 3,5 тыс. орудий, более тысячи танков, самолеты и т. д.[192] К тому же в "рядах Объединения "находилось около 20 тыс. советских генералов и офицеров, более 13 тыс. младших командиров и рядовых - специалистов технических войск".[193]

Как только восстание АК было подавлено немцами, разрушившими Варшаву (погибло почти 200 тыс. повстанцев и жителей столицы)[194] и изгнавшими ее население, Красная Армия вместе с Объединением Войска польского возобновила наступление за обладание столицей, усиливая репрессии против сторонников АК и лондонского правительства. В феврале 1945 г. на территории Польши были арестованы 16 представителей польского правительства. Их судили в Москве, приговаривая до 10 лет тюремного заключения. Командующий АК Л. Окулицкий в декабре 1946 г. скончался в тюрьме.

Как известно, высокую оценку восстания дал В. Путин, указав, что "восстание, героическая борьба польских патриотов в годы Второй мировой войны стали важным вкладом в нашу общую победу". Но специалисты из РАН обычно стараются эту оценку не замечать, ссылаясь "на поощрение такой трактовки агрессивными кругами Запада".[195]

Борьба за национальную независимость Польши продолжалась и после того, как коммунисты захватили власть. Только за время боев 1945-1948 гг. было убито 8700 поляков, не

[192] Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма. Тезисы докладов и научных сообщений. Харьков, 1985. С. 17.

[193] Там же.

[194] Ю. Иванов - Чрезвычайный полномочный посланник "О Варшавском восстании//Международная жизнь... № 9 . 2004. С.148.

[195] См. Козырев Г. И. Механизм и способ формирования "враг" и "образ врага"//СОЦИС № 1 . 2008 г. С. 37.

считая многих тысяч арестованных и подвергавшихся пыткам в тюремных камерах.[196]

В Польше противостояние коммунистов и борцов за национальную независимость, произошло раньше, чем в других странах, оккупированных Красной Армией, где без учета мелких подпольных групп она была единственной силой, избавлявшей от гнета фашистских захватчиков. Это обстоятельство облегчало приход к власти коммунистов. Однако, как только они начинали свертывать рыночные отношения, насаждая государственные повинности, сразу же возникали массовые протесты.

Коммунисты оккупированных стран безуспешно пытались повторить те же аграрные преобразования, которые Сталин проделал в СССР, создавая советскую армию принудительного труда. Обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов по ценам ниже рыночных были введены в 1945-1946 гг. в Албании, ГДР, Чехословакии, Югославии, в 1947-1948 гг. - в Болгарии, Венгрии и т. д. "Первоначально размер обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов определялся по нормам с каждой единицы площади посевов и поголовья скота. Позднее нормы обязательных поставок стали устанавливаться ко всей земельной площади",[197] включая невозделываемые угодья.

Старательно копируя советский опыт, коммунисты стран народной демократии не считались с тем, что в период коллективизации рыночные отношения в советской деревне были неизмеримо меньше развиты, чем в деревне стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Создававшиеся у нас колхозы в принудительном порядке изолировались от рынка. Произведенная на общественных полях продукция в обязательном порядке поступала в распоряжение государства по ценам в 10-12 раз ниже рыночных. Эти цены зачастую едва покрывали 20% издержек производства.[198] Другим источником взимания за бесценок колхозной продукции были поступления ее по договорам с МТС.

---

[196] Пачковский А., Бартошек К. Восточная Европа - жертва коммунизма//Черная книга коммунизма... С. 355.

[197] Мировая социалистическая система хозяйства... С. 233, 234.

[198] Верт Н. История советского государства. М., 1994. С. 215.

Что касается колхозников, то они существовали за счет огородов на своих крохотных приусадебных участках, обеспечивавших им две трети дохода. Остальное приходилось на трудодни из расчета в среднем 116 трудодней. В начале 30-х гг. на один трудодень приходилось обычно 3-4 копейки и 100-200 грамм зерна. Даже в 1940 г. в целом по стране 12% колхозов не начисляли денег колхозникам на трудодни. Но по отдельным областям показатель неначисления мог быть значительно выше. Например, в Тамбовской области он составил 26%, в Рязанской - 41%.[199]

Такие же порядки пытались установить и коммунисты в государствах народной демократии. Беднейшим крестьянам предоставлялись кредиты для расширения своих хозяйств в случае прирезки государственной земли, либо частично изъятой у кулаков. Помимо этого предоставлялись на 2 года льготы по сельхозналогу, и снижались на 20% госпоставки.[200] Но эти меры не становились предпосылками образования колхозов. Они давали противоположные результаты. Вместо изоляции малоимущих крестьянских хозяйств от рынка, они способствовали расширению их рыночных связей, избавляя от кабальных отношений с частными землевладельцами. Число имущих хозяйств не сокращалось. Часть малоимущих становились зажиточными, производившими продукцию для продажи.

В сравнении с приусадебными огородами советских колхозников, исчисляемых в сотках, индивидуальные хозяйства крестьян были по настоящему велики. Например, в Болгарии в среднем по стране у бедняков находилось 1,2-2,5 га, у середняков - 6 га, у кулаков - 70 га. Причем хозяйства имущих обычно включали поголовье тяглового и продуктивного скота, птицы, сельскохозяйственный инвентарь и т. д. Труд на общественных полях трудовых кооперативных земледельческих хозяйств (ТКЗХ) в таких случаях отходил на задний план.

Отсчет числа заработанных на таких полях трудодней велся не только по труду, но и по возделанной индивидуальной

---

[199] Гвоздкова Л. И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса. 30-40 гг. Кемерово, 1994. С. 93, 147.

[200] Постановление в ЦК Румынской рабочей партии и Совета Министров//РГАСПИ Ф. 17. Опись 137. Дело 599 (январь - декабрь 1951 г.) Л.12.

крестьянской техникой и тяглом общественной земле в пересчете на часовую оплату. Важно и то, что доходы на трудодни здесь были несравнимо выше тех, которые получали советские колхозники. Например, в среднем по Ардской области (Румыния) крестьянин на трудодень получал, помимо денег, 6,63 кг. пшеницы, 4,165 кг. кукурузы и 0,43 кг. подсолнуха. Подобная картина наблюдалась и в других странах.

В советских колхозах изымать за бесценок сельскохозяйственную продукцию было просто - за все отвечал председатель. В странах же народной демократии основная сельскохозяйственная продукция по ценам ниже рыночных должна была поступать от индивидуальных хозяйств после уплаты налогов их владельцами.

Налоги включали поземельный и подоходный налог, ФОР - обязательную сдачу денег в банк с запрещением без разрешения властей снимать более 5% вклада, взносы в порядке самообложения для «общественных нужд», а также «добровольные» приобретения облигаций госзаймов.

Перечисленные поборы были призваны лишить владельцев хозяйств необходимых для повседневных расходов денег, чтобы вынудить их продавать сельхозпродукцию государству по несусветно низким ценам. На этой почве еще в период сбора налогов разгорались схватки между крестьянами и властями, опиравшимися на многочисленную свору милиционеров.

Как справедливо констатировал А. А. Соболев, в деревне: "характерной формой классовой борьбы является неплатеж налогов со стороны значительной группы крестьянства".[201] Чтобы сломить неплатежников, применялся ничем не сдерживаемый террор. "В ряде деревень Тщевского, Старогардского, Эльбонского повято в Гданьском воеводстве во время хлебозаготовок производились обыски, хлеб вывозился без остатка. Если не хватало хлеба для выполнения плана, то конфисковывались ценные вещи (часы, отрезы, скот). Отобранные вещи распродавались с торгов за бесценок. Фактическая стоимость распродаваемых вещей, как правило, значительно превышала сумму долга перед государством. Отобранные у крестьян вещи нередко покупались местным

[201] № 233 Из дневника А. А. Соболева... г. Варшава 29 марта 1952 г.//Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953. Т. 2. Документы. М., 2002. С. 600.

"активом"... В деревне свирепствовала система штрафов. Люди штрафовались по поводу и без повода в массовом порядке. Штрафовали за непосещение собраний, под видом антисанитарного состояния двора, за отсутствие или неисправность противопожарных бочек, метел и т. д... В Быдгощанском воеводстве в разгар хлебозаготовок было много случаев, когда милицейские органы арестовывали крестьян-середняков, держали их в заключении и били при допросах. Случаи ареста и избиения крестьян за неуплату налогов и несдачу хлеба наблюдались также в Ольштинском воеводстве".[202]

Подобные остервенелые меры были типичной чертой жизни деревни стран народной демократии. Коммунисты делали все, чтобы минимизировать связи крестьян с рынком. В свою очередь крестьяне добивались их умножения. Они скрывали от властей выращенное продовольствие, зарывая его в землю, раздавали на время живность родственникам и знакомым, через городских торговцев продавали свои продукты на черном рынке и т. д. На почве противоборства властей с крестьянами в городах рос дефицит дешевого продовольствия, которому сопутствовал взлет цен.

И дефицит дешевого продовольствия, и сопутствующий ему рост цен были неизбежны. В условиях развитого рынка деревня следует за городом - местом сосредоточения рыночных отношений - обстоятельство, отмеченное еще Марксом и Энгельсом.[203] В условиях снабжения города продовольствием по ценам ниже рыночных, наоборот, город вопреки закономерностям исторического развития следует за деревней, порождающей насильственное принуждение к труду.

В таких случаях в городах, не знавших до этого недостатка потребительских товаров, растет дефицит дешевого продовольствия, который имел общие черты с советским. В частности, в Венгрии в конце июня и августе 1950 г. в продаже почти отсутствовал сахар, а когда он появлялся, за ним выстраивались громадные очереди с 5-6 часов утра. В продаже не было также сливочного и подсолнечного масла, крупы, а картофель, лук и чай появлялись в очень ограниченном

[202] Политико-экономический обзор по Щецинскому консульскому округу. 2-й квартал 1951 г.//ГРАСПИ. Ф. 17. Опись 137. Дело 620. Л. 134. 135.

[203] Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Т. 4. С. 428.

количестве. Введены были нормы продажи в одни руки: сахар 1 кг., жиры 0,5 кг., мыло 1 кусок, белая мука 2 кг. Тогда же обдумывался вопрос о введении карточной системы.

В это время отмечалось увеличение покупок крестьянами печеного хлеба для кормления скота.[204]

Сходная картина наблюдалась Бухаресте. Как отмечалось 25 июня 1953 г., более трех месяцев столица получает на 40% меньше дешевого хлеба. В одни руки выдается его по 500 гр. только жителям Бухареста по предъявлении паспорта. Уже около 3-х недель в магазинах выдается по карточкам на 35% меньше, чем раньше. В городе мало картофеля. Мелкие ремесленники, торговцы, пенсионеры (300 тыс. чел.) вообще не имеют продовольственных карточек.[205]

А вот еще одна примечательная деталь. В Болгарии в 1952-1953 гг. дважды снижались заготовительные цены на сельскохозяйственные продуты. В итоге, чтобы купить железные вилы, кооперативы должны были продавать государству 70 кг. пшеницы, ведро и косу - по 60 кг., мешок - 80 кг.[206] Мешок стоил больше его содержимого.

Все эти "радости" в свое время были и у нас. Официально их объявляли преходящими. Но они исчезали только тогда, когда коммунисты лишались власти.

Дефициты и принудительный труд - это разные стороны одной и той же медали. В Чехословакии, например, арестованных направляли в рабочие батальоны принудительного труда, где они, работая по 8 часов, получали обычную зарплату. Но стоило им отказаться от работы или совершить побег, как их приравнивали к уголовным преступникам, обязанным трудиться в батальонах с военизированной охраной (разновидность наших концлагерей). При повторном побеге или отказа от работы им грозила тюрьма на срок от 5 до 10 лет.[207]

---

[204] Из дневника Киселева (Будапешт, 29 сентября 1950 г.)//Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2... № 140. С. 387., 389.

[205] Краткая запись беседы А. И. Котеленца (Бухарест, 25 июня 1953 г.)//Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2....№ 300. С. 772.

[206] Информационная записка (Москва, ранее 23 декабря 1953 г.)//Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. ..№ 321. С. 848.

[207] Из дневника Л. П. Акулова (г. Клуж, 11 сентября 1952 г.)//Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. № 260. С. 691.

В Болгарии на угольных шахтах г. Дмитрова в 1953 г. трудились 10,6 тыс. чел. Из них 700 были трудармейцы, которые жили в бараках, лишенных мебели. На одной двухъярусной койке порой спали по 2-3 чел.[208]

В Польше в Катовицком воеводстве на шахтах трудились 40 тыс. заключенных. Их ряды ежедневно пополнялись арестованными как в городе, так и в деревне. В вину им вменялась "антинародная пропаганда", за которую полагалась до 3-х лет тюрьмы. Такому же наказанию подвергались и те, кто злостно уклонялся, либо препятствовал государственным закупкам продовольствия.[209]

Антирыночные меры бедственно сказывались на положении широких масс как деревни, так и города. Однако главным местом возникновения общенациональных кризисов неизменно были города, где эти бедствия были особенно чувствительны, так как они были центрами сосредоточения рыночных связей вообще и добровольного труда в особенности. Первые забастовки и демонстрации прошли в Чехословакии в 1948 г., когда Сталин подсчитал, что население здесь живет, не зная дефицита, в неподобающем довольстве.

Организатором их подавления был президент К. Готвальд, который еще в декабре 1929 г. заявил в парламенте в ответ "на обвинения в том, что КПЧ действует по указке Москвы": "Мы - партия чехословацкого пролетариата и верховная наша революционная штаб-квартира находится в Москве. А знаете, зачем мы ездим в Москву? Поучиться у русских большевиков, как получше свернуть вам шею. Надеюсь, вам известно, что русские большевики - большие мастера в этой области".[210]

Придя к власти на штыках Москвы, К. Готвальд показал как надо "свертывать шею своему народу". В течение нескольких месяцев после победного для коммунистов февраля 1948 г. в пятнадцати чешских и моравских городах и трех городах

---

[208] Информационная записка. (Москва, ранее 23 декабря 1953 г.)//Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2. 321. С. 845.

[209] ГРАСПИ. Ф. 17. Опись 137. Дело 619. Л. 139, 142, 148.

[210] Бартошек К. Центральная и Юго-Восточная Европа. "Импортный контроль//Куртуа С.., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж. Черная коммунизма книга. Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С. 377.

Словакии прошли забастовки и демонстрации против снижения уровня жизни. В последние месяцы 1951 г. они повторились вновь: во всех промышленных районах прокатилась волна стачек, заводских собраний протеста и демонстраций (только на улицы Брно вышли от 10 до 30 тыс. чел.). В июне 1953 г. в знак протеста против денежной реформы, снижавшей жизненный уровень всего населения, вновь прекратилась работа на десятках крупнейших предприятиях. В городе Пльзене манифестации переросли в уличные бои. 472 забастовщика и демонстранта были арестованы. Руководство КПЧ незамедлительно потребовало предоставить списки участников протеста "с целью изолировать их и поместить в трудовые лагеря".

В ответ на требования КПСС повсеместно снижать заработную плату география протеста расширилась. 16 июня 1953 г. вышли на демонстрацию бастовавшие рабочие Берлина. Для подавления их выступления впервые были использованы советские войска. В итоге 16 демонстрантов были убиты, сотни ранены. 12 тыс. чел. приговорены к различным срокам тюремного заключения.

В июне 1956 г. эстафету подхватила Польша, где забастовали рабочие, обслуживавшие железные дороги. Население приветствовало их одобрительными выкриками "хлеб и свобода". При подавлении забастовки были убиты десяток человек. Чтобы весь мир узнал об этом перед заводом "Фиат" демонстранты развернули залитый кровью польский флаг. Более того, Варшавский городской комитет компартии распорядился раздать оружие рабочим столицы. Они были готовы оказать сопротивление советским войскам, если бы те вступили в город.[211]

28 июня 1956 г. к ним присоединились бастовавшие рабочие Познани. Они двинулись к центру города, требуя повышения заработной платы, снижения производственных норм и цен, а также вывода 6 дивизий Советской Армии, "которые едят наш хлеб. Когда эти 6 дивизий уйдут, в Польше сразу возрастет уровень жизни". Добиваясь возрождения национальной свободы, группы поляков вплоть до утра 30 ноября обстреливали оккупантов с крыш и окон. Требование

[211] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. London, 1986. С. 615.

национальной свободы было главным в прокатившейся по всей стране в ноябре и декабре волне митингов и собраний.[212]

В ноябре 1956 г. аналогичные события произошли в Венгрии. К этому времени на предприятиях венгерской столицы рабочие избрали советы, требовавшие убрать советские войска с территории Венгрии, ликвидировать систему поставок сельхозпродуктов по немыслимо низким ценам, сформировать правительство с участием социал-демократов. В ответ на это советские войска обманным путем вошли в столицу, где в течение трех дней население вело бои с вооруженными до зубов захватчиками. В провинции сопротивление продолжалось две недели. Подавляя восстание, Андропов восстановил неограниченную власть компартии ценой расстрела трех тыс. чел. и ареста 25 тыс. чел., приговоренных к различным срокам заключения. Многие тысячи венгров бежали за границу.

Усердствуя в проведении советских требований в жизнь, коммунистические режимы могли существовать только с помощью жесточайшего террора. В Венгрии лишь с 1950 г. по 1953 г. побывало в тюрьмах 387 тыс. чел., или, иначе говоря, свыше 5% населения.[213] По согласованию со Сталиным проходили чистки народно-демократических компартий от неугодных ему лиц. Только по делу Л. Райка (Венгрия) было арестовано 526 коммунистов разных стран. Из них 353 были гражданами Чехословакии, 71 - гражданами Австрии, 40 - немцами, 33 румынами, а также советскими, болгарскими, польскими, итальянскими, английскими, французским и австралийскими коммунистами. Большинство из них были расстреляны.[214]

В Польше согласно информационной картотеке Министерства общественной безопасности по состоянию на первое января 1953 г. значилось около 5,2 млн. подозрительных лиц, которые в случае общественных волнений подлежали арестам.[215]

[212] Вольша Т. Мятеж в Познани//Польша - СССР (1945 - 1989) Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005. С. 241-249.

[213] Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. New York, 1989. С. 109.

[214] Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2 . С. 171.

[215] Польша - СССР. Избранные политические проблемы... С. 143.

Но чем более массовым и жестоким становился террор, тем больше росла ненависть всех слоев населения к советским завоевателям. Как мы уже показали, террор не предотвратил массовые выступления в ГДР, Польше и Венгрии. Не в силах он был предотвратить массовые выступления и в последующие годы.

В августе 1967 г. войсками стран Варшавского договора была задушена "нежная революция" в Чехословакии, что окончательно разрушило последние иллюзии о возможности уживания коммунистических режимов со свободой слова, стачек и демонстраций. Позднее это же в очередной раз доказала забастовка в Гданьске (Польша), где в декабре 1970 г. бастовали рабочие балтийских портов против повышения цен на продукты первой необходимости. Забастовка была беспощадно подавлена, сотни демонстрантов - убиты и ранены.

Народы стран Центральной Европы не прекращали протестовать против снижения жизненного уровня и искоренения демократических традиций, проводимых по требованию советских оккупантов. Эти страны напоминали раскаленный котел, вынужденный периодически выпускать пар негодования нищавших масс, перед глазами которых стоял облик процветавшей в условиях рынка Европы. Ее достижения особенно искушали стремившееся переселиться на Запад население ГДР, в связи с чем 13 августа 1961 г. здесь была воздвигнута знаменитая Берлинская стена.

Между тем дефицит дешевого продовольствия все больше нарастал, хотя у крестьян отбирали лучшую землю для передачи в общественные хозяйства. Работы в принудительном порядке на кооперативных полях производились небрежно, кое-как. Повсюду чувствовалась запущенность. Крестьяне отказывались трудиться более 8 часов в день, не считаясь с тем, страда ли на дворе или нет. Если в крестьянской семье было 2-3 трудоспособных человека, то на общественных полях работал один, остальные трудились в своих хозяйствах.[216] Чтобы сократить растущий дефицит, страны народной демократии стали закупать на Западе продовольствие, положив тем самым начало конца антирыночной политики.

[216] Справка о поездке по районам польских западных земель (1951 г.)//ГРАСПИ. Ф. 17. Опись 137. Дело 620. Л. 171.

Отныне уже не деревня дотировала город, а город деревню. Дефицит продававшегося в городах дешевого продовольствия теперь частично стал покрываться за счет покупок его на западных рынках, что увеличивало его стоимость. "За счет поставок из развитых капиталистических государств страны СЭВ к середине 70-х годов покрывали до 40% всего импорта продовольствия".[217]

На Западе территориальные притязания коммунистов упирались в сопротивление народов, не желавших жить на положении безропотной скотины, обязанной из-под палки трудиться на государственный аппарат, возглавляемый коммунистами. Иная ситуация сложилась на Востоке, где широкие массы населения составляли сельские деклассированные слои. Здесь при поддержке СССР повсеместно прорастали коммунистические режимы.

В послевоенный период началом этой поддержки послужила передача китайским коммунистам оружия, решившая исход их борьбы за власть в 1949 г.

Не прошлого после этого и года, как, опираясь на помощь Москвы, Северная Корея напала на Южную. На западном краю Восточного мира СССР добивался установления опеки над Ливией, чтобы иметь в Средиземном море свой военный порт, но она была передана под опеку ООН. В 1956 г. при поддержке СССР добровольцами и оружием Египет напал на Израиль. В 1958 г. на Ближнем Востоке разразился новый кризис. Советский Союз использовал его для укрепления своего военного присутствия в Сирии и Ираке. В 1962 г. Советский Союз поддержал революцию в Йемене. В 1966 г. началось вторжение советских войск на территорию Афганистана, где впервые на Востоке в борьбе за национальную независимость против советских войск поднялось все население, отбив навсегда охоту Москвы посылать войска своим восточным сателлитам.

В то время как Советский Союз насаждал систему принудительного труда за пределами своих границ, в самом СССР экономические основы этой системы безвозвратно рушились. К концу войны громадная страна обескровилась. Концлагеря и спецпоселения окончательно исчерпали себя. Хлебные пайки для занятых на тяжелых работах за проволокой

[217] Страны СЭВ в мирохозяйственных связях. М., 1978. С.142.

и вне проволоки не превышали 500 грамм в день. Одежда и обувь у всех износилась до крайности. Работать в таких обносках на морозе стало невозможно.[218] 25 млн. чел. не имели крова.

Смерть Сталина знаменовала вступление страны в полосу революционного кризиса. Коммунистические верхи уже не могли жить по-старому: началось расформирование концентрационных лагерей. Разорение и бедствия народных масс к концу войны достигли невиданных в прошлом пределов. Низы в свою очередь не хотели жить по-старому. Будучи выходцами из деревни, большинство демобилизованных устремилось в города, предпочитая жить на зарплату, а не на трудодни.

Но система принудительного труда при этом не исчезла. Она модифицировалась, приспособившись к пробивающимся рыночным отношениям.

Уже через 3 недели после смерти Сталина, 27 марта 1953 г., был подписан указ об амнистии 1,2 млн. уголовников. В итоге основными узниками пенитенциарных заведений теперь стали осужденные по политическим статьям. К началу 60-х гг. число заключенных стабилизировалось на уровне 900 тыс. чел. против 2,6 млн. чел. в 1952 г. Из них 300 тыс. в основном были вновь осужденные уголовники и рецидивисты.[219] Сократилось и число политических заключенных за счет амнистированных и реабилитированных по пресловутой 58 статье.

То, что лагеря с политическими узниками, хотя и в уменьшенных размерах, продолжали сохраняться, объяснялось тем, что в их существовании были заинтересованы преемники Сталина, отстаивавшие сохранение диктаторской власти главы государства и его наместников на местах.

Поэтому продолжала сохранять силу 70-я статья уголовного кодекса, согласно которой всякое лицо, ведущее пропаганду против советской власти, а также занимающееся клеветой и дискредитацией государства и общества, могло быть арестовано и отправлено в лагерь на срок от 6 месяцев до 7 лет с последующей ссылкой на срок от 2-х до 5 лет. Статью 70-ю дополняла статья 190, устанавливавшая наказание за

[218] Верт Н. Апогей и кризис ГУЛАГа//Черная коммунизма книга... С. 228.
[219] Там же С. 249.; см. также Иванов Ю. М. В сталинском “раю” М., 2005. С. 114.

недоносительство об антисоветских преступлениях. Наказание предусматривало лишение свободы на срок от полугода до трех лет, которое могло быть заменено отправкой на стройки народного хозяйства. Указанные статьи, как и при Сталине, служили основанием для превращения в лагерную пыль всех, кто публично заявлял о несогласии с политикой руководителя партии.

Это было тем более важно, что еще при жизни Сталина в созданном им здании принудительного труда появились неустранимые трещины. Народ, избавившийся от фашистского насилия и испытавший на себе прямые и косвенные преимущества рыночного строя, добивался свободы, связанной с устранением, говоря словами О. Берггольц, основного “зла - насилия человека над человеком”. В лагерях начались бунты, мятежи, восстания, подавлявшиеся с участием воинских подразделений, использовавших бронетехнику и авиацию. По далеко неполным данным, бунты заключенных были в 1946 г. на Колыме, в 1947 г. - в Усть-Виме (Коми АССР) и Джезказгане (Караганда), в 1948 г. - в Салехарде, в 1950 г. - в Салехарде и Тайшете, в 1951 г. в Джезказгане (Сахалин), в 1952 г. - Вожеле (Коми АССР) и Молотове (Красноярский край). Аналогичные волнения были и на “воле”, в них порой принимали участие и воинские подразделения.

Для работы на стройках, военных объектах, железных дорогах и т. д. по заявкам военкоматов и комсомола проводились мобилизации рабочих. Их положение отличалось от положения заключенных, У них был восьмичасовой рабочий день, они жили на зарплату и могли иметь семью, но по договоренности не могли в течение ряда лет покинуть место, где им приходилось трудиться. Таким образом, *непосредственное насилие* в качестве ведущей формы принуждения к труду сменилось его более мягкой формой: *прикреплением к месту работы.* Подобная система принуждения существовала и в фашистской Германии.

На первых порах эта смена ведущих форм подневольного труда сопровождалась забастовками, бунтами, столкновениями с властями. Но их виновниками были не рабочие, а возглавлявшие стройки и военные объекты охранные кадры ликвидированных лагерей, стремившиеся в новых условиях сохранить лагерные порядки. Они продолжали измываться и обворовывать тех, кто находился под их началом.

Присылавшихся по разнарядкам военкоматов рабочих селили в рваных палатках, не спасавших от дождя и стужи. В палатках не было столов, стульев, для личных вещей. Постельное белье в течение длительного времени не менялось. Даже тухлой воды не хватало для питья, не говоря уж об умывании. Палатки не освещались. Рабочих кормили протухшим мясом (иногда с червями) и испорченными продуктами.

В течение многих дней они работали по 2-3 часа, получая мизерную зарплату, на которую невозможно было прожить. Затем начинались лихорадочные авралы со сверхурочными, сопровождавшиеся высоким травматизмом. В предоставлении отпусков и наложении дисциплинарных наказаний царил произвол, позволявший делать крупные вычеты из заработков. Выплата зарплаты постоянно задерживалась, рабочих немилосердно обсчитывали.[220]

Унаследованные от лагерей невыносимые условия жизни и труда порождали стихийные волнения, перераставшие в столкновения с властями, милицией и т. д. Для их подавления нередко использовались вооруженные бронетехникой войска. О повсеместности подобных волнений свидетельствуют данные МВД и прокуратуры (94 случая за 1953-1960 гг.), ставшие известными высшему руководству страны. Но еще больше, по-видимому, было забастовок и бунтов, не получивших широкую огласку, которые улаживались местными властями без использования войск. Как бы то ни было, руководители строек и военных объектов в столкновениях с рабочими постепенно приучались к новым отношениям. Наиболее одиозные причины бедствий в ходе волнений и бунтов устранялись. В связи с этим последние постепенно стали сходить на нет.

Вместе с тем росли затраты, связанные в первую очередь со строительством и добычей полезных ископаемых. Содержание производителя, прикрепленного к месту работы с зарплатой и ограниченным рабочим днем, обходилось дороже содержания заключенного в лагерях. Рацион его и его семьи не ограничивался только мизерным куском хлеба и приготовленной бог знает из чего жидкой баландой. Ему требовалось много хлеба, рыба, мясо, масло и т. п., которые он мог бы купить на свою зарплату.

---

[220] См. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953-начало 1980-х гг.) Новосибирск, 1999.

Но отсталая колхозная деревня, изолированная от рыночных отношений, такого изобилия продовольствия дать не могла. Ее изоляция составляла основу основ системы государственного принуждения к труду, обеспечивая минимальное потребление тех, кто из-под палки трудился вне сельского хозяйства. Условием подобных отношений была незначительная численность городского населения. Последовавшая форсированная индустриализация на базе милитаризации хозяйства, массовое привлечение крестьян в города наряду с целенаправленным их истреблением в концлагерях и спецпоселениях привели к тому, что деревня уже не могла при своих примитивных методах хозяйствования (средняя урожайность зерновых в РСФСР в 1976-1985 гг. равнялась примерно 13 ц. с га.[221]) снабжать город дешевым хлебом.

Возвращавшиеся из армии солдаты, хотя и были в прошлом в подавляющем большинстве сельскими жителями, вновь становиться голодными колхозниками не хотели. Они предпочитали жить на зарплату, трудясь по разнарядкам военкоматов. Если раньше деревня дотировала город, то теперь городу приходилось за счет бюджета дотировать ее, чтобы иметь возможность по-прежнему продавать населению хлеб по чрезвычайно низким ценам. В частности, затраты на освоение целинных земель Казахстана, мелиорацию районов промышленного Севера были огромны, эффект же – незначительный, либо давал нулевой результат. То, что вырастало на общественных полях, большей частью уничтожалось дождями и ветрами. "Необеспеченный производственной, да и социальной структурой марш-бросок на целинные земли, - пишет Л. Н. Денисова, - отвлек в те годы значительные ресурсы от укрепления зернового и в целом сельского хозяйства в других районах страны, в том числе Нечерноземной полосы РСФСР, и привел к росту общих потерь урожая зерновых до 25-30 и более млн. т.".[222]

Но дело здесь не в географическом распределении затрат. Потерь могло и не быть, если бы отношения деревни с городом строились на рыночных связях. От этого выиграли бы и

---

[221] Российский статистический ежегодник. М., 1994. С. 354.

[222] Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е годы. М., 1996. С. 18.

город и деревня, получая высокие доходы. Но вместе с высокими сельскими доходами неизбежно исчезли бы государственные повинности, обеспечивавшие властным структурам во главе с Хрущевым привольную жизнь, на что принадлежавшие к этим структурам добровольно пойти не могли.

Снабдить город дешевым зерном наша деревня уже не могла. На выручку пришла проклинаемая коммунистами Америка, без импорта зерна из которой существование советской милитаризованной экономики было невозможно. В 1960 г. импорт составил 200 тыс. метрических тонн пшеницы, в 1972 г. - 18 млн. тонн, в 1979 г. - 25 млн. тонн, в 1982 г. - 35 млн. тонн. Тонна зерна, закупленного в США, обходилась нашим властям вдвое дешевле произведенного в СССР.[223]

Первоначально ведущим источником финансирования импорта зерна было золото. Однако стоило в 1963 г. закупить всего 9,4 млн. т. (около 10% валового урожая), как пришлось потратить 372,2 т. - почти треть золотого запаса страны.[224] В результате золото весьма быстро заменила нефть. Именно коммунисты посадили страну на нефтяную иглу.

Спасая свою власть, они превратили Советский Союз в сырьевой придаток стран с рыночной экономикой. "Экономическая расточительность и сопутствующая ей промышленная и технологическая отсталость, - пишет З. Бжезинский, - неблагоприятно сказались на способности СССР участвовать в международной торговле. Советский Союз все больше становился экспортером преимущественно сырья и минералов, подобно большинству стран "третьего мира".[225] Экспорт дешевой неочищенной нефти и минералов позволял закупать за границей зерно, удерживая советскую милитаризованную экономику на плаву.

Если сравнить Советский Союз с европейскими странами народной демократии, то окажется, что и здесь и там переход к рыночной экономике включал ликвидацию государственных повинностей, базировавшихся на административном изъятии в деревне дармового

---

[223] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 719.

[224] Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева сельское хозяйство//Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг. Выпуск 2. М., 2000. С. 403.

[225] Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. New York, 1989. С. 109.

продовольствия. Общим было и то, что это продовольствие кое-как выращивалось на общественных полях кооперативов, порождая в городах дефицит сельскохозяйственных продуктов и соответствующий рост цен. В результате возраставший дефицит покрывался не за счет национального производства, а импорта из стран с рыночной экономикой.

Но наряду с общими чертами имелись и различия. Они заключались в том, что в государствах народной демократии принудительный труд внедрялся в странах с рыночными отношениями, порождавшими добровольный труд; у нас рыночным отношениям приходилось пробивать дорогу в ходе ломки всеобъемлющей системы государственного принуждения к труду, что потребовало значительно больше времени и затраты сил, чем у нас и западных соседей.

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД К РЫНКУ

В Советском Союзе принудительный труд, приспосабливаясь к зарождавшемуся рынку, порождал нараставшие провалы в экономике страны. "Через 8 лет после войны, - пишут Ю. Левада и В. Шейнис, - когда в побежденных странах обозначилось экономическое чудо, а наша пропаганда твердила о незабываемых хозяйственных успехах и еще более грандиозных "покорениях природы", в городах нередко выстраивались многочасовые очереди за продуктами, в деревне же, почти как в военное лихолетье выгребались только что не последние "три мешка сорной пшеницы".[226]

Примечательно, что Ю. Левада и В. Шейнис подобно многим исследователям полагали, что наши тогдашние беды заключались лишь в незнании общества и его лидера как нужно проводить реформы.[227] Однако дело заключалось отнюдь не в степени изученности проблемы. Властные структуры во главе с Хрущевым были непосредственно заинтересованы в сохранении несовместимого с рыночным прогрессом подневольного труда.

Этот труд в городах и поселках отличался от принудительного труда при жизни Сталина [228]. При жизни Сталина господствующим было прямое государственное принуждение, при котором работник потреблял лишь то, что ему в натуральном виде выдавало государство. В наиболее законченном виде такое принуждение практиковалось в концентрационных лагерях, численность заключенных в которых во времена Хрущева значительно сократилась.

После смерти Сталина ведущее место занял получавший зарплату работник (порой имевший семью), который в течение ряда лет не мог покинуть место работы. В то же время, существуя на зарплату, он уже был связан с рынком потребительских товаров и услуг. С прошлым эти отношения

[226] Ю. Левада, В. Шейнис Почему тогда не получилось// Н. С. Хрущев Материалы к биографии. М., 1989. С. 172.

[227] См. Там же. с. 186.

[228] Земцов И. Реальность игра не перестройки (справочник) L., 1989. С. 11.

роднил принудительный труд деклассированных масс. Он не имел ничего общего с добровольным трудом тех, кто мог свободно распоряжаться своей личностью, продавая рабочую силу либо занимаясь предпринимательством.

Возглавляемые Хрущевым партийные структуры славили систему государственного принуждения в противовес добровольному труду, практиковавшемуся в так называемых «капиталистических» странах Запада. Если говорилось о труде советских людей, - пишет И. Земцов, - то в сознании обязательно должен возникнуть ассоциативный ряд: «героический», «самоотверженный», в крайнем случае «доблестный». Тот же труд на Западе представлялся «подневольным», «непосильным», «унизительным». Советский народ – всегда «великий», «мужественный», народ капиталистический, как правило, «многострадальный».

Двуликий характер деятельности Хрущева, о котором так много пишут исследователи, был порожден тем, что он был поборником государственного принуждения, породившего спрос на продовольственные товары и услуги в обстановке, когда подневольный труд колхозника уже не мог этот спрос удовлетворить. Между тем, продовольствие составляло основную статью денежных расходов трудившихся по найму работников. Этим объясняются судорожные попытки Хрущева найти рецепт немедленного решения продовольственной проблемы.

Этим же объясняются его циничные утверждения о том, что он вместе со всеми страдает от недопотребления. "Когда до революции я работал слесарем, - пишет, в частности, Хрущев, и зарабатывал свои 40-45 рублей в месяц, то был материально лучше обеспечен, чем когда работал секретарем Московского областного и городского комитетов партии".[229] Оказывается, беспощадно эксплуатируемый при царизме горняк был "материально лучше обеспечен", чем секретарь Московского областного и городского комитетов партии. Как здесь не вспомнить крики персонажа Маяковского: "За что мы убили государя императора и прогнали господина Рябушинского, а? В могилу меня вкопает Советская ваша власть...".[230]

[229] Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 247.

[230] Маяковский В. Клоп//Владимир Маяковский. Поэмы. Пьесы. М., 1985. С. 399.

Отмеченный симбиоз рыночных отношений и принудительного труда ограничивался только рамками связей подневольного работника. Он не затрагивал отношений между государственными хозяйствами, где все, минуя рынок, строилось на приказных, административных началах.

Пока промышленное производство отсталой крестьянской страны оставалось ограниченным, административные внутрипромышленные связи функционировали без перебоев. Однако по мере роста промышленного хозяйства возможности их использования все более сужались из-за роста применявшихся показателей.

В 1937 г. распределялось 250 видов так называемой фондируемой продукции с бесчисленными детальными предписаниями в каждом *индивидуальном* случае относительно способов и норм использования, а также кому и в каком количестве отгружать произведенное. В дальнейшем количество связей, обусловленных централизованным распределением, возрастало ускоренными темпами. В 1940 фондировалось уже 450 видов.[231] В начале 50-х гг. этот показатель составил 10 тыс.[232]

К этому времени Госплан СССР уже не мог централизованно оперировать ставшими неисчислимыми для него показателями. В итоге в первой половине 50-х гг. в его ведении осталось менее 2-х тыс. наименований фондируемой продукции, предназначенной преимущественно для военных нужд. Остальные были переданы в ведение Госпланов союзных республик СССР, занимавшихся в основном удовлетворением собственного потребительского спроса. На этой почве росли противоречия между Москвой и республиками. Их дальнейший рост позднее обусловил развал СССР.

Принятые меры могли лишь на время замедлить, но не предотвратить нарастания кризиса централизованного распределения людских и материальных ресурсов. В условиях существования в начале 60-х гг. 42 тыс. промышленных предприятий, стоявших на самостоятельном балансе, и 19 тыс. строек производственного назначения - сферы централизованного распределения людских и материальных

---

[231] Gganick D. Management or The Industrial Firm in the USSR. A Study in Soviet Economic Planning. N. Y. P. 135.

[232] Dobb M. Socialist Planning. Some Prolems. L., 1970. P. 18.

ресурсов - число показателей связанного с ними планирования продолжало неудержимо возрастать. В 1965 г. эти показатели включали "примерно 6,2 тыс. наименований предметов труда и около 11,8 тыс. орудий труда, машин, оборудования и приборов. В качестве самостоятельных позиций в номенклатуру централизованно распределяемой продукции были включены оборудование, машины и приборы по типам, диаметрам, грузоподъемности, маркам, емкости, напряжению и другим техническим параметрам".[233] В годовых планах предприятиям устанавливались до 500 показателей, регламентировавших их хозяйственную деятельность.[234]

Проконтролировать выполнение такого множества показателей никакими административными мерами было уже невозможно. Из инструмента принудительного распределения материальных и людских ресурсов централизованное планирование превратилось в свою противоположность: в источник анархии, исключавший диктуемое сверху распределение.

Независимо от распоряжений министерств планы предприятий стихийно устанавливались по их "отчетной базе", исходя от достигнутого уровня, который сами руководители всякими правдами и неправдами занижали, порождая тем самым хаос в снабжении и отгрузке готовой продукции. В связи с этим росла армия толкачей, представительские расходы которой намного превосходили официальные директорские фонды.

Стремясь покончить с хозяйственным хаосом, директора требовали предоставления им права самим устанавливать независимо от централизованных предписаний прямые хозяйственные связи и решать собственные производственные проблемы, имея в своем распоряжении достаточно денежных средств. Формально они не отрицали существования административного централизованного планирования. Однако на деле их требования подразумевали замену административного распределения рыночным со свободой принятия решений как изготовлять и что для этого нужно приобретать.

---

[233] Некрасов О. Отраслевой принцип управления промышленностью и технический прогресс. //Вопросы экономики. 1965. № 5. С. 20.

[234] Там же. С. 3.

Именно эти настроения директората отражал проект реформ харьковского экономиста Е. Г. Либермана, опубликовавшего в "Правде" 9 сентября 1962 г. статью "План, прибыль, премия". Позднее статья была дополнена его же публикацией в "Правде" 20 октября 1964 г. под названием "Еще раз о плане, прибыли и премии", а также публикациями в журнале "Коммунист".

Существовавший разрыв в публикациях, с одной стороны, свидетельствовал о том сопротивлении, которое оказывал партийно-государственный аппарат предложенной реформе, с другой, - о тех закулисных силах, поддерживавших директоров, интересы которых выражал автор. Среди разделявших идеи Е. Г. Либермана были выдающиеся советские экономисты Л. В. Канторович, В. С. Немчинов, В. В. Новожилов и др.

Предлагая директорам право свободно принимать и увольнять работников в зависимости от собственных производственных нужд, Е. Г. Либерман фактически предлагал ликвидировать прикрепление работников к своему рабочему месту. Именно поэтому в первых откликах на его статью в газете "Правда" подчеркивалось неприемлемость отказа от планового распределения людских ресурсов. В дальнейшем этот вопрос со страниц газеты был продуманно снят, в связи с чем последовавшая дискуссия свелась к скучному обсуждению определения размеров денежных фондов, предназначенных для поощрения управленческого персонала.

Тем самым от реформы, предложенной Е. Г. Либерманом, ничего путного не осталось. Е. Г. Либерман предлагал свести централизованное руководство предприятий к объему продукции в номенклатуре и срокам ее поставок с тем, чтобы предприятия сами составляли свои собственные планы, включавшие показатели по производительности труда и численности работающих, заработной плате, себестоимости продукции, накоплениям, капиталовложениям и новой технике. Таким образом, бесчисленные натуральные показатели свелись бы к стоимостным отношениям, свойственным рынку.

Как известно, система централизованного распределения потребительных стоимостей покоилась на существовании острейшего дефицита, когда каждый директор стоявшего на самостоятельном балансе предприятия был рад заполучить любой компонент независимо от его качества,

необходимый для изготовления плановой продукции. Теперь же настало время, когда директора потребовали предоставления им права самим удовлетворять спрос на изделия и составляющие их компоненты, порождая при этом вместо дефицита избыток предложения с присущими ему конкуренцией производителей, безработицей и прочими атрибутами рынка. Иными словами, вместо хронического дефицита возникла бы рыночная зависимость - зависимость предложения от спроса.

Пойти на такой шаг политбюро не могло, ибо в условиях рынка могла исчезнуть властная пирамида, присваивавшая прибавочный продукт за счет эксплуатации подневольного труда. Неслучайно после длительных и мучительных обсуждений, время от времени выплескивавшихся на страницы "Правды" и других газет, был принят косыгинский вариант, сведший "реформу" к появлению в распоряжении директоров несколько большего по сравнению с прежним денежного фонда, предназначенного для премирования инженерно-технических работников и служащих, а также для представительских затрат (в сущности взяток) толкачей. Таким образом, все вернулось на круги своя. Попытка директоров проводить рыночную политику закончились крахом, ибо она давала им возможность распоряжаться предприятиями как своей собственностью.

Основным объектом централизованного планирования оставалось незапятнанное рынком военное производство вооружений, одновременным производителем и потребителем которых было само государство. Партийные структуры были непосредственно заинтересованы в максимальном увеличении военной продукции, не зависящей от существования рынка потребительских товаров.

Зарплата в городах вместе с отчислениями на социальные нужды в это время составляла не более 20% ВВП. Свыше половины ее тратилось на продовольствие. В развитых странах с рыночной экономикой доля зарплаты в ВВП составляла почти 60%, из которой на продовольствие расходовалась меньшая часть. "Таким образом, 80% ВВП брало на себя государство (на нужды военно-промышленного комплекса, армии, КГБ, на поддержку "революционных" режимов, на разворовывание)".[235]

---

[235] Белоцерковский В. Продолжение истории: синтез социализма и капитализма. М., 2002. С..25.

Отстаивая принудительный труд, советское правительство балансировало "на грани войны". Под предлогом угрозы ядерного нападения США периодически проводились испытания ядерных бомб и подземные ядерные взрывы. Строились бомбоубежища. Под этим же предлогом наращивалось производство ракетной техники, танков и других вооружений. "Народ, - писал Ельцин, - выдержавший самую страшную войну в своей истории, спешно изолировали от внешнего мира, вводили идеологический карантин. Международные политические кризисы следовали один за другим, а официальная доктрина утверждала, что начнись мировая война, погибнет один только капитализм".[236]

В западной прессе в это время раздавались предупреждения о том, что в ходе гонки вооружений советский народ останется без штанов. Однако авторы этих возгласов обычно не учитывали того, что советское правительство, рекламируя заявления об очередном безотлагательном решении продовольственной проблемы, целеустремленно добивалось того, чтобы советский народ оставался голодным.

Хроническое сокращение потребления обреченного на подневольный труд населения - вообще характернейшая черта тоталитарного государства. Однако после войны возник новый момент. Он заключался в том, что модернизация вооружений - изготовление атомных бомб, ракет, бронетехники и т. д. - сопровождалась громадным ростом вещественных затрат за счет сокращения потребления в условиях, когда под влиянием рынка денежные затраты работников росли. На этой почве усиливались противоречия между подневольными повинностями и порожденным ими рыночным спросом, в котором постоянно главное место занимало продовольствие.

Неспособность колхозной деревни удовлетворять возникшие потребности была очевидной. При сохранении ее подневольных устоев выход из создавшейся ситуации Хрущев и его команда первоначально нашли в росте производства приусадебных хозяйств, на долю которых приходилось всего 2% возделываемых угодий. Расчеты строились на том, что колхозники, выращивая коров и свиней, смогут покрыть дефицит мяса в стране. В 1954 г. был отменен налог на владение коровой и свиньями. Налог на приусадебный участок был понижен в 2,5

[236] Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С.172.

раза. В 2 раза сократилась сумма подписки на очередной государственный заем развития народного хозяйства СССР выпуска 1953 г. Но эти меры были лишь каплей в море беспросветной колхозной нужды. Крестьяне за счет своих жалких приусадебных хозяйств не могли удовлетворить рыночный спрос. К тому же 50 млн. семей не имели коров.

Упадок приусадебных хозяйств продолжался. Колхозники все больше продовольствия покупали на рынке. Среднеарифметическая сельская семья в 1986 г. была вынуждена приобретать в государственной или кооперативной торговле 31 кг. мяса (против 20 кг. в 1981 г.) и десятки кг. овощей и фруктов.

Потерпев неудачу в решении продовольственной проблемы за счет приусадебных хозяйств, Хрущев переключился на создание совхозов и укрупнение колхозов. Все вновь созданные хозяйства на целинных землях были совхозами. В мае 1957 г. был выдвинут очередной скоропалительный лозунг: в течение трех-четырех лет догнать США по производству мяса, масла и молока. В феврале 1958 г. были ликвидированы МТС, а их техника продана укрупненным колхозам по несусветно высоким ценам. Долги колхозов госбанкам за выкупленную технику составили более 2-х млрд. руб.

Последней административной попыткой, не считаясь с рынком, спасти основы подневольного труда был курс Андропова, насаждавшего силами КГБ соблюдение на всех уровнях "партийной, государственной и трудовой дисциплины".[237] На деле такое соблюдение означало использование чекистского террора для защиты экономического порядка, существовавшего в стране. Подневольный труд населения занимал в нем центральное место.

Между тем кризис продолжал углубляться. В 1980-1985 г.г., по сообщению А. Аганбегяна, рост советской экономики был равен нулю. Позднее начался ее спад. "Осенью 1989 г. заместитель премьер-министра, руководитель экономической реформы А. Абалкин признал: "Наше экономическое положение из месяца в месяц продолжает ухудшаться". Итоги первой половины 1990 г. свидетельствуют об усилении экономического кризиса. Национальный доход сократился по сравнению с

[237] Андропов Ю. В. Речь на пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г.//Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983. 210-211.

периодом 1989 г. на 1%, производительность труда на 1,5% и т. д.".[238] Особенно тяжелая ситуация сложилась с продовольствием. В июне 1989 г. премьер-министр Рыжков сообщил Съезду народных депутатов, что Советский Союз закупит за рубежом 44 млн. т. зерна.

С каждым годом лишения становились все более мучительными. Люди требовали предоставления им возможности свободно покупать рыбу, мясо, масло и т. д., которые еще со сталинских времен отсутствовали в их питании. Власти же обвиняли народ в том, что он непомерно много ест.

В частности, во время сентябрьской поездки 1988 г. по Сибири "Горбачев услышал множество (как никогда раньше) жалоб на тяжелое продовольственное положение. Генеральному секретарю жаловались: нет колбасы, нет молока, нет сахара... Он отвечал, что причины нехватки продовольствия в том, что советский народ ест слишком много. И приводил цифры роста потребления мяса, молока, рыбы и т. д. на душу населения. "Для полноты картины скажу, - добавил генеральный секретарь, что потребление яиц в 1965 г. составляло 124 штуки на чел., в прошлом году - 272 штуки".[239] Если вычесть младенцев и значительную часть стариков, то окажется, что каждый взрослый в нашей стране съедал в то время по яйцу в день! Цифра воистину фантастическая.

На самом деле даже по расчетам швейцарского института, пользовавшегося официальными данными советского правительства, покупная способность интеллигенции по сравнению с 1913 г. составляла 32% от 100% покупной способности 1913 г.; покупная способность крестьян - 49%, покупная способность рабочих - 72%.".[240] В действительности же эти официальные цифры при всей своей неприглядности завышали покупательную способность всех слоев населения, скрывая изобилие потребления коммунистического партгосаппарата. В лексиконе коммунистической прессы

[238] Геллер М. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Книга третья. Блеск и нищета Михаила Горбачева. М., 1995. С. 70.

[239] Правда 18 09. 1988.

[240] "О положении и процессах в стране. К шестидесятилетию советского режима". Доклад, прочитанный Е. Р. Романовым на Посевской конференции во Франкфурте-на-Майне * октября 1977 г.//Романов Е. В. В борьбе за Россию. М.,1999. С. 123.

отсутствовали такие слова как «закрытые распределители», «специальное снабжение», «правительственные дачи», «кремлевские пайки» и т. д.[241]

Централизованное выделение фондов продовольственных товаров гарантировало изобильный стол "слугам народа". Рядовым же рабочим и служащим доставались лишь крохи. В Москве на предприятиях по жребию разыгрывались жалкие продовольственные заказы. Потом их сменили визитные карточки москвича, по которым товары продавались в ограниченном количестве в одни руки. В конце концов, дело закончилось тем, что колбаса, мясо, масло в течение большей части дня совершенно исчезали с полок магазинов, где покупателей встречали нагло улыбавшиеся от безделья продавцы.

Еще хуже было на периферии, где возродилась карточная система с дикими очередями, сопровождавшими их отоваривание. "Сорок лет спустя после второй мировой войны, - писал З. Бжезинский, - советское правительство все еще распределяет мясо по карточкам, а недавно ввело карточки и на сахар. Как сообщала советская газета "Неделя" от 27 июня 1988 г., для жителей Свердловска и Свердловской области выпущены "бледно-желтые талончики продовольственных карточек. В каждом подъезде есть уполномоченный, который их раздает. 800 гр. вареной колбасы ежемесячно... 400 гр. сливочного масла. И 2 кг. мяса в год - к майским и октябрьским праздникам. По воскресеньям исчезают даже лапша и крупа: скупают деревенские".[242]

Одновременно с дефицитом продовольственных товаров рос дефицит промтоваров и услуг, обретая качественно новые черты: спрос на жалкий ширпотреб типа телогреек с ватными штанами сменился в городах и поселках спросом на проникавшие из-за границы модные иностранные товары, рассчитанные на быструю смену потребительских предпочтений. Появлению этого спроса способствовал демонстрационный эффект быта директората и примыкавших к нему слоев, привозивших из-за границы вожделенные вещи, либо получавших их в закрытых распределителях.

[241] Земцов И. Реальность игра не перестройки (справочник) L., 1989. С. 11.

[242] Там же. С. 222.

Еще больше способствовали его возникновению кино и телевидение, демонстрировавшие изобилие советской жизни в "период развернутого строительства коммунизма".[243] Причем "коммунистическому изобилию" постоянно приходилось конкурировать с рядовым изобилием "загнивавшего буржуазного" Запада". Его показывали советским зрителям в фильмах, импортированных из-за рубежа.

В наших же фильмах советские рабочие неизменно проживали в отдельных квартирах, были безупречно по последней моде одеты. Их столы ломились от изысканных яств. Счет деньгам они не знали.

Под влиянием демонстрации такого изобилия дефицит модных промтоваров все дальше выходил за рамки ограниченных возможностей контролируемого компартией государственного снабжения. Отчасти он восполнялся за счет подделок под него, производившихся в подпольных мастерских под прикрытием коррумпированных властей.

До тех пор, пока рабочие ничего не знали, кроме "длинных как сроки" бараков, они мирились со своим скученным существованием в условиях отсутствия элементарных бытовых устройств. Когда же с экранов кино и телевидения, из газет и журналов их убедили в том, в каком достатке призваны жить советские люди в условиях «развернутого строительства коммунизма», их собственная беспросветная жизнь стала невыносимой. На этой почве идеи протеста против обстановки, порожденной подневольным трудом, все более овладевали массами.

Чтобы сбить накал их возмущения, принимались всевозможные меры. В идеологии они сводились к бесконечным доказательствам развращающего влияния западной культуры, чуждой коммунистического духа русского народа, необходимости защиты национальной самобытности и обусловленного ею патриотизма.

До сих пор козни западного сообщества противопоставляются несущей счастье всему миру России не только политиками, но и многими учеными РАН. Из-за этих козней, полагают они, происходит рост нищеты, сокращается

[243] Косыгин А. Н. Материалы к проекту конституции СССР по экономическим вопросам и управлению народным хозяйством РЦХИДНИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 45. Л.1.

численность населения, Россия утрачивает имидж русского государства.[244] В подобных писаниях мало что доказывается, они напоминают сталинский «Краткий курс», где все сводится к скучному перечню высказываний, восхищающих автора или несущих печать его проклятий.

На фоне таких сочинений как раньше, так и теперь процветает пропаганда несовместимости евреев с российскими духовными ценностями. "Антисемитизм в эпоху "перестройки", - пишет М. Геллер, - не только достиг интенсивности, неизвестной раньше в Советском Союзе. Он приобрел новое качество - стал официально признанным политическим течением. До "гласности" антисемитизм жил как бы на двух уровнях: на не афишируемом бытовом и официальном "академическом". Евреи испытывали различного рода неприятности в квартире, на улице, на работе; одновременно выходили многотысячными тиражами "научные труды", курируемые специальными институтами Академии Наук, занимавшимися организацией борьбы с сионизмом". После 1985 г. эти два потока объединились, появились неформальные объединения "Память". Несколько журналов ("Наш современник", "Молодая гвардия" и др.) превратили борьбу с евреями в ось своей публицистики. Организуются массовые митинги, на которых разоблачается прямая и оккультная деятельность евреев... Идеологи антисемитизма выступают по телевидению. Евреи изображаются как сила Зла всегда, испокон веков, вредившая русскому народу".[245]

Позднее, обвинения демократов в пропаганде "еврейских сил Зла" широко использовали русские фашисты, пытавшиеся вместе с коммунистами лишить власти президента Ельцина в октябрьские дни 1993 г. С тех пор прошло еще полтора десятилетия. А шовинистическая проповедь исключительности русского народа по-прежнему стоит во главе угла политики КПРФ, в которой идеи общинности, коллективизма и патриотизма занимают ключевое место.[246]

Но вернемся к нашим баранам. В обстановке нараставшего дефицита потребительских товаров приверженцы

[244] См., например, Плимак Е. На войне и после войны. М., 2005.

[245] Геллер М. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. С. 367.

[246] См. Программа коммунистической партии Российской Федерации (версия 13 съезда)//Коммунист № 1. Январь 2009 февраль.

"Памяти" мечтали об одном - вернуться к принудительному труду сталинских времен, лишенному связей с рынком. Им противостояла группировавшаяся вокруг Горбачева аморфная масса приверженцев рыночных отношений, начиная от добивавшихся оптимальных сочетаний принудительного труда и рынка, и, кончая сторонниками искоренения принудительных повинностей.

Между тем кризис планирования натуральных показателей продолжал углубляться. "Во всяком случае, - писал в 1988 г. о советской экономике Алек Ноув, - если продукт имеет неоднородный состав либо размеры, показатели плана должны иметь обобщенный вид. На самом же деле, план включает 12 млн. различных продуктов с их полной спецификой, соответствующей 48 тыс. плановых показателей. Другими словами, в среднем каждый "продукт" в плановых предписаниях заключает 250 разновидностей. Учет такого количества разновидностей не в состоянии стать объектом детального систематического планирования. Над ним тяготеет проклятие неисчислимости показателей; необходимость рассчитывать бесчисленные варианты делает невозможным управление народным хозяйством".[247]

Возможности экономического роста на основе использования принудительного труда уже были полностью исчерпаны. Надвигался необратимый экономический спад вместе с ухудшением жизненного уровня масс. Чтобы выйти из тупика, по предложению Горбачева вновь вернулись к идеям Е. Г. Либермана, которые затем пытались претворить в жизнь под названием курса "ускоренного развития".

Характеризуя этот курс, официальный комментатор экономической политики ЦК КПСС А. Белоусов писал: "Следует ориентироваться: а) предприятия сами разрабатывают и утверждают пятилетние планы; б) отказ от финансирования капитальных вложений в действующие предприятия за счет государственного бюджета и переход к долгосрочному кредитованию и самофинансированию их производственного и хозяйственного развития; в) свертывание фондируемого материально-технического снабжения и переход к оптовой торговле средствами производства; г) переход к оплате труда в прямой зависимости от конечных результатов хозяйствования;

[247] Nove Alec The Economics or Feasis Socialism. L., 1988. P. 73.

д) предоставление предприятиям права самостоятельного выхода на мировой рынок".[248]

За исключением права самостоятельного выхода предприятий на мировой рынок, цитируемый перечень повторил основные положения, которыми в свое время оперировал Е. Г. Либерман. Как и в прошлом, они отражали устремления руководителей предприятий стать субъектами рынка. Иначе говоря, распоряжаться предприятиями как своею собственностью.
Теперь либермановские идеи готовы были поддержать значительно большее число лиц в руководстве ЦК КПСС во главе с ее Генеральным секретарем. Но одно дело осознание необходимости развития рыночных отношений, другое - претворение их в жизнь теми, кто составлял верхушку пирамиды государственных должностей, покоившейся на праве распоряжаться судьбами подневольных работников. В итоге "ускоренное развитие" свелось на бумаге к звонким пропагандистским фразам, оставляя на деле неизменным все то, что существовало у нас еще в хрущевские времена.

Претворить "новый" курс был призван опубликованный 1-го июля 1987 г. закон о государственных предприятиях, оставлявший их в прежних рамках централизованного государственного контроля. Партийные руководители продолжали разрабатывать в натуре директивные программы, распределять по предприятиям обязательные для выполнения заказы по централизованно установленным ценам, а также централизованно устанавливать размеры причитающейся прибыли. В 1988 г. по таким госзаказам изготавливалось свыше 90% индустриальной продукции страны.[249]

Между тем, темпы разложения экономического строя СССР нарастали, тогда как те, кто его возглавлял - политбюро - были не состоянии реформировать его на последовательных рыночных началах. Возникла безвыходная патовая ситуация. В этих условиях внешний фактор стал решающим. Под его воздействием военный комплекс утратил полезность. В 1989 г. рухнула печальной памяти берлинская стена, возвестив конец холодной войны. С ее окончанием стали ненужными гонка

[248] Белоусов Р. А. Коренная перестройка управления экономикой СССР. М., 1989. С. 10.

[249] A Study of Soviet Economy... P. 27.

вооружений и связанные с ней гигантские запасы дорогостоящего оружия.

С тех пор прошли десятилетия со своими неоспоримыми достижениями. Но коммунисты продолжают надеяться вновь повернуть колесо истории вспять к тому времени, когда военное производство с подневольным трудом занимало центральное место в жизни страны. В программе КПРФ 2008 г. записано: " Полному разгрому подверглась промышленность (читай военная промышленность - Ю. И.). Производство металлорежущих станков, например, по сравнению с 1991 г. сократилось в 11 раз... Производство тракторов - в 14 раз, вычислительной техники в 15 раз. Износ оборудования в среднем составляет более 50%. Обрабатывающая промышленность выпускает продукцию лишь в объеме 45% от уровня 1991 г. После 1991 г. не построено ни одного крупного современного предприятия. Исчезли целые отрасли, определяющие технический прогресс - электронная, радио и приборостроение".[250]

Такое падение производства действительно имело место. Ибо, во-первых, с прекращением холодной войны накопленная военная техника сразу же превратилась в утиль, пригодный лишь к переработке в качестве вторичного сырья; во-вторых, то же произошло и с ее выпуском на отсталых предприятиях. Положение стало меняться лишь после дефолта 1998 г., когда наметился рост производства техники с использованием высоких технологий. Этому же способствовал и кризис 2008 г., удешевивший, помимо прочего, строительные материалы, предназначенные для перестройки заводов на современных началах.

Основы тоталитарной экономики, на которых зиждилась неограниченная власть политбюро, оказались подорванными. Всепоглощающее военное производство, в котором государство одновременно было производителем и потребителем, сразу же превратилось в бессмысленное бремя, требовавшее колоссальных затрат. Уже в 1989 г. началось сокращение государственных военных заказов, приоткрыв двери для роста производства продукции, предназначенной для продажи населению.

[250] Программа коммунистической партии Российской Федерации (версия 13 съезда)... С. 31.

Подобная закономерность присуща всем государствам. Наименьшие издержки при этом понесли США, где выпуск товаров для населения и в годы войны оставался на высоком уровне. Наибольшими эти издержки были в СССР, где выпуск товаров для населения был всегда самым низким. Между тем, вопрос о скорейшем переходе к производству гражданской продукции стал для советской промышленности вопросом жизни и смерти, органически исключавшим централизованное распределение трудовых и материальных ресурсов.

Окончание холодной войны благотворно сказалось на многих сторонах жизни СССР. Среди них мы считаем необходимым в данном контексте упомянуть ускорение распада СССР и конец экспансионистской политики Советского Союза, как на Западе, так и на Востоке. Существование вооруженных советской техникой раздутых национальных армий стран Варшавского договора утратило смысл. СССР тем самым лишился основного рычага воздействия на жизнь восточно-европейских стран, препятствовавшего развитию здесь рынка и демократии. Иначе говоря, препятствовавшего их свободному национальному развитию.

Что касается экспансионистской политики на Востоке, то СССР, конечно, мог направлять сюда под безвозвратные кредиты избытки своего ставшего ненужным оружия, но уже при резко сократившейся численности советских инструкторов и прекращении открытого подкупа партийных и государственных руководителей. "С 1950 г. до 1975 г., - пишет Е. Романов, - т. е. за последние 25 лет мы продали оружия на 14,2 млрд. долларов, на 7% больше, чем за этот же срок продали американцы. Если учесть, что продаем оружие на 30-40% процентов дешевле, то, следовательно, и соответственно больше, чем количество оружия проданного американцами".[251]

Кризис производства оружия обусловил и тот распад СССР, который обычно многие сводят только к "бездумным" росчеркам пера в Беловежской пуще. Поставленные подписи были действительно политическими решениями, но за ними скрывалось снятие острейших экономических и политических проблем. Республиканские "единые фабрики" производили главным образом товары для населения. Они находились в зависимости от всесоюзной, сосредотачивавшей в основном

[251] Романов Е. О положении и процессах в стране... 139.

военное производство. С его кризисом ослабли экономические скрепы, удерживавшие республики в рамках единого неделимого государства. Одновременно в самих республиках усилилась борьба за независимость и расширение производства потребительских товаров, восполнявших возраставший дефицит.

Уже в 1990 г. вопрос о республиканской независимости стал ключевым в жизни СССР. Его признаком явилась череда деклараций о государственном суверенитете, застрельщиком которых была Российская Федерация, возглавляемая Ельциным. После принятия 12 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР подобные декларации в 1990 г. были приняты Верховными Советами Украины, Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии, Башкирии, Калмыкии, Чувашии. 21 июля 1990 г. Верховный совет Латвии объявил декларацию сейма от 21 июля 1940 г. "О вступлении Латвии в состав СССР" не имеющей силы с момента ее принятия.

Без обретения республиками суверенитета распад СССР на независимые республики неизбежно пошел бы по югославскому сценарию с длительными этническими и религиозными войнами и взаимными территориальными притязаниями. На территории СССР подобные конфликты в неразвитом виде зарождались в Прибалтике, на Кавказе и в взаимоотношениях других республик. Но они так и не вылились в длительные братоубийственные войны. Официальное признание суверенитета снимало основные противоречия.

Кульминацией противостояния республиканских и союзных руководителей явился заговор ГКЧП, возглавляемый первыми лицами союзного государства - вице-президентом Г. И. Янаевым, премьер-министром В. С. Павловым, министрами обороны Д. Т. Язовым и внутренних дел Д. К. Пуго, а также председателем Верховного Совета А. И. Лукьяновым. Их поддерживал и министр госбезопасности В. А. Крючков, постоянно выступавший с закрытыми сообщениями для заговорщиков.

Их суть была одна: "Демократы готовят переворот. Демократы - агенты ЦРУ. Америка готовит стратегический план захвата СССР с целью поделить национальные богатства между странами НАТО, уменьшить народонаселение, выкачать недра, оккупировать страну".[252] Среди этих обвинений немалое место занимали утверждения о том, что большинство демократов - явные и тайные евреи. В частности, Ельцина долгое время обвиняли в том, что он еврей, скрывающий свою подлинную фамилию Елькин.

Основные события путча разворачивались в Москве. Победителем стал Ельцин, запретивший КПСС и провозгласивший суверенитет России. Беловежское соглашение лишь довершило этот процесс. Без этого соглашения и последовавшего парада республиканских суверенитетов нельзя сегодня понять причин, породивших те мощные интеграционные процессы, которые происходят на огромных просторах европейско-азиатского пространства.

Спектр сил возглавивших новые государства был крайне пестрый - от старой партийно-государственной номенклатуры, спешившей избавиться от московской зависимости, до демократов, представлявших интересы прежде всего другого отряда старой номенклатуры - а именно, директоров стоявших на самостоятельном балансе объединений и строек. Директора стремились по собственному разумению распоряжаться своими заведениями, чтобы, присваивая прибыль, свободно привлекать и увольнять рабочую силу со своих предприятий. Тем самым эпохе государственного принуждения к труду посредством прикрепления работника к рабочему месту наступал конец.

Наиболее последовательно эти интересы директоров отстаивал Ельцин, гордившийся тем, что он, "не допустил охоты на ведьм". "Мы не допустили революции!" - с гордостью говорил он; мы прошли между Сциллой и Харибдой, избежав революции"[253], окончательно открыв простор для ломки прежних отношений во имя развития рынка.

Действительно, после прихода Ельцина к власти никакого радикального слома советской государственной машины не произошло. Большинство перепуганных руководителей неудавшегося путча в конце концов были помилованы и отправлены на покой. Меньшая их часть покончила жизнь самоубийством.

---

[252] Ельцин Б. Записки президента... С. 80.

[253] Цит. по: Белоцерковский В. Продолжение истории: синтез социализма и капитализма. М., 2002. С. 21.

Многие из старой номенклатуры, получив повышение, заполнили вакансии реорганизованного Ельциным государственного аппарата. Последний непосредственно вырастал из старого советского, отторгая тех, кто, утратив свои былые привилегии, был не в состоянии трудиться вне рамок иерархии старого партгосаппарата. За счет отторгнутых пополнялись ряды добивавшихся реставрации завещанных Сталиным порядков.

О связи советской номенклатуры с аппаратом ельцинской власти свидетельствуют данные нижеприведенной таблицы.[254]

Советская номенклатура в постсоветской российской элите 1995 г. в %

	Окружение президента	Лидеры партий	Региональная элита	Правительство	Бизнес-элита
Всего из советской номенклатуры	75,5	57,2	82,3	74,3	61
В том числе:					
Партийной	21,2	65,0	17,8	0	13,1
Комсомольской	0	5,0	1,8	0	37,7
Советской	63,6	25,0	78,6	26,9	3,3
Хозяйственной	9,1	5,0	0	42,3	37,7
Другой	6,1	10,0	0	30,8	8,2

Не вдаваясь в детальный анализ таблицы, отметим лишь несколько наиболее очевидных закономерностей. Во-первых, в окружении президента советская номенклатура состояла в основном из тех, кто в прошлом служил в госаппарате; во-вторых, наибольшую власть она сохраняла в провинции; в-третьих, новые предприниматели были в основном комсомольцами и хозяйственниками, выдвинутыми партинстанциями на руководящие посты.

В России, где 80% населения трудились вне сельского хозяйства, только промышленность могла стать первоочередной

[254] Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 219. Таблица составлена Крыштановской О.

основой перехода к рынку. Трудности же заключались в том, что для этого нужно было не только освободиться от пут централизованного планирования, но и в корне менять производственный профиль: потребность в военной продукции чрезвычайно сузилась, тогда как конвертируемость военного производства в гражданское оказалась крайне ограниченной. Унаследованное с времен холодной войны военное хозяйство было главным препятствием на пути рыночной трансформации нашей страны.

Парадокс истории: там, где милитаризованное производство "единой фабрики" базировалось на развитой многопрофильной индустриальной основе, начальный этап перехода к развитому рынку оказался сопряженным с большими трудностями, чем в отсталой крестьянской стране, где "единая фабрика" со своим неразвитым милитаризованным хозяйством еще оставалась островом в бескрайнем крестьянском море. В первом случае рассматриваемый переход требует ликвидации военных начал индустриального потенциала для того, чтобы корпорации могли удовлетворять рыночный спрос. Во втором - рыночные отношения, начинаясь преимущественно в аграрной сфере, создают благоприятные условия для роста на рыночной основе индустриального производства, как это было, например, на Тайване, в Южной Корее и т. д.

На начальном этапе переход к рынку в нашей стране сказался не столько в том, что производила промышленность, сколько на потребительских предпочтениях населения. Иными словами, уже в самом начале ведущая роль в экономическом развитии принадлежала не военному производству, считавшемуся коммунистической статистикой демиургом производительного развития, а торговле потребительскими товарами и услугами, относимой этой же статистикой к непроизводительным занятиям. Ее рост подстегивал опережающий дефицит, гигантски выросший в последние годы существования тоталитарной экономики.

Говоря словами Дж. К. Гелбрайта, "у населения было больше денег, чем товаров".[255] Только в 1988-1989 гг. было выплачено свыше 30 млрд. рублей неотоваренного фонда

[255] Гэлбрайт Дж., Меньшиков С. Диалог капитализм, социализм, существование. М., 1988. С. 50.

заработной платы.[256] Этот фонд продолжал расти. В частности, в сообщении Госкомстата СССР по итогам 9 месяцев 1990 г. отмечалось, что в обращение было выпущено денег в 1,7 раза больше, чем за соответствующий период прошлого года.

В свою очередь, изобилие денег в условиях дефицита товаров и личных услуг обусловило заоблачный взлет цен, позволяя порой на мизерный капитал сколачивать большие состояния. На ниве торговли для населения стремительно росли частные капиталы Баскина, Ходорковского, Аликперова, на той же ниве в строительстве металлических гаражей - капиталы Гусинского, организации мытья окон - капиталы группы Альфа и т. д. В создававшихся ими позднее корпорациях их собственные капиталы утрачивали частную форму, обретая акционерный вид.

В сферу торговли и услуг устремлялись не только бывшие подпольные дельцы и выходцы из номенклатуры, но и рабочие, ставшие лишними на своих замиравших предприятиях. За счет их подключения к рыночным занятиям промышленность с ее простаивавшими мощностями избавлялась от излишка рабочей силы. Однако по сравнению с сегодняшним днем возможности тогдашней смены занятий были намного ограниченнее из-за неразвитости рыночного производства.

В этих условиях основным источником восполнения дефицита потребительских товаров сделалась заграница. И дело не только в том, что поступление на российский рынок товаров личного потребления резко сократилось из-за распада СССР. Разбросанные на бескрайних просторах Советского Союза многие виды товаров личного потребления в прошлом выпускались в рамках единой страны за пределами РСФСР. При этом из 239-ти важнейших видов продукции бытового назначения 82 производились лишь на одном предприятии и около 90 видов всего на двух.[257]

Качество же этой продукции не удовлетворяло потребностей покупателей.

Сфера покупок товаров в традиционном ширпотребовском исполнении резко сузилась. Ее вытесняли и продолжают теснить красочные товары массового потребления

[256] Трудный поворот к рынку. М., 1990. С. 65.

[257] Там же. С. 172.

индустриально развитого мира, ставшие обязательным ориентиром для российской легкой промышленности.

Глубокий спад ее производства, использовавшего низкокачественное сырье, был неизбежен. С 1991 г. по 1995 г. выпуск шерстяных тканей сократился с 386 млн. до 72,2 млн. квадратных метров, хлопчатобумажных - с 5295 млн. до 1240 млн., льняных тканей с 497 млн. до 133 млн. За эти же годы производство обуви сократилось с 336 млн. пар до 51,6 млн. пар.[258]

Подобное сокращение производства было неизбежно, ибо в условиях рынка не производитель, а потребитель диктует, что и как производить. Хотя для ликвидации отставания с тех пор много делалось, оно полностью не преодолено. Одна из причин: существование рынка вышедших из моды, но зато более дешевых, товаров прежде всего в деревне, где проживает большое число пенсионеров и лиц близких к ним по возрасту.

Еще больше сократился круг покупателей российской тяжелой промышленности. Ее продукция, предназначенная для военных нужд, оказалась в основном никому не ненужной. Между тем только рынок с его диктатом потребителя мог обеспечить руководителям корпораций главенствующее место в экономике и политике реформируемой страны, умножая им возможности присвоения прибавочной стоимости.

В связи с этим руководители корпораций были непосредственно заинтересованы в коренной ломке старой административной подчиненности и в предотвращении появления независимых от них инвесторов, которые могли бы их смещать, препятствуя бесконтрольному распоряжению имуществом корпораций. Иначе говоря, они не хотели ни сохранения административных пережитков, ни существования полнокровных рыночных отношений.

Фактически директора были заинтересованы лишь в том, чтобы самим распоряжаться корпорациями как своей частной собственностью. Поэтому они решительно отвергли ваучерную приватизацию, которую собиралось проводить правительство Гайдара-Чубайса. Первоначально, по замыслу Чубайса, приватизация должна была осуществляться таким

[258] Петраков Н. Я. Российская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 253.

образом, чтобы 25% акций по номинальной цене получили бы работники корпораций, 5% - директора, а остальные пришлись бы на долю сторонних акционеров. Такое распределение могло служить гарантированной предпосылкой существования фондового рынка, где капиталы корпораций были бы, как правило, представлены множеством инвесторов.

Однако такой рынок для директоров был неприемлем. По их инициативе Верховный Совет 11 июня 1992 г. утвердил другой закон о приватизации (Чубайс был вынужден пойти на компромисс), по которому руководители корпораций и их коллективы могли приобретать на ваучеры 51% акций. В итоге директора и их немногочисленные клевреты получили возможность, скупая ваучеры, становиться обладателями контрольных пакетов акций предприятий, которыми они руководили. В соответствии с этим сценарием, в середине 90-х гг. было приватизировано девять десятых компаний.[259]

Закон лишь юридически оформил в рамках РСФСР те отношения, которые стихийно складывались до него. Еще в 1990 г. в СССР был создан Союз Трудовых коллективов, представлявший почти всю тяжелую промышленность и научно-прикладную науку.[260] Новым теперь было то, что, во-первых, был осуществлен переход от декларации о существовании трудовых коллективов к ее реализации в ходе ваучерной приватизации; и, во-вторых, в обстановке роста безработицы прикрепление работника к рабочему месту для руководителей трудовых коллективов стало ненужным бременем. На начало января 1992 г. в России государственной службой занятости было зарегистрировано 60 тыс. безработных.

Их число продолжало расти. Московская статистическая служба в феврале 1991 г. сообщила, что в Москве в текущем году ожидается 100 тыс. безработных. Принуждение к труду превратилось анахронизм. В феврале 1993 г. указом Ельцина оно было юридически окончательно уничтожено: ссылки, высылки, условные осуждения с обязательным привлечением к труду и условные освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду были запрещены.

---

[259] Blasi J. R., Kroumova M., Kruse D. Kremlin Capitalism. Privatizing the Russian Economy. Itaca, 1997. P. 89.

[260] Белоцерковский В. Продолжение истории... С. 29.

Проводившаяся приватизация породила в свое время всплеск споров о том, каким у России мог быть безболезненный путь к рынку, поскольку Чубайс, по мнению большинства спорящих, навязал самый худший "капиталистический вариант" реформирования, обусловленный превращением государственной собственности в частную. В дискуссиях по проблемам "российского капитализма" принимали участие все признанные корифеи нашей экономической науки Л. Абалкин, О. Богомолов, Д. Львов, С. Шаталин, Н. Шмелев и др. В них участвовали и американские экономисты, на которых в качестве главных экспертов с возгласами: "даже они так думают!" постоянно ссылались российские ученые, отстаивая свои почти неразличимые программы.

И здесь нельзя не согласиться с В. Белоцерковским, который в этой связи писал: "Между этими программами нет принципиальной разницы, а главное, номенклатура, оставаясь у власти, никогда не позволила бы лишить себя возможности быстро и за государственный счет приобрести в свое *коллективное* владение самые важные куски госсобственности. "Горвардская программа" была принята номенклатурой именно потому, что она наилучшим образом отвечала ее интересам. И Гайдар с Чубайсом отнюдь не были зачинателями злополучной реформы. Она вызревала исподволь в "недрах старого строя", как любили говорить марксисты уже в эпоху Брежнева".[261]

. Директорам новой формации, в прошлом выдвиженцам КПСС, импонировало неприятие коммунистами частной собственности с полнокровным фондовым рынком. Подавляющее большинство из них продолжали считать себя членами коммунистических организаций, объявлявших себя защитниками интересов рабочих.

Если на рубеже 80-90-х гг. забастовочное движение было направлено против коммунистических властей, то в начале 90-х гг. сами коммунистические хозяйственники инспирировали забастовки и пикетирование с целью получения кредитов, льгот, дотаций и т. п. под лозунгами защиты своих рабочих коллективов.

В частности, общая численность бастующих в ноябре 1993 г. - сентябре 1994 г. в масштабах России была невелика - всего порядка 164 тыс. чел., занятых на пятистах предприятиях,

---

[261] Там же. С. 23.

что равнялось примерно работоспособному населению пары среднего размера областных городов. Стачки и пикеты начинались по сигналам трудонанимателей. Их средняя продолжительность была всего около 4-х дней.[262] Зато воплей по этому поводу в печати хватало с избытком. Под их аккомпанемент власти предоставляли кредиты и другие льготы, за что регулярно получали соответствующую мзду. Нынешнее корыстолюбие властей порождено отнюдь не демократами, а их коммунистическими предшественниками.

Интересы красных директоров, разглагольствовавших о приоритете нужд рабочих коллективов, находились в непримиримом противоречии с теми, кто добивался скорейшего перехода к развитому рынку. В политике эти противоречия фокусировались в противостоянии законодательной и исполнительной власти. Законодательная власть в лице Верховного совета, возглавляемого Хасбулатовым, была оплотом красных директоров, стремившихся в целях своего обогащения сохранить status quo; исполнительная, возглавлявшаяся Ельциным - оплотом тех, кто добивался становления развитого рынка, что неизбежно вело к вынужденным компромиссам. На этой почве нарастали противоречия. Их апогеем стало вооруженное противостояние 1993 г.

Опираясь на поддержку масс, Ельцину удалось подавить мятеж и обрести право издавать законы, минуя Парламент. Но одно дело решать проблемы, пользуясь формально-юридическим обоснованием, другое - решать их в рамках реального сектора, где такого обоснования было явно недостаточно.

Как справедливо говорил дальновидный Потанин, "ваучерная приватизация проводилась не в интересах инвесторов, а руководителей предприятий. Почти все директора из тех, кто только не были круглыми дураками, сохранили полный контроль над всем имуществом своих корпораций. Это был своеобразный компромисс. Если бы мы не удовлетворили интересы красных директоров, мы не смогли бы осуществить приватизацию. Из-за этого управление акционированными

[262] См. Кацва А. М., Патрушев С. В. Трудовые конфликты и забастовки. Октябрь 1993-сентябрь 1994.//Социальные проблемы. Трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. Россия,

компаниями было крайне неэффективным. Руководители расхищали имущество и были некомпетентны (по меркам развитого рынка - Ю. И.)".[263]

Проводимая Ельциным реконструкция промышленности, рассчитанная на удовлетворение рыночного спроса, протекала замедленно. Приватизация действительно разрушила основы "единой фабрики", но ее следы еще чувствовались на каждом шагу.

В условиях рынка имущество предприятий обесценилось, как и та продукция, которая сплошь да рядом не находила сбыта. В данном случае мы говорим о реальных рыночных ценах, а не административно установленных в годы тоталитарного социализма. Последние были в десятки раз выше. Но если раньше их диктовала "единая фабрика" в соответствии с наращивавшимся военным потенциалом, то теперь в условиях рынка эти оценки превратились в ничто, так как цены стал определять потребитель.

Стремясь избавиться от обесценившегося производственного аппарата и нераспроданной продукции, красные директора уповали на получение дармовых бюджетных субсидий, повсеместное использование которых, как известно, было одной из главных черт экономики механизма рухнувшей "единой фабрики". Полученные субсидии, как и остальные денежные средства предприятий, можно было, не дожидаясь инфляционного обесценения переводить в банки, откуда они всякими правдами и неправдами переправлялись в оффшоры, где оседали в иностранных банках на счетах красных директоров.

Пока денежные средства оседали за рубежом на счетах красных директоров, коммунисты считали это нормальным явлением. Тем более что с этих счетов проводилась финансовая подпитка коммунистических организаций. Хозяйственная номенклатура не забывала своих прокоммунистических родичей. За примерами не стоит далеко ходить. До сих пор на слуху скандальное дело ЮКОСА и связанные с ним уголовные процессы.

[263] Цит по: Brady R. Capitalism. Russia s Struggle to Free its Economy. New Haven, 1999. P. 142.

Для красных директоров крайне важно было максимальное увеличение расходов бюджета. Среди многих мифов коммунистической пропаганды, которой вторит немало видных наших ученых, есть расхожее утверждение о том, что бушевавшая в стране гиперинфляция была порождена политикой Гайдара-Чубайса, разоривших страну с благословения Международного валютного фонда.

В действительности же, все происходило с точностью до наоборот. Обратимся к известным фактам. В апреле 1992 г. Съезд народных депутатов потребовал предоставить субсидии промышленности и сельскому хозяйству в размере 1,2 триллиона руб., доведя бюджетный дефицит до 23% валового внутреннего продукта. В ответ правительство Гайдара объявило о своей отставке. Отставка не была принята. В качестве компромисса правительство согласилось предоставить субсидии в размере 200 млрд руб. с расчетом, что бюджетный дефицит составит всего 5% ВВП.[264]

Однако требования увеличения субсидий продолжались. В свою очередь Ельцин не мог не считаться с требованиями красных директоров, которые, выступая организаторами приватизации, так или иначе, создавали предпосылки для появления развитых рыночных отношений. Под давлением Верховного Совета он был вынужден сменить Гайдара на Черномырдина, который в начале 1993 г. санкционировал предоставление красным директорам субсидий на многие сотни миллиардов рублей больше, чем предлагал Гайдар. В стране началась гиперинфляционная вакханалия. Ежемесячный рост цен достиг почти 30%. Годовые темпы их роста на потребительские товары составили 1354%, на средства производства - 1949%.[265]

От заоблачного взлета цен страдали все, кроме корыстных директоров и коррумпированных чиновников, связи между которыми облегчались тем, что они знали друг друга еще с былых времен, будучи в подавляющем большинстве выдвинутыми на руководящую работу партийными инстанциями. Первые получали дармовые субсидии, вторые - взятки за их

[264] См. Иванов Ю. М. Социальная история России в свете трансформации экономических отношений конец XIX века - начало XXI века. От тоталитаризма к рынку (сравнительный анализ) М., 2006. С. 51.

[265] Blasi J. R., Kroumova M., Kruse D. Kremlin Capitalism... P. 35.

предоставление. При этом по сравнению с прошлым размеры взяток многократно возросли вместе с многократно возросшей величиной денежных сумм, перепадавших директорам.

Дармовые бюджетные субсидии, позволявшие с прибылью распродавать обесцененный производственный аппарат и продукцию, гарантировали красным директорам немедленное обогащение, тогда как производственные затраты из-за гиперинфляции кроме убытков ничего не сулили. Вместе с тем, это не исключало существование отдельных прибыльных отраслей, на продукцию которых рынок предъявлял повышенный спрос, обнаруживавшийся в долларовом исчислении.

В условиях открытости рынка в отличие от сегодняшнего дня доллар в России стихийно стал единственно твердой мерой стоимости. Евро в качестве международной валюты тогда еще не было. Возможности прибыльного использования доллара были редки. Громадная же оборонка могла приносить прибыль лишь путем распродажи своих фондов, приспособленной к галопирующей инфляции. В первой половине 90-х гг. на оборонных предприятиях тяжелой промышленности использование производственных мощностей редко превышало 15-20% и в течение ряда лет оставалось на уровне 10%.[266]

Важным следствием гиперинфляции был полный развал денежного обращения, вынуждавший все предприятия, начиная с корпораций и кончая государственными структурами, использовать в своих взаиморасчетах натуральные платежи. Только в октябре 1993 г. взаимная задолженность достигла 28 триллионов рублей, которая преимущественно погашалась натурой. Денежные налоги в бюджет поступали крайне скудно.

Взыскать натуральные долги в государственном порядке было невозможно, так как без денежной оценки, они не могли быть предметом судебного рассмотрения. Их взимание становилось делом частного договора руководителей предприятий, творивших суд и расправу, прибегавших к похищениям неплательщиков, членов их семей, найму заказных убийц и т. д. Эта же практика распространялась и на устранение конкурентов. Для нее создавались собственные службы безопасности, формировавшиеся в первую очередь из

[266] Россия после кризиса 1998 г. Доклад Всемирного банка//Вопросы экономики. 2001 г. № 12.. С. 76.

работников правоохранительных органов. Криминальный беспредел, смыкавшийся с бандитским, был прямым следствием хозяйственной практики красных директоров.

Чудовищный рост цен вызвал обнищание не только пенсионеров и бюджетников, но и большинства рабочих. На предприятиях, где они трудились, им безнаказанно задерживали выплату зарплаты, которая в это время прокручивалась в банках. Их регулярно отправляли в неоплачиваемые принудительные отпуска, либо вынуждали существовать за счет бесплатных обедов в заводских столовых или кредита в заводских лавках, где им предлагали самые дешевые низкокачественные продукты просроченной годности. В частности, в 1995 г. уровень жизни металлургов снизился в 2,5 раза.[267] На многих металлургических предприятиях задержка выплаты заработной платы доходила до 3-х и более месяцев.[268]

Среди многих указов Ельцина, играющих большую роль и в наши дни, следует отметить указ № 1 о социальном партнерстве и предотвращении трудовых споров (забастовок) на основе годичных решений трехсторонней комиссии правительства, профсоюзов и предпринимателей. В условиях чудовищной инфляции закон не срабатывал. Он не мог устанавливать параметры социального мира в переживавшей кризис промышленности. Подобные соглашения возможны лишь тогда, когда происходит рост производства в обстановке предсказуемой инфляции.

Между тем, пишет М. Э. Краморов, “при общем сокращении производства промышленной продукции за 7 лет с 1989 г. по 1995 г. на 55%, производство в отраслях топливно-энергетического комплекса снизилось на 37%, цветной металлургии - на 39%. черной на 49%; машиностроении и металлообработке - на 68% и, наконец, в легкой промышленности на 85%”.[269] Таким образом, во время кризиса в наибольшей мере пострадали не сырьевые отрасли, а отрасли

[267] Краморов М. Э. Социально-экономическое положение трудящихся в горнометаллургиской промышленности: проблемы формирования человеческого капитала.//Горнометаллургический профсоюз России в 90-е годы. Социальные проблемы и организованные действия. М., 1996. С. 10.

[268] Кацва А. М. ГМПР: опыт коллективных действий// Там же С. 41-42.

[269] Краморов М. Э. Социально-экономическое положение трудящихся в горно-металлургической промышленности... С. 8.

перерабатывающей промышленности, определявшие степень индустриального развития страны.

Подсчитано, что в 1994 г. средний российский рабочий производил в промышленности товаров и услуг на сумму 4031 дол., или 337 дол. в месяц; в сельском хозяйстве - на сумму 1777 дол.[270], или 151 дол. в месяц. Из этих сумм производителям доставались крохи. С 1-го февраля 1993 г. минимальная оплата работников ведущих промышленных предприятий, находившихся на бюджетном финансировании, составляла 2250 руб. или менее 5-ти дол. при курсе 474 рубля за один доллар.[271] Тем самым чрезвычайно суживался платежный спрос на потребительские товары и личные услуги, высокая величина которого является неотъемлемой предпосылкой существования развитого рынка. Последний душился на корню.

Нищенское существование рабочих и крестьян обеспечивало корпорациям высокие сиюминутные прибыли, которые посредством вкладов в иностранные банки оседали в карманах красных директоров. Тем самым нищавшая Россия с ее голодающим населением обрекалась финансировать индустриально развитый мир, ускоряя его развитие.

С точки зрения перестройки промышленности на базе новейших технологий такое хозяйствование было губительно. Новые технологии могут прибыльно внедряться лишь там, где они обеспечивают более низкие издержки по сравнению с затратами при использовании рабочей силы. Когда эти затраты мизерны, ручной труд и отсталые технологии успешно конкурируют с наукоемкими образцами.

Таким образом, экономика России к середине 90-х гг. оказалась в порочном кругу: с одной стороны, ее выживание определялось безмерным государственным субсидированием, порождавшим гиперинфляцию и нищету масс, с другой, - подобное ее выживание препятствовало подъему производства на базе использования новейших технологий. Субсидирование, гиперинфляция и нищета масс были прямым наследием эпохи централизованного планирования, препятствовавшим рыночному прогрессу страны.

[270] Blasi J. R., Kroumova V., Kruse D. Kremlin Capitalism... P. 24.

[271] См. Ельцин Б. Записки президента... С. 276-277.

Вряд ли здесь стоит останавливаться на всех перипетиях отчаянной борьбы сторонников Ельцина с инфляцией, которую в интересах красных директоров и тех, кто рассчитывал на реставрацию административного распределения всего и вся, отстаивал парламент. Достаточно вспомнить, что в ее разгар утвержденный парламентом бюджет на 1993 г. вдвое превышал тот, который предлагало правительство. В этих условиях для Ельцина и его сторонников государственные краткосрочные обязательства (ГКО) были единственно доступным средством избавляться от громадного излишка обесценившихся денег.

Самое замечательное, что наша "передовая" экономическая наука обычно трактовала ГКО исключительно под углом зрения быстрого обогащения российских и зарубежных банков и просто предприимчивых спекулянтов.[272] При этом намеренно либо невольно упускалось из виду, что ГКО позволяли боровшемуся с инфляцией правительству Ельцина изымать из обращения громадные денежные суммы. Разумеется, это не исключало того, что банки и просто спекулянты действительно чудовищно обогащались. Страна платила вынужденную дань из-за тех, кто, опираясь на прокоммунистическое лобби, утверждал бюджет с чудовищным дефицитом.

Обычно Ельцину ставят в вину дефолт 1998 г., превративший рубль в реально конвертируемую валюту. Дефолт действительно болезненно сказался на положении народа. Но без него последовавший подъем реального сектора экономики и улучшения положения широких масс были бы невозможны.

Эпоха Ельцина - эпоха разрушения экономики тоталитарного социализма и начавшегося перехода к современному рынку. Многие проблемные стороны нашей жизни, которые сегодня мы успешно решаем: начиная от приватизации жилья и земельных участков, решения жилищной проблемы, борьбы с чиновничьей коррупцией и т. д. и кончая договором СНГ-2, проблемами сплочения Содружества на постсоветском пространстве, были четко намечены еще в те годы, когда президентом был Ельцин.

---

[272] См. Шмелев Н. Монетарная политика и структурные реформы в экономике постсоветской России//Вопросы экономики. 2002. № 5. С. 30.

В его лице Россия имела устремленного в рыночное будущее современного руководителя. Строго соблюдая конституцию, он умел решать в официальной и неофициальной обстановке сложнейшие вопросы государственной политики, апробируя свои решения во время встреч с массами.

Его пророческие высказывания еще в годы противостояния с Белым домом до сих пор не утратили свою актуальность. "Какие великие исторические решения, - писал он, - должен был принять съезд сидящий в Белом доме? Быстренько вернуть нашей Родине "былую славу"? Присоединить Крым к России? Объявить Молдавию, Грузию, Украину, Среднюю Азию, Прибалтику зоной исконно русских интересов? И сказать, что всех несогласных ждет встреча с русским оружием. И это было бы лишь началом. Куда более "смелые и решительные" ждали своего часа. Люди, которых обуревает жажда глобальной войны с западной цивилизацией. А началась бы эта война с войны внутри России, с местными врагами - со всеми, кто думает иначе, кто прислуживает ельцинистам".[273]

Эти же идеи сегодня вынашивают и наши левые радикалы. Достаточно почитать в этой связи программу КПРФ, принятую в декабре 2008 г. на очередном 13 съезде. Но их надежды несбыточны. Зачинщики разжигания подобной войны внутри страны по закону о борьбе с терроризмом теперь подвергаются преследованиям без малейших шансов остаться им безнаказанными.

---

[273] Ельцин Б. Записки президента... С.390-391.

ПОСЛЕКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД: НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

На рубеже XX-XXI веков в России исчезли административные и юридические препоны на пути перехода к рынку. Но этого оказалось недостаточным для наращивания рыночных отношений, отторгавших военизированное производство с минимальным потреблением населения. Без гарантированного сбыта, его уровень катился вниз. Положение усугублялось еще и тем, что сам мировой рынок приобрел качественно новые черты, понуждавшие ускорять, перестройку отсталой российской экономики.

Вместо множества национальных государств, каждое из которых замыкалось на решении собственных проблем, на мировой арене появились региональные объединения. Их особенность – объединение в рамках региона независимых государств, передающих часть своих суверенных полномочий созданной ими региональной организации. Эти же организации распоряжаются золотовалютными резервами для проведения совместных акций в целях обеспечения международной безопасности, координации усилий в борьбе с терроризмом, защиты режима нераспространения ядерного оружия, а также решения региональных экономических задач.

Теперь вся территория планеты расчленена между региональными объединениями. Их связи намного многограннее, намного насыщеннее, чем раньше, когда мир был поделен между национальными государствами. На этой почве происходит трансформация таких ведущих международных организаций как ООН и Совет Безопасности, куда принимаются новые члены, представляющие наиболее динамично развивающиеся регионы мира. Новые представители региональных объединений появились и в Международном Валютном Фонде и в Международном Банке.

Россия, едва вступив на путь рыночного развития, оказалась втянутой в зрелые процессы, породившие современный международный кризис. Для многих других стран кризису предшествовало не одно десятилетие ликвидации тарифных барьеров и формирования региональных общих рынков. В связи с этим, с одной стороны, нам приходится форсировать развитие собственного рынка, с другой, - в ускоренном темпе создавать региональный общий рынок на базе интеграции стран, входивших в прошлом в состав СССР. При этом возросла роль централизованного планирования.

Вмешательство государства в экономическую жизнь – централизованное планирование - всегда играло определяющую роль в возникновении региональных общих рынков, предусматривавших снижение и ликвидацию тарифных барьеров, региональное регулирование международных потоков капитала, валютных курсов и т. д. Подобное планирование широко применялось в развивающихся и в развитых странах.

С появлением электронных платежей его формы изменились. Одно лишь ускорение переводов денежных средств и ценных бумаг повысило их доходность. «Снижение реальных долгосрочных процентных ставок, наблюдавшееся последние двадцать лет, - пишет А. Гринспен, - связано с ростом отношения «цена/прибыль» для акций, недвижимости, да и вообще любых доходных активов. С 1985 по 2006 год рыночная стоимость общемировых активов опережала по темпам роста мировой ВВП (исключением стали 2001 и 2002 годы). В результате произошло значительное увеличение общемировой ликвидности. Цены акций и облигаций, жилой и коммерческой недвижимости, предметов искусства и многих других активов резко выросли».[274]

Электронные платежи способствовали широкому распространению утверждений (эту точку зрения разделяет, в частности, А. Гринспен), что «вопрос централизованного планирования сегодня снят с повестки дня», что на смену ему « в большинстве регионов мира пришел рыночный капитализм».[275] Но что такое централизованное государственное планирование? Это принятие государственным центром мер,

---

[274] Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы М., 2008. С. 23.

[275] Там же. С. 21 .

эффект от которых скажется через определенный промежуток времени независимо от того, используется микроэлектроника или нет. При этом цели планирующих могут быть прямо противоположные.

В частности, в связи с переходом к нэпу Ленин предлагал привлекать иностранный капитал для добычи сырья, чтобы обменивать добытое сырье на машины и оборудование для крупной промышленности. Что касается деревни, то она должна была сама производить предметы кустарной промышленности, способствуя росту рыночных отношений индивидуальных хозяйств.[276] Ленин пытался наладить централизованное государственное планирование для развития рыночных отношений. Сталин после его смерти применял этот же централизованный государственный аппарат для полного уничтожения этих отношений. Сегодня же посредством его использования золотовалютные резервы России распределяются по отраслям, чтобы устранить препятствия на пути свободного функционирования рынка. Подобное распределение практикуется и в других странах, включая США.

В частности, в США в 2006 г. из 343 млрд. долл. общих затрат на НИОКР (разработку новых высокотехнологичных продуктов, технологий и оборудования для их массового производства) федеральное финансирование составило 132,3 млрд. долл. и было в основном направлено на снижение рисков компаний – отраслей при разработке принципиально новых продуктов и технологий.[277] Без централизованного планирования теперь уже невозможно руководить экономическими процессами на всех уровнях, в том числе международных.

Его необходимость сказывалась еще при Ельцине. Централизация аппарата государственных должностей послужила предпосылкой решения многих задач, включая распределение золотовалютных резервов. Но самих резервов у Ельцина не было. Из-за их отсутствия Россия не могла стать мировой державой, играющей ключевую роль в формировании

[276] Подробнее см. Иванов Ю. М. Чужой среди своих. (Последние годы жизни Ленина) М., С. 67, 69.

[277] Велихов Е. П., Бетелин В. Б., Кушнеренко А. Г. Промышленная политика инноваций. Массовые информационные технологии, Отечественные системообразующие компании. М., 2007. С. 12.

нового экономического порядка. В этих условиях ей приходилось быть лишь пассивным участником событий, когда мировое сообщество содействовало рыночному решению российских проблем.

Как известно, «геополитический баланс в послевоенную эпоху держался на оси СССР – США. Но как только в августе 1991 г. провалился путч, затеянный коммунистами, США первыми начали разрушать этот баланс. «Джордж Буш немедленно организовал международную поддержку России, ведя переговоры с лидерами стран НАТО, делавшими соответствующие политические заявления». В сентябре – октябре 1993 г. «все лидеры стран Запада, - пишет Ельцин, - однозначно поддержали мои шаги, предпринятые для выхода России из тяжелого политического кризиса».[278]

Подводя итоги, Ельцин писал в 1994 г.: «Практически все руководители и правительства крупнейших западных государств, стран Восточной Европы, Азии Америки, лидеры стран третьего мира высказались за тот путь выхода из политического кризиса, который я предложил своим указам от 21 сентября 1993 г».[279] Пытавшиеся свергнуть Ельцина противники рыночных преобразований на международной арене оказались в глубокой изоляции.

Однако на интенсивности внешнеэкономических связей изоляция противников Ельцина практически не сказалась. Приток в Россию прямых иностранных инвестиций оставался ничтожным. По данным Конференции ООН по торговле и развитию в 2001-2003 гг. на страны Восточной Европы, включая Россию, приходилось всего лишь 4% их доли на мировом рынке.

Ничтожная доля прямых иностранных инвестиций – не счастье, а беда нашей заметно прогрессирующей экономики. Но среди наших ученых так считают далеко не все. «Наибольшая угроза развитию экономики России и в ближайшей и, особенно, в далекой перспективе, - пишут они, - заключается в окончательно сформировавшейся за эти годы полной зависимости от зарубежных компаний... Так по данным (NEWS) доля решений информационных технологий (ИТ) на российском

[278] Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С. 171, 172, 177.

[279] См. Там же: С. 370.

рынке, принадлежащих этим компаниям, составляет более 90%.[280]

Такие ученые правильно указывают, что согласно проекту Программы социально-экономического развития Российской Федерации, «отсутствие спроса отечественной промышленности на инновационную продукцию приведет к развитию экономики чужих знаний». Но чтобы этого не было, нужно не чураться иностранных компаний, а наоборот привлекать их капиталы вместе с принадлежащими им инновационными технологиями, для внедрения их в нашу жизнь.

В эпоху существования множества региональных рынков переливы капиталов между составляющими их государствами и самими региональными образованиями ускоряют экономический прогресс на основе современного разделения труда. Прямые иностранные инвестиции отныне отнюдь не признак закабаления страны иностранной державой, а свидетельство выравнивания уровня развития участвующих сторон.

Подобно другим рынкам, рынок, объединяющий Россию, Казахстан и Белоруссию, по мере роста своих внутренних интеграционных связей все теснее переплетается с остальными региональными рынками, составляющими единое мировое хозяйство. Российский рубль превратился в признанную мировым сообществом валюту. Однако дальнейшее развитие мирового сообщества сдерживается непредсказуемыми колебаниями региональных валют, измеряемых в американском долларовом эквиваленте.

В течение длительного времени доллар играл роль мировой валюты. На мировом рынке доля капитала в форме прямых иностранных инвестиций в экономику США и ЕС в 90-х гг. составляла 71%, опережая по темпам динамику роста ВВП.[281] Сегодня последствия колебаний доллара становятся все менее предсказуемыми и все более разрушительными. Доля США в мировой торговле сокращается абсолютно и относительно. Как показал прошедший кризис, доллар все менее способен регулировать международные валютные связи. На повестке дня

[280] Велихов В. Б.Бетелин А. Г., Кушниренко А. Г. Промышленная политика... С. 30.

[281] Приписнов В. , канд. экон. н. Мировая экономика: быстрый подъем по скользкому склону//Год планеты. Выпуск 2004 года. С. 289.

стоит создание новой, общепризнанной мировым сообществом валюты, свободной от партикулярных манипуляций каких-либо региональных объединений. Выявившаяся неспособность доллара выполнять функцию мировой валюты и настоятельная потребность в ней мирового хозяйства и составила суть уходящего международного кризиса.

Что касается нашей валюты, то внутри страны она имеет двоякое предназначение. Частично, ее тратят для приобретения за рубежом имеющие электронные устройства машины и оборудование, чтобы освоить их производство в России; частично, для приобретения потребительских товаров, чтобы восполнить имеющийся дефицит. Его преодоление – необходимое условие процветания российской экономики. В противном случае наш импорт будет способствовать лишь росту производства в странах- производителях, обрекая нас на зависимое существование.

Сегодня зависимость экономического прогресса от роста потребления среднестатистической семьи у экономистов-практиков не вызывает сомнения. Для многих видных западных теоретиков (в том числе и А. Гринспена) показатели этого роста – свидетельства «капиталистического» происхождения. Тем самым обусловленный существованием частной собственности «гуманный» капитализм противопоставляется отрицающему его негуманному социализму. Точку зрения А. Гринспина разделяют и многие российские ученые.

Следует иметь в виду, что ранние социалистические идеи, далекие от идей подлинного социализма, возникали в те годы, когда господствующей фигурой непосредственного производителя был не наемный рабочий, а деклассированный. Основным источником существования последнего была не зарплата, а долги, которые он с процентами выплачивал кредитору. Среди руководителей деклассированных особой популярностью пользовались идеи обобществления всего и вся, низведения индивидуального потребления народа до максимально низкого уровня.[282]

[282] См. Программа Коммунистической партии Российской Федерации (версия 13 съезда)//Коммунист № 1. Январь-февраль 2009 г.; Информационный бюллетень Московского городского отделения КПРФ//Советская Россия 16 августа 2009 г.

Первоначально подобные общества Маркс и Энгельс считали коммунистическими.[283] Но еще до того как указанные идеалы были впервые воплощены в жизнь русскими большевиками, Маркс и Энгельс перешли на позиции защиты интересов пролетариата, источником существования которого была заработная плата.

В ее росте заинтересован и работающий и тот, кто его нанимал. «Хотя каждый капиталист, - пишет Маркс, - и требует, чтобы его рабочие делали сбережения (имеется в виду экономия на потреблении – Ю. И.), но он требует, чтобы это делали только его рабочие, ибо они противостоят ему как рабочие, но ни в коем случае не остальная масса рабочих, так как остальные рабочие противостоят ему в качестве потребителей. Поэтому, вопреки «благочестивым» фразам капиталист выискивает всяческие средства, чтобы стимулировать их потребление, придать своим товарам большую привлекательность, навязать рабочим новые потребности».[284]

Новые же потребности неизбежно влекут за собой удорожание потребления, а вместе с ним и удорожание стоимости рабочей силы. «В качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства, - подчеркивает Маркс, - капитал гонит труд за пределы, обусловленные природой потребностей рабочего, и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве и в своем потреблении...».[285]

Почти во всех странах губительное падение производства, сопровождавшееся губительным падением индивидуального потребления, поучительно обнаруживалось в период недавнего международного кризиса. В России Президент и Премьер-министр предпринимали во время кризиса и продолжают предпринимать после него все от них зависящее, чтобы поднять производство, а вместе с ним и народное потребление. В то же время немало руководителей корпораций, прикрываясь кризисом, понижают либо задерживают заработную плату и увольняют сотрудников с целью

[283] Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Т. 4.

[284] Маркс К. Экономические рукописи 1957-1959 гг. Т. 46. Ч. 1. С. 240-241.

[285] Там же. С. 282.

незаконного обогащения. Такие руководители не думают ни о расширении производства, ни о судьбах занятых на их предприятиях. Главное, о чем они пекутся, это о своей благопристойности, чтобы иметь возможность обогащаться, будучи своими в погрязших в коррупции властных структурах.

Мы уже отмечали, что первичными обладателями стоимости являются отнюдь не корпорации, где эта стоимость создается, а фирмы, осуществляющие превращение товарной формы продукта в денежную. В таких случаях платежный спрос выражает не корпоративную, а общественную значимость труда, затраченного при производстве товара.

При этом общественно-необходимые затраты труда, как правило, не совпадают с корпоративными. Если они выше корпоративных издержек, то излишек достается покупающему, если ниже, то в бедственном положении оказывается, создатель товарного продукта.[286] Международный кризис лишь увеличил такого рода убытки, вынуждая производителей удешевлять производственные затраты за счет форсированного внедрения новых технологий. Неслучайно в начале XXI века около 80% работников в США и Европы были заняты производством знаний, технологии либо программных продуктов.[287]

Как известно, еще Маркс отмечал, что труд, воплощенный в предметность, может быть производительным трудом, трудом, создающим стоимость, независимо от того, является ли он физическим или интеллектуальным. «Поскольку мы отвлекаемся от самой рабочей силы, - пишет он, - производительный труд сводится к такому труду, который производит товары, материальные продукты, изготовление которых стоило определенного количества труда или рабочего времени. В число этих материальных продуктов включены все произведения искусства и науки, книги, картины, статуи и т. п., поскольку они существуют как вещи».[288]

Товар, выпускаемый корпорациями, может быть разнообразен: например, прибор, созданный работающим по найму ученым и запатентованный компанией, рекламный продукт, продукт программиста и т. д. Иначе говоря, всякий

[286] См. Иванов Ю. М. Социализм каков есть. М., 2003. С. 151.

[287] Макаров В. Л., Клейнер Г. Б. Микроэкономика знаний. М., 2007. С. 6.

[288] Маркс К. Теории о производительном и непроизводительном труде. Т. 26 Ч. 1. С. 155.

интеллектуальный труд наемного работника, создающего предметность, может воплощать стоимость и прибавочную стоимость. Но ее подлинную величину в общественно необходимом виде определяет лишь покупатель. Если же такого покупателя нет, то это означат, что трудовые затраты исключительно корпоративны и не являются общественно необходимыми.

Сказанное не исключает и того, что корпоративные издержки порой становятся общественно-необходимыми. Это происходит тогда, когда корпорация обладает монополией, и покупатель вынужден приобретать товар по предложенной продавцом цене. В таких случаях трудовые издержки корпорации совпадают с общественно необходимыми, что подразумевает отсутствие конкурирующих производителей. В условиях международного кризиса подобные решения корпоративных проблем (они всегда противозаконны) умножились.

Помимо работников, создающих предметность, в корпорациях имеется обширный штат наемных работников, занятых организацией производства. Их конкретный труд, труд в текущем состоянии, тоже обеспечивает производство прибавочной стоимости и поэтому является производительным. Маркс прав, когда пишет: «К числу этих производительных работников (речь идет о работниках, производящих прибавочную стоимость – Ю. И.) принадлежат все те, кто так или иначе участвует в производстве товара, начиная с рабочего в собственном смысле слова и кончая директором, инженером (в отличие от капиталиста)».[289]

Однако в отличие от труда рабочего конкретный труд директора не овеществляется в предметности, не воплощается в товары и услуги, следовательно, непосредственно не создает никакой стоимости. Его труд необходим лишь для того, чтобы другие создавали прибавочную стоимость, за счет внушительной доли которой, как доказал еще А. Смит, он существует. Маркс разделял эту точку зрения А. Смита.

«Часть заработной платы, - писал он, - на основе капиталистического способа производства выступает как интегральная составная часть прибыли. Эта часть, как правильно установил уже Смит, выступает в чистом виде, самостоятельно и

[289] Там же С. 138.

совершенно обособленно, с одной стороны, от прибыли (как суммы процента и предпринимательского дохода), с другой стороны, от той части прибыли, которая остается за вычетом процента как так называемый предпринимательский доход, выступает в форме содержания управляющего в таких видах предприятии и т. д., которых допускают такое разделение труда, что можно установить особую заработную плату для управляющего».[290]

По мере того, как организация производства прибавочной стоимости сосредотачивалась под началом директоров, капиталист становился излишней фигурой в сфере ее производства. Об этом еще в конце XIX хорошо писал Энгельс: «Что же представляет собой частное капиталистическое производство? – риторически спрашивал он. – Производство, которое ведется отдельным предпринимателем; а ведь оно уже все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами – это уже больше не частное производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц».[291] Сказанное дало ему основание обоснованно утверждать, что «вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работающий на ручном станке».[292]

В итоге производство для рынка приобрело качественно новые черты. Оно утратило частный характер, превратившись в акционированное производство многих заинтересованных лиц. Иначе говоря, оно стало общественным, что не исключало широкого использования как частных, так и общественных, в том числе и государственных капиталов, дающих возможность регулировать производство в интересах всего общества.

Изменилось и отношение к потреблению непосредственных производителей. При капитализме оно сводилось к минимуму, теперь же все общество стало заинтересованным в росте потребительского спроса,

[290] Маркс К. Капитал. Т. 25. Ч. 1. С. 422.

[291] Энгельс Ф. К Критике проекта социал-демократической программы 1891 г. Т. 22. С. 234

[292] Энгельс Ф. Общественные классы – необходимые и излишние. Т. 19. С. 298-299.

создающего «материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении...».[293]

Указанный переход в качественно новое состояние не требовал, связанных с насилием общественных потрясений. В капиталистическом обществе, говоря словами Маркса, «отдельные частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями».[294]

Благодаря такому обмену вещные отношения сами, помимо воли людей, стихийно корректируют юридические нормы производственных связей, внося изменения в разделение труда, имущественные отношения и т.д. Тот самый товарный фетишизм, который так не жаловали основоположники марксизма, на деле оказался благом, а не недостатком, поскольку определяемое рынком движение вещей дает возможность преодолевать инерцию норм, закрепленных надстройкой и постепенно приспосабливать их к изменениям в производительных силах.[295]

Возможности подобного стихийного перехода из одного состояния в другое порой не замечают многие известные ученые, например, американский исследователь А. Гринспен – автор книги «Эпоха потрясений». А. Гринспен собрал множество фактов из истории рыночного хозяйства и на их основе даже смог даже предсказать появление текущего международного кризиса. Однако он так и не понял сущности происходящих изменений, объясняя их возникновение психологией: страхом, паникой и т. д. То же самое, например, утверждает у нас Президент - ректор Российской академии предпринимательства - В. Балабанов, когда пишет, что «психологи установили, что

[293] Маркс К. Экономические рукописи 1857-11859 гг. Т. 46. Ч 1. С. 282.

[294] Маркс К. Капитал. Т. 23 С. 83.

[295] Подробнее см. Иванов Ю. М. Истоки противоборства коммунистов и социал-демократов//Иванов Ю.М. Очерки теории и практики тоталитарного социализма М., 1997.

поведение человека чаще иррационально, а факт принятия ошибочных решений не случаен».[296]

Не понятой ни тем, ни другим осталась и суть рассматриваемого российского кризиса. Оба они сторонники до сих пор модного направления, утверждающего, что во всемирном масштабе осуществляется переход от социализма к капитализму.

Изучая экономику капитализма, Маркс и Энгельс предсказали немало верного и неверного о появлении социалистического общества и его грядущем характере. И это было неизбежно. Без знания прошлого невозможно понять надвигающегося будущего, раскрывающего исследователю порой не полностью лишь отдельные черты, в отличие от сложившейся цельности, присущей настоящему.

Трудности в познании грядущего особенно сказались на разработанной Марксом теории стоимости, исходившей из того, что производство на фабриках носит непосредственно общественный характер. В его концепции стоимости производство определяло все, не оставляя малейшего места в ней для потребления, что отвечает сегодня требованиям коммунистов наращивать стоимость в процессе производства, минимизируя при этом потребление тех, кто ее производит.

«Товар как всеобщая необходимая форма продукта непосредственных производителей, - пишет Маркс, - наглядно обнаруживается в производстве в широком масштабе, которое создается развитием капиталистического производства, в односторонности и массовости продукта, которая неизбежно придает ему общественный и тесно связанный с общественными отношениями характер; напротив, его непосредственное отношение в качестве потребительной стоимости к удовлетворению потребностей производителя выступает как нечто совершенно случайное, безразличное и несущественное».[297]

В связи с этим в качестве абсолютного выражения стоимости он вслед за Риккардо предложил использовать время, затраченное на производство товара. «Общественно

[296] Балабанов В. О задачах профессиональной подготовки предпринимателей России//Год планеты. Выпуск 2004 года. С. 266.

[297] Маркс К. Капитал. Книга первая. Результаты непосредственного процесса производства. Т. 49. С. 7.

необходимое рабочее время, - пишет Маркс, есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда».[298]

Но временем можно измерять труд только в текущем состоянии, характеризуя продолжительность производственных процессов, в том числе и процессов, обусловленных потреблением рабочей силы, тогда как стоимость, по Марксу, образует (и это верно) законченный, застывший в предметах овеществленный труд. В отличие от труда в текучем состоянии этот труд уже лишен какой бы то ни было продолжительности. Поэтому его общественное бытие невозможно измерить временем. Сам факт его существования в общественно необходимом виде может быть обнаружен только вне производства, только вне стен фабрики, а именно в обмене товаров, где он в превращенной форме, в форме стоимости получает свое собственное выражение, отличное от воплощающей его натуральной формы товара.

Предложенное же Марксом измерение стоимости, или, говоря иначе, общественно необходимого овеществленного труда, посредством общественно усредненного рабочего времени стало возможным лишь потому, что он ошибочно полагал, будто бы величина стоимости определяется самим фабричным производством, уже имеющим общественный характер.

Как известно, Маркс гордился тем, что ему удалось доказать двойственную природу содержавшегося в товаре труда, его конкретный и абстрактный характер, подчеркивая при этом, что первый создает потребительную стоимость, второй – стоимость. Раскрытие двойственности содержащегося в товаре труда было действительно выдающимся событием в истории политэкономии, впервые потребовавшим изучения диалектики присущих товару противоречий: стоимости, обусловленной затратами абстрактного труда, и потребительной стоимости, обусловленной его конкретностью. Однако сам Маркс, следуя своему исходному постулату, был не в состоянии последовательно выявить эту двойственность в своих исследованиях. Пользуясь временем для измерения величины

[298] Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 47.

общественно необходимых затрат овеществленного труда, он фактически подменял измерение абстрактного труда измерением конкретного труда.

Вместе с тем, использованный им логический метод исследования, освобожденный от описаний исторической конкретики, стал подлинным прорывом в изучении диалектики противоречий, включая противоречия, присущие стоимостным отношениям. Энгельс дал очень точную характеристику указанному методу. «Этот метод, в сущности, является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того должен начаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме».[299]

Маркс, действительно, начинает исследование стоимости в «абстрактной и теоретически последовательной форме» с того, с чего начинается история товарообмена, а именно с анализа его простейшей формы в виде случайного непосредственного обмена одного товара на другой, в котором определяющие их бытие гены еще не успевают полностью раскрыться, приобретая присущие им противоположные черты.

За выведенными Марксом выражениями стоимости, в сущности, скрываются по-разному участвующие в обмене лица: один из них – производитель, продающий товар, другой его покупатель. Первый у Маркса представлен товаром в относительной форме, в качестве примера которого взят набивший оскомину в работах его коммунистических эпигонов холст, второй – в эквивалентной форме, в качестве примера которого избран не менее набивший оскомину в этих работах сюртук. Их подмена другой товарной чернью считалась у коммунистов высшим проявлением творческого осмысления марксизма.

Маркс прав, указывая на то, что в непосредственном обмене товаров холст и сюртук находятся одновременно в непосредственном обмене в относительной и эквивалентной форме стоимости. Однако при этом он подчеркивает, что это имеет место «для двух различных лиц и, что не менее важно, различных выражениях стоимости (имеются в виду выражения:

[299] Энгельс Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии». Т. 13. С. 497.

холст – сюртук и сюртук – холст – Ю. И.), которые лишь проявляются одновременно. Для А его холст находится в относительной форме стоимости, товар другого, сюртук, напротив, находится в эквивалентной форме. Обратное имеет место с точки зрения Б. Итак «один и тот же товар никогда, даже и в этом случае, не обладает обеими формами одновременно в одном и том же, выражении, стоимости».[300]

Действительно, «один и тот же товар не обладает одновременно обеими формами в одном и том же выражении стоимости», что послужило отправной точкой научного изучения диалектики стоимости и потребительной стоимости. Однако подлинное единство и противоречие этих форм в одном и том же выражении стоимости далеки от тех, каких им приписывает Маркс.

По Марксу, товар продавца (холст), представленный в относительной форме, играет активную роль, тогда как товар покупателя (сюртук), представленный в эквивалентной форме, играет пассивную роль. «Степени развития относительной формы стоимости, - пишет Маркс, - соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако – и это важно отметить – развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы стоимости».[301] В связи с этим в рассматриваемом отношении сюртуку отводилась роль быть лишь «зеркалом», образом» стоимости холста. Иначе говоря, по Марксу, содержание стоимости воплощал холст, тогда как сюртук служил той формой, в которой это содержание проявлялось.

Производство для него, как мы уже неоднократно убеждались, - единственное, что определяет величину стоимости, обретающую в процессе обмена отличное от рабочего времени относительное выражение. Поэтому эквивалентная форма здесь лишь пассивный результат косвенного выражения необходимого рабочего времени, затраченного общественно средней рабочей силой ткача на производство товара.

Между тем, подлинным активным началом рассматриваемого обмена является отнюдь не товар продавца, представленного по Марксу в относительной форме стоимости, а товар покупателя, воплощающего в данном отношении

[300] Маркс К. Форма стоимости. Т. 49. С. 141.

[301] Маркс К. Капитал. Т. 234. С. 74.

самостоятельное, независимое от холста бытие стоимости в образе сюртука. Лишь в ходе обмена частный труд продавца получает общественное признание в лице покупателя, измеряющего в нашем примере сюртуковой плотью овеществленные для других затраты ткача. Таким образом, вопреки анализу Маркса, содержание стоимости здесь воплощает сюртук, тогда как холст служит лишь той натуральной формой, в которой это содержание проявляется.

Следуя постулатам классической английской экономии, отражавшей состояние тогдашнего рынка, Маркс ограничивал трудовое происхождение стоимости исключительно сферой производства. Тем самым его анализ искажал связь стоимости с платежным спросом вообще и спросом производителей в особенности.

Но при этом нельзя забывать, что в указанный период для предпринимателей «безграничная эксплуатация дешевой рабочей силы составляла единственный базис их способности к конкуренции»[302]. Минимальное потребление производителей было правилом. Широкое распространение получила долговая кабала (капиталистический паразитизм – выражение Маркса и Энгельса – Ю. М.), множившая ряды деклассированных. На этой почве в Европе, а затем и в России широкое распространение получили теории первородства деклассированных в борьбе за социализм, против чего в 70-х гг. решительную борьбу от имени Первого интернационала повели Маркс и Энгельс.

Как показывает анализ категории стоимости, в ходе исторического развития происходила фиксация ее односторонности в виде товара продавца на одном полюсе и денег покупателя на другом.[303] Выставленные на продажу товары, по Марксу, это непосредственно деньги: в ценниках продавцы сами определяют свои общественно необходимые затраты. Причем изменения цен в таких случаях, как он считал, было «следствием увеличения или уменьшения количества средств обращения при неизменившейся меновой стоимости товаров».[304]

[302] Маркс К. Капитал Т. 1. М., 1949. С. 481.

[303] См. подробнее: Иванов Ю. М. Социализм каков есть. М., 2003.

[304] Маркс К. К критике политической экономии. М., 1951. С. 161.

Неразвитость связанных с капиталом рыночных отношений, естественно не могла не сказаться на представлениях о них автора «Капитала». Его выводы о примате производства над потреблением, иллюзорности выражения общественно-необходимого труда в бумажных деньгах и благоприятных возможностях для введения натурального распределения послужили теоретическим обоснованием появления тоталитарного социализма.

Сказанное отнюдь не означает, что возникновение якобы социалистических тоталитарных форм в отсталых аграрных странах было прямым следствием указанных выводов. Появление здесь тоталитарного социализма было обусловлено независимо от них стихией классовой борьбы деклассированных масс, что не исключало использования в ее ходе марксистских наработок в качестве исторического обоснования неизбежности возникновения призванного осчастливить все человечество тоталитаризма.

Известное предложение Риккардо измерять стоимость произведенных товаров усредненным рабочим временем было развито Джоном Греем, предложившим обменивать товары без денег. Сам Маркс полагал, что при коммунизме произойдет натуральное распределение продуктов труда. Поэтому для него теория Грея оставалась выведенной из неполного и потому ложного анализа товара. «Органическая» конструкция «рабочих денег», - пишет Маркс, - «национального банка» и «товарных складов» - только мираж, в котором догмат иллюзорно изображается как управляющий миром закон. Догмат, согласно которому товар есть непосредственно деньги или содержащийся в нем труд частного лица есть непосредственно общественный труд, не становится, конечно, верным оттого, что банк верит в него и сообразно с ним действует»[305], принимая товары и выдавая квитанции на доставленный труд.

Захватив власть, русские большевики в качестве подготовительного этапа на пути перехода к коммунизму усердно претворяли в жизнь фантазии Д. Грея. В своей программе (март 1918 Г.) они указывали: «РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек,

[305] Там же. С. 77.

замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и. т. п.».[306] Что касается самого банка, то помимо «монополизации всего банковского дела в руках советского государства», в программе отмечалась, что «по мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества».[307]

Вместе с «монополизацией всего банковского дела в руках советского государства», контролировавшей натуральное распределение продуктов труда, исчезали экономические стимулы принуждения, свойственные свободному найму. Их сменили внеэкономические методы, присущие отработкам. Об этом с пафосом писал Бухарин, утверждая, что «заработная плата становится мнимой величиной, не имеющей своего содержания. Поскольку рабочий класс является господствующим классом, постольку исчезает наемный труд... От заработной платы сохраняется лишь внешняя шелуха – денежная форма, которая тоже идет к самоуничтожению вместе с денежной системой. При системе пролетарской диктатуры, заявлял он, «рабочий» получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату».[308]

Подобный паек требовал введения трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применения воинских частей для хозяйственных нужд. По предложению Троцкого, это было записано в резолюции IX съезда РКП(б) (март-апрель 1920 г.): «Необходимо с самого начала правильно поставить массовые мобилизации по трудовой повинности, т. е. установить каждый раз, по возможности, точное соответствие между числом мобилизованных, местом их сосредоточения, размером трудовой задачи и количеством необходимых орудий. Столь же важно обеспечить сформированные из мобилизованных трудовые части технически компетентным и политически твердым инструкторским составом... т. е. идти по тому же пути, по которому мы шли в создании Красной армии».[309] Сторонники

[306] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1. М., 1936. С. 302.

[307] Там же.

[308] Бухарин Н. Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920. С. 135.

[309] Об очередных задачах хозяйственного строительства// ВКП(б) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1... С. 338-339.

Ленина и Троцкого полагали, что милитаризация труда это лишь временная мера, что при коммунизме ни экономические, ни внеэкономические стимулы к труду будут ненужными.

Относительно политических последствий предложенного Д. Греем перехода к натуральному распределению материальных благ, которому следовали большевики, рядовой читатель вряд ли узнает что-то новое. О «прелестях» военного коммунизма написано достаточно.

С точки зрения перехода к коммунизму, который отстаивали Маркс и Энгельс, рыночный путь представлялся тупиковым. И дело здесь не только в том, что они ратовали за натуральное распределение предметов потребления. Ограниченность их представлений заключалась еще и в том, что стоимость и прибавочная стоимость якобы создавались в обстановке непомерно разросшейся паразитарной роли торговли и услуг. По их мнению, личное потребление могло существовать только за счет производительного труда.

«Рабочая сила и рабочее время, - пишет Маркс, - должны быть в известной степени затрачиваемые на процесс обращения (поскольку он является простой переменой формы). Но теперь эта затрата представляется добавочной затратой капитала; часть переменного капитала приходится затрачивать на покупку этих рабочих сил, функционирующих лишь в сфере обращения. Такое авансирование капитала не создает ни продукта, ни стоимости. Оно, pro tanto, уменьшает размеры, в которых авансированный капитал функционирует производительно».[310]

Известный спор между теми, кто отстаивал примат товарного потребления и теми, для кого таким приматом было производство (к ним принадлежали Маркс и Энгельс), в ходе исторического развития разрешился исчезновением старой торговли с продавцами, отмеривающими товар, бухгалтерскими работниками и т. д. Современные супермаркеты и копирующие их более мелкие торговые подразделения – это не старые магазины, а склады бесчисленных товаров, где главным действующим лицом является персонал, помогающий покупателю выбрать готовый к употреблению товар, а также его охранники.

[310] Маркс К. Капитал. Т. 24. С. 151.

Для оплаты покупки не нужны и пересчитывающие деньги кассиры. Покупателю достаточно иметь кредитную карту, чтобы по чеку переводить идеальные деньги в банк за вычетом затрат владельцев супермаркета. В результате стал возможен девиз «точно вовремя», подразумевающий доставку всех товарных компонентов без создания на складах резервных запасов и обслуживающего их дополнительного персонала.

Таким образом, простое подключение информационных технологий к предприятиям, выпускающим продукцию, позволяет увеличивать их продажи без дополнительных затрат. Или, иначе говоря, на единицу продаваемой продукции в таких случаях приходится меньше работников.

Но дело не только в этом. Современные сотовые телефоны бурно развиваются. У них появляются все новые функции, превращающие телефон в персональный компьютер. К тому же использование полупроводников позволяет создавать неизвестные ранее продукты (нанотехнологии). В итоге вклад информационных услуг в увеличение выпуска товарной продукции возрастает еще больше. Сегодня усложняющиеся сотовые телефоны занимают ведущее место в экономике стремительно меняющегося мира.

В отличие от стран Запада подобное использование мобильных телефонов у нас еще не стало всеобщим. Отчасти это объясняется новизной происходящего, отчасти традиционно низким уровнем платежеспособного потребительского спроса, ограничивающего применение дорогих мобильных аппаратов. До сих пор, как правило, они используются почти исключительно для телефонных переговоров и, иногда, фото- и видеосъемок. Тем не менее, спрос на мобильные телефоны всех марок неуклонно растет. За последние 6 лет количество мобильных телефонов у населения удвоилось, и за год их продается около одного миллиарда.

Медведев и Путин успешно проводят в жизнь социальную программу подъема жизненного уровня населения. Она включает увеличение зарплат и пенсий, снижение цен на потребительские товары, преследование по закону за ложные банкротства, задержки с выплатой зарплаты и т. д. Успешная реализация программы – залог поступательного подъема народного потребления в условиях сохранения частной собственности и порожденного ею неравенства.

Последствия существования неравенства неодинаково сказываются на экономике страны. Большие индивидуальные состояния, например, позволяют осуществлять ликвидные вливания частных средств. Расходы же на личные нужды их владельцев относительно невелики. Занимаясь физкультурой и спортом, они, как правило, не пьют и не курят. Также поступают правительственные чиновники. В повседневной жизни и те, и другие ограничивают себя в еде и одежде. Их личные траты, создавая дополнительные рабочие места, растут из-за необходимости содержать большой штат охранников, поездок за границу, создания детям оптимальных условий для получения образования и т. д. Раздающиеся в таких случаях утверждения коммунистов о том, что Р. Абрамович за счет своих капиталовложений зарабатывает себе на очередной вертолет, смешны. При его доходах, подобные покупки не более, чем капли в море.

Другое дело состоятельность воров в законе, контролирующих легальный и нелегальный (незаконные поборы, проституция, наркоторговля, преследование крысятников и т. д.) бизнес. Верша свои грязные делишки, они устраивают бесчисленные обильные застолья с дележкой присвоенного, организуют посещения с «нужными людьми» лучших ресторанов, где все сводится к бесконечным пьянкам.

Многие специалисты у нас и за рубежом считают частную собственность и неравенство признаком существования капиталистической экономики, которая стала, по мнению А. Гринспена, «намного более гибкой, жизнеспособной, открытой и динамичной, чем та, которая существовала всего четверть века назад».[311] За это время «растущая покупательная способность населения особенно в Соединенных Штатах, покрывала значительную часть экспорта из стремительно богатеющих развивающихся стран».[312] «Историю последней четверти века, считает А. Гринспен и его сторонники, можно считать историей возвращения могущества рыночного капитализма».[313]

[311] Гринспен А. Эпоха потрясений... С. 20; см. также Программа Коммунистической партии Российской Федерации (версия 13 съезда)//Коммунист 2009. № 1.

[312] Гринспен А. Эпоха потрясений... С. 23-24.

[313] Там же. С. 24.

По этому поводу следует сказать, что частная собственность никогда не была признаком, присущим только капитализму. В прошлом она существовала и при феодализме и в условиях первобытно строя. Главная же особенность капитализма заключалась в минимальном потреблении работников, обогащавших предпринимателей в условиях рынка. Их бедствия описаны в бесчисленных работах не только экономистами, но авторами художественных произведений, которые А. Гринспен, конечно, не может не знать.

Господствующий же сегодня в глобальном мире строй отличается от капиталистического как небо от земли. Его главная особенность – поступательный рост народного потребления на основе рыночного использования частного капитала. Название этого строя социализм – низшая фаза развития коммунизма. О том, каких всем известных достижений в подъеме жизненного уровня народа можно добиться, привлекая частный капитал, свидетельствует Китайская Народная Республика. В 1980 г объем только прямых иностранных инвестиций составлял всего 57 млн. дол. Через 10 лет в 1991 г. этот показатель составил уже 4 млрд. дол. Впоследствии объем прямых иностранных инвестиций в среднем увеличивался на 21% в год и достиг в 2006 г. 70 млрд. дол.[314]

Вместе с подъемом жизненного уровня наметилась тенденция ликвидации различий между умственным и физическим трудом. В условиях обязательного бесплатного среднего образования резко выросло число тех, кто оканчивает среднюю школу. Их интеллектуальный потенциал выше, чем у подростков прошлых поколений. Многие из них поступают в вузы либо получают второе вузовское образование. Однако по сравнению с ведущими региональными сообществами мы от них существенно отстаем. В частности, в США и Европе от трети до двух третей населения имеют высшее образование.

Тем не менее, не смолкает гул голосов, призывающих отвергнуть капитализм во имя советского социализма, вернутся к тем временам, когда образование в нашей стране считалось якобы самым лучшим в мире. И это говорится о самой отсталой стране в Европе, где большинство населения было безграмотным. По свидетельству Луначарского, в 1927 г. было менее 50 тыс. начальных школ, тогда как до революции при

[314] Там же. С. 22.

меньшем населении (отделилась Финляндия, Прибалтика, Польша и т. д.) было 62 тыс. школ. Грамотность же тех, кто оканчивал эти школы, ограничивалась уменьем читать по слогам и считать только целыми числами. В деревне, где проживало большинство населения страны, средних школ не было. Как и в XIX веке отсутствие денег и паспортов лишало деревню источников просвещения, обрекая ее на беспросветный идиотизм сельской жизни.

В сосредоточенных в городах немногочисленных средних школах училось мало школьников. Большую роль в малочисленности их контингента играла плата за обучение, преграждавшая поступлению детей из бедных семей. Введенная постановлением правительства от 26 октября 1940 г., эта плата составляла от 150 до 200 рублей в год.[315] По тем временам это были большие деньги, если учитывать, что население страдало от хронического голода, сопровождавшегося случаями людоедства.[316] Еще большие трудности при поступлении несостоятельных абитуриентов создавались в институтах, где плата за обучение составляла от 300 до 500 рублей.

Вместо устранения различий между умственным и физическим трудом сталинский режим законодательно фиксировал существовавшую противоположность между ними. Кадровики строго следили за тем, чтобы получившие среднее и высшее образование не допускались к физическим работам, работающие физически – к интеллектуальным.

Возрождение советских идиллий, к которому нас призывают сегодня, отбросило бы нас в объятия сталинской эпохи, где население было обречено на нищенское существование. С точки зрения его материального и культурного уровня, мы и так без этих идиллий бесконечно отстаем от развитых стран.

До Западной Европы нам, конечно, еще далеко. Но у нас есть свои преимущества. На их опыте, который, как уверяют нас, чужд традициям и менталитету россиян, мы знаем, чего нельзя

[315] Bienstock G., Schwartz S.and Yugov A. Management in Russian Industry and Agricultutre. L., 1944. P. 122.

[316] Факты убийства с целью людоедства были зарегистрированы в Архангельске, Кемерове, Кирове, Молотове, Омске, Свердловске, Чите, Чкалове, Красноярске и др. городах. См. Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов//Россия в XX в. Война 1941-1945 годов... С. 74.

делать, чтобы высшее образование стало массовым. К тому же жизнь постоянно открывает неизвестные ранее возможности, что позволяет ускоренными темпами не только преодолевать накопившуюся отсталость, но и раньше других, применяя новые подходы и решения, оказаться со временем на более высоком уровне решения проблемы.

Одна из особенностей современного обучения – выравнивание интеллектуального потенциала города и деревни. Подключаясь к Интернету (буквально «Междусетье») школьники уже сейчас получают доступ ко всей мировой паутине, раскинувшейся не только по всей поверхности Земли, но и в Космосе. Число русскоязычных документов в Сети, по данным Nigma.ru в 2006 г. достигло миллиарда.[317]

До появления Интернета такого богатства не знала ни одна крупнейшая национальная библиотека мира. Если спросить сейчас любого ребенка старше 10-11 лет, есть ли у него электронный адрес, он, скорее всего, ответит утвердительно. Даже в нашей стране, так долго не знавшей ничего об электронной почте, «на человека, не умеющего пользоваться компьютером, смотрят как не вполне полноценного».[318] Пользуясь электронными ресурсами, школьники города и деревни получают одинаковую возможность знакомиться с нужным материалом, дистанционно обучаться у лучших педагогов по избранным предметам. Единый государственный экзамен уравнивает шансы поступления в институты в любом городе. На этой почве рушится идиотизм сельской жизни, порождая интеллектуальную общность города и деревни.

Сказанное не исключает существования частных проблем обучения с использованием Интернета. Они с разной степенью успешности решаются. Однако главный вектор развития - устранение интеллектуальных различий между городом и деревней - остается неизменным. Вместе с тем при таком устранении еще не исчезает противоположность умственного и физического труда. И тот и другой, как правило, существуют бок о бок, будучи фиксированными за разными лицами.

[317] Леонтьев В. Новейшая энциклопедия. Интернет. М., 2007. С. 8.

[318] Михайлов А. Электронная почта и ее защита. М., 2008. С. 3.

Только там, где используются роботы, указанная противоположность исчезает. Роботы выполняют физический труд, управляющие ими люди - интеллектуальный. На этой основе происходит такое стирание граней между умственным и физическим трудом, которое ни Маркс и Энгельс, ни предшествующие им коммунисты, разумеется, не могли предвидеть.

С точки зрения степени освобождения человека от физического труда можно выделить два типа роботов. Первый – подсказывающий человеку сочетание меняющихся параметров, несоответствие которых поставленной задаче он вручную устраняет. Второй – все меняющиеся параметры автоматически подправляет сам робот, оставляя человеку лишь фиксацию начала и конца его работы. В качестве примера может служить водолаз, вручную вносящий коррективы по мере своего погружения под воду, и робот, который все подводные коррективы автоматически проделывает сам.

К сожалению, в производстве роботов, требующем применения информационных технологий, мы до сих пор значительно отстаем от достижений ведущих компаний США, Японии и т. д. «В Советском Союзе, - пишут Е. П. Велихов, В. Б. Бетелин и А. Г Кушниренко, - использование информационных технологий в основных отраслях промышленности носило фрагментарный характер практически до середины 80-х годов. Аппаратную основу этих технологий составляли серийно выпускаемые ЕС ЭВМ и СМ ЭВМ, функционально идентичные ЭВМ начала семидесятых годов компаний IBM и DEC, но имевшие существенно более низкие технико-экономические показатели, по сравнению с их прототипами, что делало невозможным их масштабное использование в промышленности».[319] Фактически в советскую эпоху мы отставали от развитого мира более чем на 20 лет.

В свете приведенных данных читатель по достоинству может оценить измышления, например, В. М. Макарова и Г. Б. Клейнера, доказывающих, что все наши беды произошли от распада СССР. «Около 300 современных технологий, пишут они, в таких областях как аэрокосмическая промышленность, производство высокочистых материалов, станков с числовым

[319] Велихов В. Б., Бетелин А. Г., Кушниренко А. Г. Промышленная политика инновации… С. 25.

программным управлением, промышленных роботов, биотехнология и других утрачено окончательно».[320]

Итак, с точки зрения В. М. Макарова и В. Б. Клейнера, «золотой век» утрачен окончательно. Губительные последствия его утраты растут, обрекая Россию на якобы пагубную зависимость от иностранных компаний. Но рынка информационных технологий у нас никогда не было. Он только сейчас зарождается. Например, если в США на сегодня установлены 360 супер-ЭВМ, в Европе 100, то в России их всего 3: в Академии наук, Сбербанке и Томском университете.[321] Эти супер-ЭВМ стали основой быстродействующих компьютерных центров, выполняющих под контролем государства заказы на информационные технологии фирм с частным капиталом.

По сравнению со всеми отраслями производство робототехники и ее компонентов сегодня являются наиболее динамичным.[322] Мировой рынок микроэлектронных компонентов в начале 2000 года превышал 250 млрд. долл. в год. Рынок изделий электроники на основе микроэлектронных компонентов был близок к 2 трлн. долл. Суммарно оба рынка значительно превысили цифру 2 трлн. долл. при мировой торговле в размере 6 трлн. долл. В то же время рынок нефти составлял в зависимости от цен всего 540-750 млрд. долл.

Известно, что всякая автоматика становится основой производства лишь там, где она оказывается дешевле замещаемой ею рабочей силы. Исключение – без ее использования из-за вредности невозможен труд человека. Проводимые в нашей стране меры по подъему жизненного уровня народа это не разовые, обусловленные кризисом начинания, а постоянные акции, рассчитанные на все времена. Точно также поступают во всех регионах мира, ускоряя тем самым замещение физического труда человека роботами.

[320] Макаров В. Л., Клейнер Г. Б Микроэкономика знаний… С.163.

[321] Велихов Е. П., Бетелин В. Б., Кушниренко А. Г. Промышленная политика… С. 72.

[322] Данные за 2001 г взяты из статьи Е. П. Антонеца Приоритетное развитие микроэлектроники – условие возрождения российской экономики, изменения ее сырьевой ориентации, опубликованной в материалах семинара, посвященного проблеме подготовки кадров. Руководитель семинара д-р филос. наук, профессор А. И. Ракитов.

И заинтересованность общества в повышении благосостояния народа, и стирание граней между умственным и физическим трудом к капитализму не имеет никакого отношения. Те, кто утверждает обратное, напоминают героя, не знавшего, что он говорит антикапиталистической прозой.

В действительности речь идет о рыночном социализме со зреющими ростками коммунистического общества. Такой социализм далек от абстрактных благостных видений его, нарисованных основоположниками марксизма и их предшественниками. В условиях рынка на всех уровнях постоянно возникают свои порой несовместимые противоречия. Их успешное разрешение – залог будущего развития человечества.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Иванов Юрий Михайлович

Социальная история России

Компьютерная верстка Ю.М. Иванов

Подписано в печать 03.06.2010 г. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 10. Тираж 100 экз. Заказ № 42.

Издатель Карпов Е.В.
121357, Москва, ул. Верейская, д. 29.
Тел./факс: 509-73-40

Отпечатано в типографии «Карпова».
121357, Москва, ул. Верейская, д. 29.
Тел. 509-73-40